

Татарстан Фәннәр Академиясенә
Ш.Мәрҗани исемендәге Тарих институты

ТАТАР АРХЕОЛОГИЯСЕ

№ 1-2 (14-15), 2005

Казан — 2005

*Данный номер журнала издан при поддержке
АНО «Казанский институт археологии»*

Главный редактор — **Равиль Фахрутдинов**

Редакционная коллегия:

Марсель Ахметзянов

(Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова
Академии наук Татарстана, г.Казань).

Евгений Казаков

(Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана)

Марк Крамаровский

(Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Леонид Кызласов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Джамиль Мухаметшин

(Булгарский государственный историко-архитектурный заповедник,
г. Булгар, Республика Татарстан)

Светлана Плетнева

(Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва)

Марина Полубояринова

(Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва)

Рашо Рашев

(Шуменский филиал Археологического института
Болгарской Академии наук, г. Шумен, Болгария)

Айрат Ситдинов

(Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана)

Петр Старостин

(Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, г. Будапешт, Венгрия)

Светлана Червонная

(Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук, г. Москва)

Содержание

Слово главного редактора	5
Николай Калинин	
Где был дворец казанских ханов	6
Айрат Ситдиков	
Археологическое изучение ханской Казани (материалы исследований Казанского кремля 1994-2003 гг.)	24
Андрей Старков	
Деревянная застройка Казанского кремля XVI в. (по материалам раскопа LIA)	63
Гарун Юсупов	
Эпиграфические памятники Атнинского района Республики Татарстан	71
Константин Руденко	
Казанский дракон: образ и символ	92
Светлана Сулова	
Вопросы формирования традиционных костюмных комплексов казанских татар (Заказанская зона Центрального этнокультурного ареала)	111
Сведения об авторах	126
Список сокращений	126

Слово главного редактора

Настоящий номер нашего журнала посвящен проблемам истории Казани и Казанского ханства – их археологии, эпиграфике и искусству, в том числе и архитектуре. Он открывается ставшей библиографической редкостью статьей Н.Ф.Калинина – общепризнанного специалиста по истории Казани, посвятившего всю свою научную жизнь исследованию средневекового прошлого Татарстана и ближайших регионов. Отраднo, что последующие археологические изыскания Казанского Кремля обогатили ряд его выводов об исторической и социальной топографии города, отдельных элементов материальной культуры. Об этом говорят две последующие статьи археологов нового поколения, при этом особенно ценна работа А.Г.Ситдикова, обобщающая результаты исследований нескольких лет.

В журнале публикуются данные исследований эпиграфических памятников периода Казанского ханства, которые проводил в свое время крупный знаток этих древностей Г.В.Юсупов. Тогда смерть помешала ученому вводить в научный оборот солидную часть этих ценнейших памятников истории, языка и искусства казанских татар. Мы считаем необходимым продолжение этой темы при благородной помощи современного специалиста в этой области – доктора филологии М.И.Ахметзянова.

Статьи наших постоянных авторов – К.А.Руденко и С.В.Сусловой весьма актуальны и ценны, к тому же поднятые ими темы долго находились в забвении.

Следующий номер “Татарской археологии” будет посвящен теме “Кочевой мир Средней Евразии и Золотая Орда” в связи с предстоящим 75-летием незабвенного Г.А.Федорова-Давыдова и научной конференцией в его честь, которая будет проведена в Москве в ноябре будущего года. В этой связи обращаюсь к уважаемым коллегам принять участие со статьями в нашем журнале по названной выше проблеме. При этом большая просьба: прислать четко выверенные тексты в пределах до 1,5 а.л. на дискете и распечатке, иллюстрации – до 10-12 в черно-белом и 2-4 в цветном вариантах. Сведения об авторе (фамилия, имя и отчество полностью, научная степень, должность, специальность) и список сокращений – на отдельном листе. Срок представления работ – начало июня 2006 г. Наш адрес указан в конце журнала.

*Равиль Фахрутдинов,
доктор исторических наук.*

Николай Калинин

Где был дворец казанских ханов*

Тема не новая. Так или иначе ее касались в течении ряда десятилетий многие исследователи. И все же вопрос не может считаться исчерпанным. Интерес к татарскому прошлому не только не иссяк, но наоборот, возродился и принял, можно сказать, самые живые формы. Существование нового общества Татароведения тому – яркое свидетельство. В его задачи наряду с научной работой по изучению татарской истории, входит и более узкий, частный вопрос – о топографии древней Казани, какового и касается наша тема.

Мы решаемся снова касаться этого старого вопроса, рискуя заслужить упрек за повторение давно известного.

Правом на внимание может обладать только такая проблема, которая может считаться еще нерешенной. Можно ли сказать, что до сих пор еще не выяснено, где находился ханский дворец XVI-XV веков? Приходится отвечать, что да, вполне точно не установлено. Поэтому-то я и беру на себя смелость выступить с этой статьей.

То новое по интересующему нас вопросу, которое только и оправдывает наше настоящее выступление на страницах печати, заключается 1) в привлечении источников не достаточно использованных, 2) в не применявшихся методах, 3) в некоторых выводах.

Здесь я хочу подчеркнуть, что мне хотелось в своей работе над этим вопросом центр тяжести перенести не на выводы, с которыми, по моему, исследователи топографии древней Казани обыкновенно слишком спешат. Более пристальное исследование источников и уточнение методов работы должно быть выдвинуто на первый план, а выводам – представляется, так сказать, свобода вытекать самим собою.

Говоря об источниках, можно их разделить на 4 категории: 1) татарские народные предания, 2) литературные памятники, ближайšie к времени существования Казанского ханства, т.е. XVI века, 3) планы города Казани, которые, однако, не древнее XVIII в 4) Татарская и русская литература позднейшего времени. Из всех этих источников приходится главнейшее значение отдавать „Писцовой книге“, составленной в 1566-8 г.г., как содержащей, бесспорно, наибольшее количество топографических указаний и при том относящихся, ко времени, отделенному от момента падения Казани только 14-годами. Все, писавшие о топографии древней Казани, признавали за этим памятником выдающееся значение. Он был издан в Казани еще в 1877 г. Но это издание имеет тот существенный недостаток, что воспроизводит Писцовую книгу не полностью, а с некоторыми сокращениями и купюрами по списку сделанно-

* Печатается по: Вестник Научного общества Татароведения. – Казань: Издание Акад. центра Народного комиссариата просвещения ТССР, 1927. – № 6. – с. 81-96. Чертеж. 2.

му проф. Невоструевым. Эти сокращения были иной раз причиной неправильных выводов и суждений¹. Ряд поправок и значительное количество дополнений можно сделать, пользуясь полным списком с Писцовой книги. Таковой список уже давно сделан местным учен. С.И. Порфирьевым, благодаря любезности которого я и мог воспользоваться этими данными, нигде еще не напечатанными².

Остановлюсь еще немного на планах Казани, которыми я пользовался. Из всей массы изданных и не изданных планов Казани XVIII-XX веков для моей цели пригодились только очень немногие. Это 1) чертеж 1730, инженер-поручика Артемона Соцыперова, изображающий план Казанского кремля. Издан в 1898 г. М. Богдановским³

2) План Казани на рукописной карте Казанской губернии, хранящийся в главной библиотеке Казан. университета им. Ленина Этот план относится к самому началу XIX в. 3) Рукописный план Казани эпохи ок. 1830 года, хранящийся в Центральном музее Татареспублики.

Все эти планы, как видно, весьма поздние, и более ранних мы не имеем, но они имеют то значение, что, не изображая местоположения ханского дворца, дают возможность косвенно судить о местоположении развалин и остатков ханского дворца, по уверению исследователей существовавших еще до 1845 года. Этими планами пользовались неоднократно, и они упоминаются в местной литературе, но это пользование и сопоставление планов одного с другим, и особенно с современным, практиковалось лишь, можно сказать, глазомерное. Из этого опять таки могли проистекать ошибки. Чтобы, по возможности, избежать их, я применил метод наложения⁴.

В преимуществах этого метода читатель может убедиться из дальнейшего изложения.

Ограничусь пока этими предварительными замечаниями. Сведения об остальных источниках даются ниже в самой статье.

Где был дворец Казанских ханов? Этот вопрос во второй половине прошлого столетия или вовсе никак не решали, или решали весьма фантастически. Так, неизвестный автор в Казанских Губ. Ведомостях 1856 г. пишет: „Нынешний кремль наш не имеет ничего общего с укрепленным двором царей Казанских, который исчез совершенно, так что *мы вовсе не можем определить его объема и положения*“⁵.

Лаптев, писавший в 1861 г., говорит: „Дворец этот, кажется, находился на той горе, где и теперь стоит кремль и ул. Воскресенская... Нельзя определить верно ни его положения, ни его объема. Последний был не мал, судя по тому, что в день падения Казани в нем заперлось более 10000 человек. С теперешней крепостью укрепленный дворец царей Казанских не имеет ничего общего... место их расположения не могло совпадать... укрепленный двор находился не на краю города“⁶. Таким образом Лаптев отодвигает его в район теперешней ул. Чернышевского, не приводя для того никаких достаточных оснований. Еще яснее го-

ворится о положении дворца на Воскресенской улице в „Памятной книжке по Казан. Губ. за 1861-2 г.“ Тут сообщается, что в кремле „равно как и на месте нынешней Воскресенской улицы, возвышались те каменные мечети и палаты царские, о которых говорит Курбский“⁷.

Одно татарское народное предание, записанное и изданное в книге Амирханова Хусаина⁸ указывает положение дворца в совершенно другом месте, именно около оз. Кабана вблизи деревни Горки и так называемой „Архиерейской дачи.“ Это, конечно, другой дворец, загородный, являвшийся, вероятно, летней резиденцией. Во избежание отождествления этих двух дворцов, позволю себе здесь изложить названную легенду, тем более, что она мало известна.

После разрушения г. Булгар, один из представителей аристократии князь Кабан поселился со всем своим родом на холме в 1¹/₂ верстах к востоку от озера, которое потом стало называться его именем. Тут на холме не было никаких жилых построек, был лес, в котором водились даже медведи. При кн. Кабане образовалась деревня. Рядом с этим местом Кн. Кабан нашел кладбище.

Он окружил его оградами, а внутри построил глиняную мечеть. Для летнего жилья он построил здесь также большое здание, названное впоследствии ханским дворцом. Казанские ханы впоследствии улучшили и расширили эту ограду. „Эти огороды, кажется, те самые, которые теперь называются архиерейскими“, прибавляет автор. Несколько ниже он передает предание о садах Сююмбеки, которые приурочиваются, приблизительно, к тому же месту. Хан Едигер (будто бы отец Сююмбеки) велел для нее устроить „на восточной стороне Булака⁹ против озера, немного дальше от того места, где хоронят архиереев“, большой сад из фруктовых деревьев с массою цветов, где было много разных птиц и диких животных. „Некоторые ханы приезжали сюда и проводили лето гуляя и веселясь“. Это место у казанцев называлось не иначе как сады Сююмбеки.

После напечатания Писцовой книги в 1877 году стало вполне ясно, что городской дворец ханов, или, как он тут назван, „царев двор“ находился в северной части современного кремля (в районе Сююмбекиной башни). С тех пор речь могла идти только о более точном выяснении местоположения.

Так, историки указывают что дворец был именно там, где в XVIII-ом и в первой половине XIX ст. находился так называемый Обер-комендантский дом, в состав которого, будто бы входили еще уцелевшие части ханского дворца¹⁰.

Остановимся по этому на данном вопросе и посмотрим, что известно про Обер-Комендантский дом.

В 1845 году развалины этого здания были сломаны, и тогда же началась постройка здания, которое теперь служит местопребыванием Татарского Центрального Исполнительного Комитета. В Казанских Гу-

бернских Ведомостях 1845 при сообщении о постройке дворца губернаторского есть такое замечание: „где эти развалины, с растреснувшими, покочнувшими стенами, выветренные, суровые, известные под именем „Комендантского дворца.“? Они пали, наконец, чтобы дать место новому великолепному зданию“⁴¹.

Баженов, писавший в 1847 г.¹² говорит, по поводу той же постройки, что Сююмбекина башня теперь „будет служить воротами к дворцу, возводящемуся на месте прежнего комендантского дворца, где долго существовали остатки комендантова дома, построенного при императрице Анне Ивановне“. Несколько лет ранее того писал Второв: „Под башней (Сююмбеки) сделаны сквозные ворота, за которыми еще в недавнее время находились развалины так называемого Сумбекина дворца; ныне их уже нет.“¹³ Можно привести еще два известия: 1) Глаголева (1838 года), который сообщает почти тоже самое, что Сююмб. башня была въездом во дворец царей Казанских „хотя от него не осталось никаких следов;“ 2-ое) Рыбушкина (1834 г.) – „Находящиеся под оною (т.е. под Сююмб. башней) ворота должны были служить въездом в дом Оберкоменданта. Место позади сей башни с ветхим каменным строением досего времени именуется комендантским двором.“¹⁴

Таким образом современники 30-х – 40-х годов прошлого века согласно свидетельствуют, что комендантский двор и дом были около Сююмб. башни, и при том они ставят этот двор в связь со дворцом Казанских ханов или Сююмбекиным дворцом, которые „еще недавно тут были“, но от которых к 40-м годам уже ничего не осталось¹⁵.

Кроме этих свидетельств у нас есть еще план Казани, относящийся, вероятно, к концу 20-х годов прошлого века¹⁶. На чертеже № 1, пунктир - - - представляет увеличенную копию с него, сделанную в масштабе одинаковом с планом, представляющим часть современного кремля¹⁷. При наложении их друг на друга, в общем довольно точно совпадают стены и башни кремля¹⁸, собор¹⁹, бывшее здание юнкерского училища²⁰ быв. архиерейский двор²¹ и др. Там, где, мы ожидаем, – должен быть двор коменданта, мы видим квадратную площадку, по краям огороженную каменными зданиями. С севера, где теперь Татцик – здание. На северо-западном углу здание под цифрой 4 – это теперь то здание, что было дворцовой церковью. С запада башня Сююмбеки под цифрой 3²². К ней примыкает тоже каменное здание, образующее юго-западный угол двора.

Южный край не весь застроен. Между собором и теперешним Татциком нет зданий. С востока опять постройки.

*Таким образом план нам выясняет, что комендантский двор со-
впадал с площадью пред дворцом Татцика. Здания, входившие в
состав этого „двора“ стояли не в середине, а по краям. Были ли в
составе этих зданий остатки ханского дворца и именно в каком из них,
план, конечно, не говорит. Но уж если придавать значение преданиям,*

видевшим в составе комендантского дома фрагменты ханского дворца, то этот чертеж должен убедить, что таких фрагментов в начале XIX века *на середине площади искать нельзя.*

Теперь спустимся еще глубже в прошлое и посмотрим, что нам известно об интересующем нас месте в начале XIX и конце XVIII в.в.

В 1815 г. в Казани был сильный пожар. В Казанских ведомостях того года „некто из любопытствующих,“ сам считавший погоревшие дома и дворы, сообщает и о крепости, что в ней сгорели 1) в двух местах деревянные здания „соляных магазейнов“ 2) Казамаг, 3) *на горе каменное одноэтажное здание фигурую на подобие буквы П, в коей был некогда дом коменданта,* 4) выше сего старинная церковь, бывшая прежде гарнизонная и некогда, как говорят, татарская мечеть, за сею высокая башня, также драгоценный остаток древности... Подле сей башни к собору был древний Сумбекин дворец каменный, разломанный 15 лет до сего...²³ К.Ф. Фукс в своей краткой истории г. Казани про разрушение того же, вероятно, здания говорит точнее: „В 1807 году разломан в здешней крепости ханский дворец, последний остаток татарской архитектуры“²⁴. В „Описании г. Казани начала 19 века“ изд. С.И. Порфирьевым, при перечислении общественных зданий внутри крепости упоминается „дом со службами ветхой, где был татарских царей дворец, пребывали обер-коменданты, а ныне его стены и несколько каменного здания в развалинах видны.“²⁵

Сопоставим эти литературные известия с планом конца 18-го или начала 19 века²⁶.

На моем чертеже № 1 пунктиром ^{oooo} представлена часть кремля по этому плану. (Увеличено в 12 с лишним раз). Под цифрой 1а здесь мы найдем „бывший комендантский дом“. Действительно, это постройки, расположенные буквой П. По сравнению с планом 1820-х г. бросается в глаза то различие, что на плане 1820-х годов нет зданий в юго-восточном углу двора, тогда как на плане конца 18 или нач. 19 век. этот угол представляет одну сплошную постройку.

Невольно возникает соображение, что именно *на этом месте было в начале 19 века то здание, которое, по словам Фукса, представляло ханский дворец,* и уничтожено в 1807 г. а по словам кого-то „из любопытствующих“ – „древний Сумбекин дворец“, стоявший где-то ближе „к собору“.

Попутно необходимо внести некоторые коррективы к книге Шпилевского, пользовавшегося в 70-х годах прошлого столетия этой же рукописной картой (он ее определенно считает относящейся к концу 18-го века.) Шпилевский отмечает рядом с церковью Введения на месте нынешнего дворца здания без названия:²⁷ При наложении, как это сделано на чертеже № 1, не трудно видеть, что это здание без названия (у нас оно обозначено 2 а) приходится на месте нынешнего дворца Татцика. Здесь же мы видим здание и на плане 1820-х годов. Конечно, это –

одно из строений, входивших в состав Обер-комендантского дома. Про другое здание, стоящее у северной крепостной стены²⁸ оставшееся для Шпилевского тоже неизвестным, можно заметить, что то, вероятно, один из двух „соляных магазейнов“ в которых в 1815 г. сгорело „несколько десятков тыс. пудов соли“²⁹. Эти два здания считает Шпилевский остатками палат на царском дворе Казанских ханов и около него. Во всяком случае последнее из них не может считаться остатками ханского дворца, так как лежит не в районе ханского дворца, как увидим ниже.

Так мы дошли до 18-го века. Дальше сведения наши становятся все скуднее.

Перед нами фантастический „план–панорама“ осады Казани „сочиненный“ фон Каницем. Здесь он изображает и ханский дворец, говоря: „а что касается до показанного здесь в кремле царского дворца и мечетей, то поколику их давно уже нет, *по произволению* здесь написаны, но точно на тех местах, где они находились“³⁰. Такою „точностью по произволению“ в вопросах топографии мы пренебрегаем и переходим к другому источнику: Зиновьев. Топографическое описание г. Казани. (М. 1788 г.) Но у него мало относящегося к данному вопросу. Перечисляя здания в кремле, он упоминает „Обер-комендантский дом. На оном месте был во время татарского владения царей тогдашних дворец.“ – Перед нами уже сам комендантский дом (а не его развалины, как в предыдущих сообщениях) и упорно повторяемое предание о ханск. дворце. Но нет точных топографических указаний.

Просмотрим описание Пестрикова, составленное в 1739г. Тут упоминается церковь Воскресения „на дворе государеве; при ней пределы“... Перечисляется 3 предела и один из них Введения. Мы знаем, что Воскресенскими воротами называлась Северо-Восточная башня кремля³¹ что церковь Введения – это дворцовая церковь³². Значит, государев двор Пестрикова – приходится опять на это же место. Теперь это не Обер-комендантов двор; и самого дома комендантова Пестриков не упоминает: его еще не было³³.

План 1730 года, представленный на нашем чертеже № 1 ~~~~ является свидетельством мало надежным: самая четкость и аккуратность его (по сравнению с предыдущими) кажется нам подозрительными и заставляют предполагать в нем слишком усердное творчество самого издателя этого плана – Богдановского. Самый подлинник, хранящийся в одном из архивов в Ленинграде, нам не известен. При наложении плана на современный они плохо совмещаются. При совмещении башен и стен не совпадает собор, а при совмещении собора, Воскресенской башни и Сююмбекиной, не совпадают Тайницкая башня, артиллерийский двор и др.

Тем не менее не безынтересно привлечь и этот чертеж. На нем все таки с несомненностью показан, на месте комендантова двора конца 18 и 19 века, „Государев дворец и сад,“³⁴ а в *северо-восточном углу – здание, с упорством фигурирующее на всех рассмотренных нами*

планах³⁵. Тогда, в 1730 году, это дворец русских царей, построенный не ранее XVII века, как резиденция наместников и воевод. Возможно, что в состав этого здания также входили части упраздненного дворца казанских ханов. Остальных зданий кругом двора с южной и юго-западной стороны тут нет, тогда как на последующих чертежах (рассмотренных нами) мы их видели. Значит ли это, что все они позднейшего происхождения? Это можно было бы утверждать, если бы можно было бы доказать точность чертежа 1730 года. Но, как сказано, этот чертеж является источником далеко не надежным. На этом кончаются наши сведения о восемнадцатом веке. Переходим к семнадцатому.

Впрочем от этой эпохи у нас есть только одно топографическое указание и весьма неточное. Архивы Казанские, как известно, погибли в пожар 1815 г. и в другие. Только изучение Московских и отчасти Ленинградских архивов может дать нам недостающие сведения. Источник, которым мы пользуемся в данном случае, есть одна из книг, хранящаяся в отделе писцовых книг б. Архива Юстиции в Москве³⁶. Она содержит опись казанских дворов 1651 года. Среди дворов духовенства и служилого сословия, находящихся в кремле, книга сохранила и такую запись³⁷: „Государя царя и великого князя Алексея Михайловича вesa Великие и Белье и Малые России Самодержца двор рыбной, а на нем палата каменная двери железные под полатою погреб каменной да 2 анбара с сушилы да изба рыбная с сенми сени решетчатые да ледник с напogребницею дощаною огорожен заборы ворота створчатые бревенные.“

Где был этот двор – не сказано. Но указание на каменную палату для тех времен, когда все жилые помещения были (за очень малыми исключениями) деревянными – уже является некоторым топографическим указанием: В XVI веке каменные палаты мы знаем только в этом районе. Отчего не предположить, что в XVII веке сохранилась палата одна из тех, которые упоминаются в XVI в. Да вообще вполне естественно предположить, что *государев* рыбный двор был там же, где и через 80 лет мы видим *государев* дворец и сад. Если это так, то у нас есть еще звено, связывающее наше представление об исторической судьбе того места, где когда-то возвышался дворец казанских ханов.

Эти звенья образуют следующую цепь:

16-ый век – царев двор, развалины ханского дворца, занятые под склад пороха и других военных припасов³⁸.

17 век – Государев рыбный двор. Под палатами казанских ханов – каменный погреб для рыбы. Несколько деревянных построек.

18 век – Государев двор. Потом обер-комендантский. Построены каменные здания на остатках прежних палат.

19 век – Обветшание коменд. дома. Пожар 1815 года, сломка отдельных его частей вплоть до 40 х годов и постройка в 1845 нынешнего здания дворца Татцика.

Теперь перейдем к начальному звену этой цепи, наиболее для нас важному, наиболее определенно отвечающему на основной вопрос нашей темы.

Писцовая книга 1566-68 г.г., как основной источник, вкратце охарактеризован нами в начале статьи³⁹. Ею пользуются, начиная с 70-х годов прошлого века, когда она была известна по списку Невоструева. Первый, кто пользовался им, был Шпилевский. Он знает о недостатках списка⁴⁰, но все же им пользуется. Вот почему, ссылаясь на Писцовую книгу, он делает ошибки. ⁴¹ Еще больше их у Заринского, который с большим мужеством взялся подробно восстановить общий план кремля 16-го века „по отрывочным выражениям писцовых книг.“ (его собственное выражение.) Про одно место Писцовой книги он также говорит: „Запись домов и перечисление улиц и переулков в писц. книге сделаны так сбивчиво, что *трудно* в этой части Казани XVI в. восстановить древний план местности.“ Другие гораздо более поздние исследователи считают это не только трудным, но и невозможным. Так М.Г. Худяков в своих „Очерках из истории Казанского ханства“ употребляет в иных местах, где речь идет о топографии татарской Казани эпохи ханства, такие выражения: „выяснить, какое отношение эти планы имели к ранее названному, *невозможно*.“⁴²

Целый ряд мелких вопросов, которые, таким образом, считались не разрешимыми, мне представляются *разрешимыми*. При этом можно исправить и те ошибки, в которые впадали выше названные исследователи. Такая моя уверенность объясняется просто: у нас теперь есть *полный список* с Писцовых книг. В этом списке по сравнению с печатным изданием с первого взгляда есть только мелочные никому и ни для чего не нужные перечисления дворов – и только⁴³. Но эти то перечисления и некоторые топографические замечания время от времени между ними вкрапленные, и дают возможность нарисовать гораздо более ясную и правильную картину месторасположения зданий и улиц в кремле 16 века и таким образом выяснить расположение дворца казанских ханов.

Моя работа состояла в сопоставлении всех топографических замечаний и в объединении дворов и построек, связанных так или иначе между собою топографически. Для этого пришлось проделать большую работу. В те времена кремль был битком набит постройками. Здесь было 8 церквей, монастырь с 2-мя церквями и многими служебными и жилыми постройками, обширные дворы наместника, архиерейский и бывший „царев двор“, изба дьячья, посольский двор, тюрьмы и, наконец, не менее 150 дворов князей, служилых, духовных и мастеровых людей. Записи в Писцовой книге идут не в уличном или другом каком-нибудь географическом порядке, а по категориям: церкви отдельно, дворы князей отдельно, дворы мастеровых отдельно и т.д. В этом-то главная трудность. Получается своего рода винегрет, в котором нужно разобраться и разложить по местам все входящие в целое составные части.

Я не буду входить в подробности этой работы, да и навряд ли это интересно. Скажу только, что результатом такой работы является чертеж № 2, к объяснению которого и приступаю.

На фоне современного плана кремля (оттененного черной краской) мною цифрами, буквами и штриховкой отмечено местоположение построек в кремле эпохи написания Писцовой книги. Я намеренно избегал обычного приема обозначения на планах линиями (за немногими исключениями) так как это дает ложное представление о той точности местоположения, которая нам неизвестна.

Прежде всего о стенах крепости. Они были в этой части кремля в ту эпоху почти сплошь деревянные, за исключением небольшого звена между Тайницкими и Воскресенскими воротами. Стены были толщиной до 4 саж. и как мне думается, совпадали в своем расположении с современными⁴⁴.

Первое топографическое указание в Писцовой книге о „царевом дворе“ следующее: „Внутри города, да меж Воскресенских и Никольских ворот от городовые стены через *царев старый двор* и от двора большою улицею прямо мимо Государев двор до Спасских ворот в длину 310 саж.“ Мы должны, следовательно, искать ханский двор на прямой линии, проведенной от Спасской башни до стены в выше указанном пункте. На моем чертеже линии ху, zu указывают те пределы, между которыми, но не дальше, могут проведены быть подобные прямые. За пределы zu к западу нельзя провести такой прямой, так как она пересекла бы Тайницкую (Никольскую) башню, а за пределы хи к востоку тому же помешал бы собор. Его местоположение и размеры определяются довольно хорошо, почему я и начертил его более точно. Только размеры передней лестницы у собора (tt), упоминаемой в Писцовой книге, неизвестны. Но если лестница была шире, чем у нас показана, то пределы между этими линиями еще сокращаются. Таким образом ханский двор должен помещаться на одной из этих линий. Так оно и есть на чертеже, где буквою А изображен ханский двор. Чтобы выяснить, какие здания входили в состав ханского двора и какие вообще здания татарской эпохи существовали еще в 1566-8 г.г., приведем из Писцовой книги все места, в которых так или иначе упоминается слово мечеть, палата⁴⁵. Эти места можно соединить в три группы.

Группа упоминаний при перечислении „казны городского наряда“:

1) „У царского старого двора в мечети“ – перечисляется множество артиллерийских припасов, пицалей и других гл. обр. железных предметов.

2) „Против Благовещения (т.е. собора) в мечети“ – порох.

3) „Да у царского двора в полате“ – селитра.

4) „Да против Благовещения в полате“ – опять порох.

5) „Да у старого царского двора в малой полате“ – селитра.

6) „Да в Муралеевской палате“ – пушечные станы, колеса и т.д.

7) „У полаты против Благовещения“ – подъем, пицали.

II-ая группа упоминаний встречается при описании самого двора ханского. Тут говорится:

„а на месте две палаты старые (А и В*), у одное палаты сушило на подсени, да изба 4-х сажен меж угол (С), да перед царским двором полата-старая-ж (Д) да подле царского-ж двора полата (Е), а в ней Государева казна городского наряду, да у монастырского двора илантовского мизгить, что была Муралеева (F). Наконец

III-я группа – упоминания при перечислении разных дворов:

1) двор князя Булгакова „у старово царева двора за большою палатою.“

2) „да у Мизгити, что была Муралеева двор Тимофея Малышкина нижегородца.“

3) „да против монастырского илантовского двора место порозже, да у Тимофеева двора Малышкина двор.“

4) „Двор Парфенков сторожа палатного зелейные палаты“

5) „у палаты у казенные место порозжо.“

Наибольшей полнотой из этих упоминаний обладает описание ханского двора (группа II). Здесь именно идет перечисление построек на „царевом дворе.“ Писцовая книга столь щепетильно отмечает в кремле каждый дворик и пустое место, каждую маленькую деревянную постройку (избишко дощаное, чуланчишко и т.п.), что совершенно невероятно, чтобы она пропустила которое нибудь из каменных зданий, хотя бы и в развалинах *на* или у ханского двора. Поэтому я считаю, что к 1566-8 г. уцелели от татарской эпохи только те 5 каменных зданий, которые перечислены во II ой группе упоминаний, именно А, В, Д, Е, и F. Избу (С) я выбрасываю из перечня татарских построек; явно по недоразумению попала она в состав ханского дворца у М.Г. Худякова⁴⁶. Гораздо проще предположить, что она русской постройки, как и 1^{1/2} сотни других в тогдaшнем кремле.

Все остальные упоминания в Писц. книге (груп. I и III) не отмечают, мне думается, ни одного здания сверх этих пяти, а только называют те же, только в несколько других выражениях. Не трудно их отождествить.

Таким образом, пять зданий этих суть следующие:

Во-первых, *Мечеть Нур-Али*, называемая в Писцовой книге Муралеевой. К ней относятся упоминания I гр. 6, II гр. F и III группы 2 и 3. Мечеть была не на дворе ханском, а отдельно у двора Зилантовского монастыря. Против этого двора было пустое место, (см. гр. III, 3) про которое, в другой связи, нам известно, что оно стояло около городской стены к северу вблизи Тайницких ворот. Так выясняется местоположение этой мечети⁴⁷. У меня на чертеже № 2 обозначена она цифрой VI, двор Зилантова мон. 72, а вышеупомянутое пустое место – 143. Мечеть представляла довольно обширное здание, т.к. в ней в это время помещалось довольно много пушечных станов, 4 деревянных пушки, 8 колес, 5 осей.

* Буквы для обозначений, поставленные в скобках принадлежат мне и вводятся для удобства ссылок в тексте.

Во-вторых, *Мечеть у ханского двора*. Это то здание, которое упоминается в группе I, 1. Ее надо отождествить с палатой упоминаемой в группе II E, так как и в том и в другом случае в этих зданиях хранится „казна городского наряду“. Сюда же можно отнести и упоминание I, 3 и III, 5. Слова мечеть и „палата“ легко подставляются писцом одно вместо другого и эту мечеть можно, пожалуй, назвать мечетью, в которой в 1566 г. была „казенная палата“.

В третьих, *Мечеть против Благовещения* три раза упоминается в гр. I: 2, 4, 7. Во II-ой группе ей может соответствовать только „палата старая-ж *перед* царским двором“ – II Д, а в группе III – 4 „зеленая палата“ т.к. в ней действительно хранилось зелье, т.е. порох. Следует заметить, что нужно строго различать такие предлоги как *перед*, *против*. Они в Писцовой книге употребляются, по моему, вполне точно и непротиворечиво⁴⁸. Если мечеть у царского двора поместить там, где я помещаю цифру V на чертеже № 2 (т.е. в районе Сююмб. башни), а цифрой IV обозначить мечеть *против* Благовещения или *перед* царским двором, то это, кажется, будет вполне логично и ничему не противоречит.

Четвертое и пятое здания, это – две *палаты ханского дворца*, расположенные на самом дворе. У одной из них устроено было сушило. К этим палатам относятся еще упоминания, у меня обозначенные в группе III – I и в гр. I – 5. Из этих упоминаний видно, что одна палата стояла на северном краю ханского двора (где теперь Татцик). Только с этой стороны мог находиться двор князя Булгакова⁴⁹ „за большой палатой“. Другая – „малая палата“ могла находиться или рядом с предыдущей или где-нибудь в другом месте по периферии двора. Думается, что по периферии, а не в центре, т.к. про нее даже сказано: „да у старого царевского двора в малой палате“ – „у“, а не „на“. Может быть это место Писцовой книги относится не к данной палате, а другой. Но к какой? еще *шестой* палаты мы не признаем, а к какой-нибудь из выше упомянутых приложить затрудняемся.

После того, как выяснен состав ханского двора, остается определить хотя бы приблизительно его размеры и местоположение на основе все тех же данных 16-го века. Почему я помещаю заштрихованный четырехугольник, изображающий ханский двор (См. А на чертеже № 2.), именно здесь, а ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз? Конечно не только потому, что тут и теперь находится дворцовая площадка, не только потому, что здесь был комендантов двор, а еще и потому, что по данным Писцовой книги можно выяснить, *что* находилось кругом двора.

С запада, как мы видим, примыкала к двору:

V – мечеть или палата „казенная“ с „казной“ артиллерийской.

VI – мечеть Нур-Али „Муралеева“, превращенная в склад пушек и Введенская церковь.

117. 118. – пустые дворы „у палаты казенные место порозжо да подле того места двор“. 90 – „двор соборнова попа Омельянов“.

72. – „да подле попова двора Омельянова... двор игумена Зилантовсково монастыря“. „У монастыр. двора илантовского мизгить что была Муралеева.“

49. „Да у мизгити что была Муралеева двор – Тимофея Малышкина.“

144. у Тимоф. двора Малышкина двор“.

143. Пустое место „против монастыр. илант. двора“ и в то же время между Воскресенскими и Никольскими воротами. Далее к западу шла улица к воротам. За улицей.

98. „У Никольских ворот избишко сторожевое подле

44. „Семенова двора Полонского“

145, 146, 51 и т.д. вдоль стены до Преображенских ворот (около Спаского монастыря) перечисляется не менее 24 дворов.

136 – „Против соборной церкви передней лестницы от Михайлова двора Лыкова двор.“

18. Двор главного воеводы Лыкова „блиско царского двора“

27 „Двор... у Михайлова двора Лыкова.“

21 – Двор .. в переулке против Благовещения.

К северу находились: 20 – дв. „Булгакова у стар. цар. двора за большой палатою“. 47 и 80 – дв. ок. Воскр. ворот и от них „переулком к Благовещенью идучи.“ 135. 111 – дворы около предыдущих, 137 – рядом со двором 20. 134, 108-110 дворы около городской стены стрелецкие и пустые⁵⁰.

К востоку от двора. Кроме переулка упоминается: 14 – у Воскресенских ворот 10 житниц по 4 сажени каждая. 133 – позади житниц избишко.

К югу от двора.

IV – мечеть против Благовещения (или „зеленая палата“) Далее собор, перед которым площадь; с южной стороны от него – двор архиепископа (где теперь Наркомпрос) обширный и с массою построек (не менее 15). За собором 25 и 26 – два двора дьяков.

142 – пустой двор. 130-132 – дворы „от Дмитровских ворот к Воскресенским подле городовые стены“.

Из этого перечня ясно, что ханский двор „бывший царев двор“, как его называет Писцовая книга, не мог быть обширнее того, как он изображен у нас. Надо сказать что нами *не нанесено на план еще очень многих построек* и дворов, о местоположении которых нет достаточных указаний. Если бы нанести их все, то густота застройки оказалась бы больше по крайней мере *вдвое*.

Кончая статью, замечу, что при составлении ее мною руководила заветная мысль – восстановить живой облик былой татарской Казани, так мало нам известный. Конечно, этой цели я не достиг и не мог достигнуть при современном наличии источников. Только археологические раскопки могут пролить яркий луч на эту темную область. Питаю некоторую надежду, что и собранный в этой статье материал послужит, хотя бы отчасти, для ориентировки при предстоящих раскопках.

Примечания

- ¹ От них не свободен и последний по времени литературный труд, в котором затрагиваются вопросы древней Казанской топографии – „Очерки по истории Казанского ханства“ М.Г. Худякова, о чем речь будет ниже.
- ² Нельзя не пожалеть, что этот тщательно сверенный и давно подготовленный к печати список в течении ряда лет ожидает напечатания. А между тем этот памятник имеет громадное значение, как вообще для истории местного края, так в частности и татарской истории.
- ³ М. Богдановский. Инженерно-историч. очерк осады Казани. М. 1898 Чертеж переиздан также И.М. Покровским.
- ⁴ За базу принята мною линия, соединяющая две постоянные точки: центр Спасской башни и центр старого здания собора. Эти исходные точки одинаково годятся для конца XVI века для всех последующих веков. Масштаб для современного кремля взят мной-25 саж. в дюйме. На основании измерения базы на планах, которыми я пользовался, масштаб увеличен для наложения: для плана 1820-х г.г. в $2\frac{1}{8}$ раза.
для плана кон. 18, нач. 19 вв. – $12\frac{1}{3}$ раза,
для плана 1730 г. в $2\frac{1}{8}$ раза. (При клишеровке масштабы всех планов уменьшены).
- ⁵ Каз. Губ. Вед. 1856 г. № 40 стр. 311. Курсив мой.
- ⁶ Лаптев. Казанская губерния. Спб. 1861 г. стр. 555-6.
- ⁷ Памятная Кн. Каз. губ. на 1861-2 г. Казань 1862., II отд. стр. 10.
- ⁸ Хусаин Амирханов „Таварих Булгария“ Каз. 1883 г.
- ⁹ Читай „Кабана“.
- ¹⁰ Напр. Загоскин. Спутник по Казани. Каз. 1895 г. стр. 99. „В начале XVIII в. отдельные части старого „царева дворца“ вошли в состав находившегося здесь комендантского дома.“
- ¹¹ Каз. Губ. Вед. 1845 г. № 35.
- ¹² Баженов. Казанская история Казань 1847 г. ч. III стр. 28-24.
- ¹³ См. „Каз. Губ. Вед.“ 1843. № 39 и „Ж. М. Вн. Д.“ 1840. № 8.
- ¹⁴ Глаголев А. Извлечение из краткого обозрения древних зданий. Жур. М. Вн. Д. 1838 г. № 12 стр. 512. Рыбушкин Истор. Камни Изд. 1834 г. стр. 31.
- ¹⁵ На литографиях Турнерелли и Турина (относящихся к 30-м г.г.) видны части 2-этажного здания, которое можно признать Обер-Коменд. дом.
- ¹⁶ Хранится в Центр. Музее Татарской Республики.
- ¹⁷ На том же чертеже план современного кремля представлен сплошными линиями и тушовой.
- ¹⁸ За исключением двух круглых, теперь не существующих.
- ¹⁹ Обозначен на чертеже цифрой 7.
- ²⁰ Цифра 9. Тут тогда было здание Артиллерийского арсенала.
- ²¹ Под цифрой 5.
- ²² На оригинале плана 1820-х г.г. здесь цифры 11 и 12 поставлены одна вместо другой ошибочно, так как под цифрой 11 значится „башня азиатской архитектуры“, а под ц. 12 „церковь обращенная из мечети, находящаяся ныне в ветхости.“
- ²³ Казан. Изв 1815 г. № 82.
- ²⁴ К.Фукс Крат. История г. Казани. К. 1817 г. Переиздано в Изв. Об. Арх, Ист. и Этн. 1905 г.т. XXI, в. 2. стр. 129 прим. 30 и Катановым в 1914 г.

- ²⁵ Изв. Общ. Арх. на XXIII стр. 225 и сл.
- ²⁶ Это план с рукописной карты Казанской губернии, хранящ. в фундамент библиот. Казан. Унив. в отделении редкостей. Он изображает Казань не позже 1804 г.
- ²⁷ Церковь Введения или дворцовая. См. Шпилевский. Древние города. Казань 1877. стр. 459.
- ²⁸ На чертеже № 1 под цифрой 14.
- ²⁹ Каз. Изв. 1815 г. 82. Здания, обозначенные у нас цифр. 14 и 15 близко совпадают друг с другом, а это и есть: 14 – неизвестное здание Шпилевского и 15 – солян. амбары плана 1820 г.г.
- ³⁰ См. Богдановского. Ор. с. Черт. IV.
- ³¹ См. Чертеж № 1 ... 12 е.
- ³² Там же ... 4.
- ³³ См. Изв. Об. Арх. И. Эт. т. XXV стр. 176-208.
- ³⁴ На чертеже № 1 цифры 1 б. и 16.
- ³⁵ См. ~~~~ на месте теперешнего дворца Татцика.
- ³⁶ Под № 6441. Я пользовался списком с нее, принадлежащим С.И. Порфирьеву.
- ³⁷ Лист 113.
- ³⁸ См. об этом ниже.
- ³⁹ См. стр. 80-81.
- ⁴⁰ Шпилевский. Др. гор. стр. 431-2.
- ⁴¹ Пример такой ошибки: „На месте нынешней консистории можно предполагать, если не царский двор, то другие татарские постройки: Писцовая книга указывает мечеть и палату против Благовещения, а дом Консистории приходится на против собора.“ Стр. 460.
- ⁴² Стр. 259. Подобное же место есть и на стр. 262.
- ⁴³ Действительно, приведу на удачу выбранные места: „Дворы мастеровые торговых людей которые живут в городе двор Тренка сапожной мастер у князь Федорова двора Троекурова да подле Семенова двора Никольского попа Боровского двор Гришка сапожник да небольшой улице...“ ..., двор хором на нем избышко да клетушко цена пять алтын двор хором на нем избышко а на избышке чуланишко цена пять алтын...“ и т. п.
- ⁴⁴ В данном случае я не согласен с Заринским, Загоскиным и другими, которые без достаточных оснований отодвигают стену то внутрь, то во вне. Надежный критерием для меня служило весьма точное совпадение современных стен кремля со стенами кремля 17 века, размеры которых до нас дошли и изданы в Изв. Об. Ар. И. и Э. Кунцевичем т. XXII в. стр. 25-28. Это описание стен и башен не было, конечно, известно Загоскину и Заринскому.
- ⁴⁵ Слово „Палата“ вполне определено означает здесь каменную постройку и всецело может быть отнесено к обозначению татарских построек, т.к. в кремле русской Казани не было других каменных зданий, как только церквей, башен да крепостных стен, а для обозначения жилых построек (даже государева дворца) существовали термины: изба, хором, горница, комната и т.д. но не „палата.“
- ⁴⁶ Очерки из истор. Казан, ханства. Стр. 259.
- ⁴⁷ Т.о. отпадает предположение М.Г. Худякова, что эта мечеть находилась против собора в районе военной школы. См. Оч. из Ист. Каз. хан. стр. 262. Тут же заметим, что неправильно у М.Г. Худякова ссылка на Писцовую книгу в том отношении, будто она отождествляет Муралееву палату с палатой против Благо-

- вещения. Наоборот: противопоставляет. См. Изд. 1877 г. 9 стр. первые 6 строк.
- ⁴⁸ Заринский иной раз не различает этих предлогов, подставляя один вместо другого. См. напр. стр. 148.
- ⁴⁹ На черт. № 2 этот двор под цифрой 20.
- ⁵⁰ Т.е. определенно видно, что здесь в северном углу крепости не могло быть никаких остатков ханского дворца. Предположение Шпилевского нам кажется неправильным (См. выше стр. 87).

Объяснения к чертежу № 1.

Цифры обозначают по плану:

	Современному	1820-х гг.	Конца 18, нач. 19 в.	1730 г.
1	Площадь перед дворцом Татцика	—	1а „быв. коменданской дом“	1 б „Государев дворец и сад“
2	Дворец Татцика	2 б. здание (?)	2а часть коменд. дома	„Государев дворец“
3	Башня Сююмбеки	Церковь обраш. из мечети ²	Здание (?)	Башня ¹
4	Бывш. дворцовая церковь	„Башня азиатской архитект.“ ²	Здание (?)	Здание (?)
5	Двор ТНКпроса	„Архиер. дом“	Тоже	Тоже
6	Здание ТНКП	Восточная	ограда архиер.	двора и собора
7	Собор	Тоже	Тоже	Тоже
8	Соб. колокольня	Тоже	Тоже	Тоже
9	Военная школа	„Артиллерийский арсенал“	„Артиллерийской арсенал“	„Артиллерийский двор“
10	Военная школа	Мастерские гарниз полка	?	„Троицкий монастырь“
11-12	Стены, башни	Тоже	Тоже	Тоже
12 a,b	Башни круглые ныне существующие			
12 c	Тайничкие ворота. (Муралеевы, Нур-Али)			
12 e	Воскресенские	(Елбугины ворота)		
12 g	Пятничкие	Ворота Дмитровские, Збойливые		
12 d,f	—	башни круглые ныне существующие		
13	—	—	Церковь „Введения во храм“	—

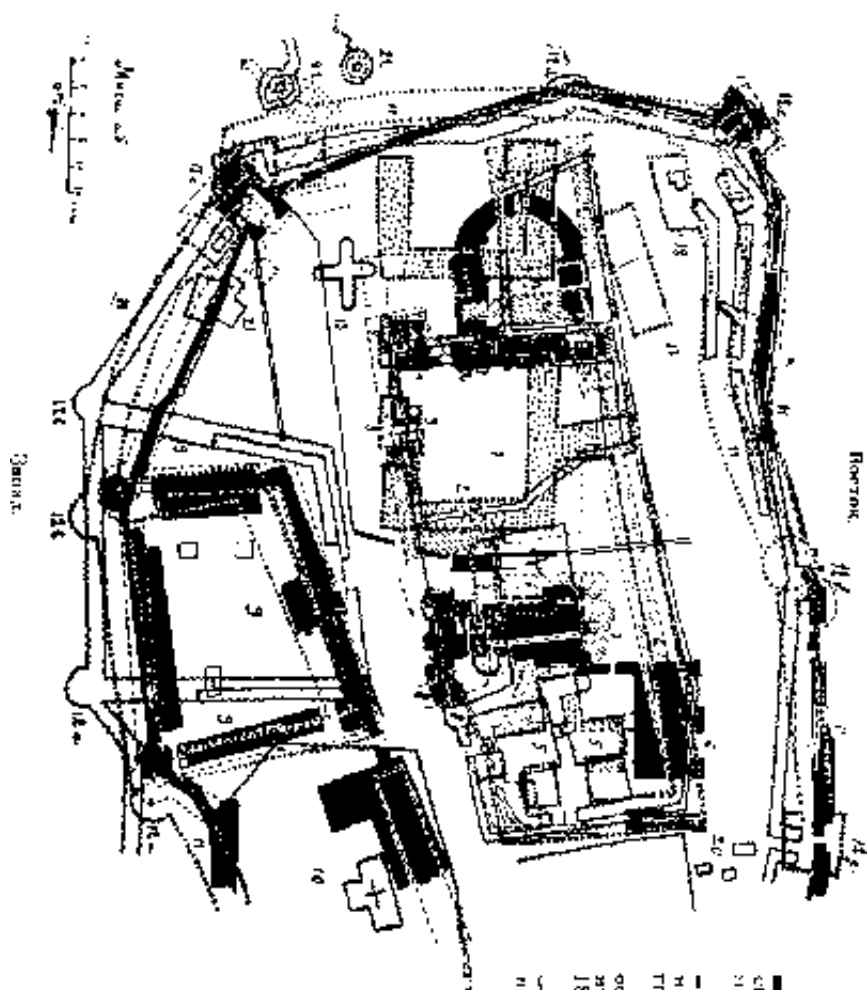
	Современному	1820-х гг.	Конца 18, нач. 19 в.	1730 г.
14 } 15 } 16 }	Двор у дворца Татцика и пустое место	15. „Место где существовали ³ казенные соляные амбары“	14. Здание (?)	16 а „Государев сад“
17	—	—	„Соляные магазинны“	—
18	—	—	„Казаматы“	—
19	—	—	—	амбары (?)
20	—	—	—	„Провиантские амбары“
21	—	—	—	„Ружейная мастерская изба“
22	—	Тайницкий ключ		

¹ На плане 1730 года это здание обозначено № 6, под каковым в книге Богдановского дан разрез, изображающий башню, похожую на Сююмбекину.

² На оригинале плана 1820-х гг. здесь цифры 11 и 12 поставлены одна вместо другой ошибочно, так как под цифрой 11 значится „башня азиатской архитектуры“, а под ц. 12 „церковь обращенная из мечети, находящаяся ныне в ветхости.“

³ Вероятно до пожара 1815 года.

Чертеж № 1.
Север

— Силосной чертой и краской обозначены стены и эскарпированные стены в эскарпированных стенах.

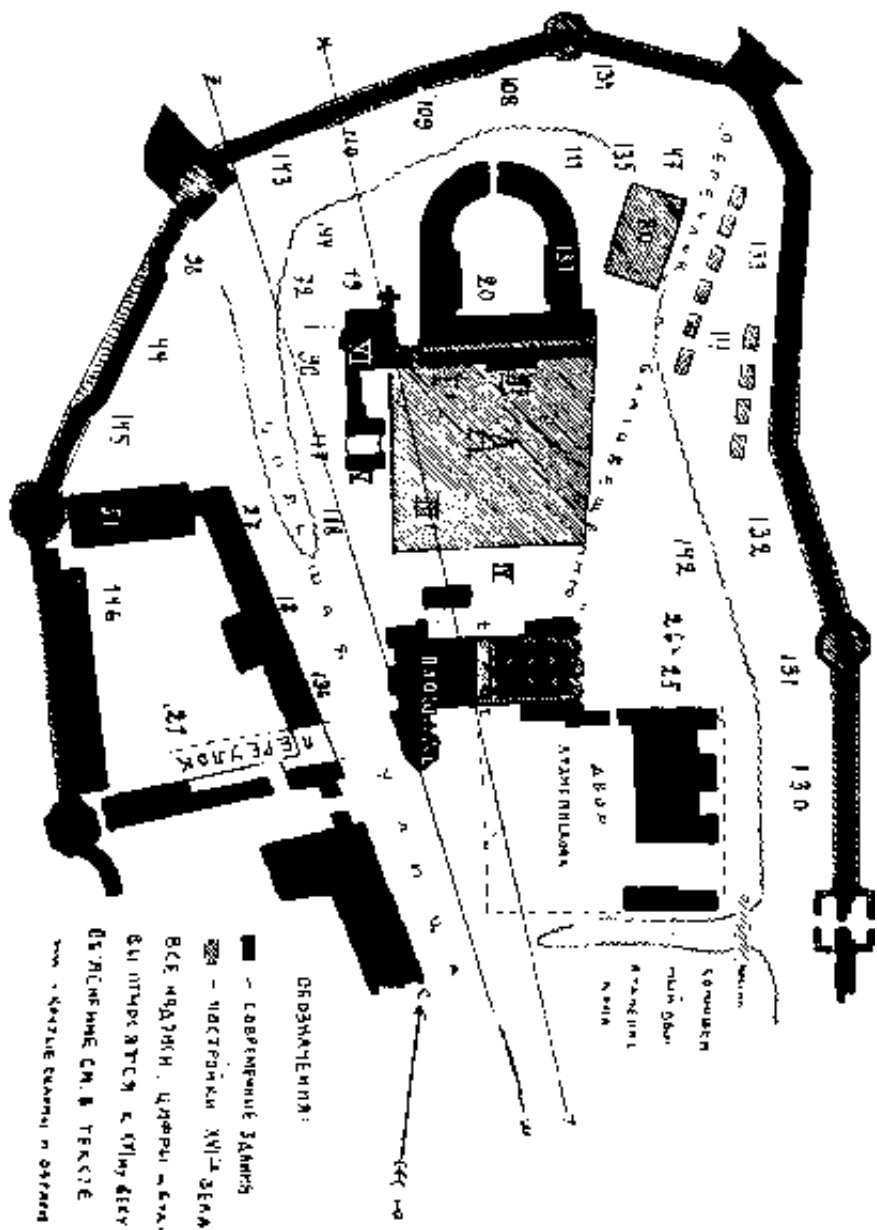
--- Обвалочная стена и эскарпированная стена до вала 1890 г.

--- Обвалочная стена и эскарпированная стена до вала 1890 г.

--- Обвалочная стена и эскарпированная стена до вала 1890 г.

--- Обвалочная стена и эскарпированная стена до вала 1890 г.

Чертеж № 2.

Айрат Ситдиков

**Археологическое изучение ханской Казани
(материалы исследований Казанского кремля
1994-2003 гг.)**

Уникальным явлением в истории Казанского ханства стала его столица Казань, ставшая реальным олицетворением могущества. Сложнейшие перипетии социальной и политической истории государства, занимающего важное место в прошлом Евразии, вовлекали его столицу в круговорот всемирной истории, создавая образ величавого города.

Ослабление центральной власти Золотой Орды вело к конфликтам за первенство между ее различными областями, где оседали опальные ханы. В борьбу подключились и окрепшие русские княжества, стремившиеся к самостоятельности¹. Это отражало процесс усиления роли отдельных регионов, борющихся за ордынское наследство.

В середине XV в., точнее, в 1445 г. Казань становится административным центром государства, получившего в исторической литературе название «Казанское ханство». Возникновение «нового» государства произошло в результате отстранения от власти болгарского князя Галибека и возведения на престол хана Махмуда (Махмутека), сына Улуг-Мухамеда из династии чингизидов. За 100 с небольшим лет существования государства столичному городу было суждено увидеть тринадцать своих правителей, некоторые из которых оказывались на ханском троне по несколько раз.

Географическое расположение Казани способствовало возрождению былых торговых традиций Волжской Болгарии и Золотой Орды. К началу XV в. Казань представляла собой торгово-ремесленный город с ярмаркой на Гостином острове и значительной ролью в транзитной торговле. На ее территории располагались торговые районы (на площади в районе южных (Ханских?) ворот крепости, на улице Ташаяк) и слободы (Армянская, Кураишева, Бишбалта и др.), а также концентрировалось разнообразное ремесленное производство (кожевенное, ювелирное, гончарное, металлургическое и др.). Усилившаяся экономически и политически, Казань к середине XV в. превратилась в самостоятельный региональный центр. Эти объективные причины во многом и определили выбор первых казанских ханов, сделавших ее своей столицей, а укрепленную крепость на холме – местом своего постоянного пребывания.

К моменту образования Казанского ханства укрепленная часть города находилась в пределах крепости домонгольско-золотоордынского времени. После образования ханства численность населения быстро увеличивается, осваиваются новые территории, растет количество жилых и общественных построек. В этот период закрепляются ранее сформировавшиеся принципы внутренней планировки города, но происходят и изменения, особенно в расположении укреплений города (рис. 6).

Во второй половине XV в., когда город приобретает статус столицы Казанского ханства, Казань небольшого городка с резиденцией в Кремле хана-правителя превращается в крупный центр обширного региона. Это наложило определенную специфику на процесс формирования культурного слоя и нашло отражение в характере и размещении культурных напластований, относящихся к этому периоду.

С периодом отложения напластований Казанского ханства связан III слой стратиграфической шкалы Казанского кремля, расположенный на IV слое и разграниченный со II слоем углистой прослойкой пожара 1552 г. Средняя мощность составляет 70-80 см, уменьшаясь в южной, менее освоенной части поселения до 20-30 см.

С ханским временем увязывается большое количество строительных горизонтов различных объектов, фиксируемых на всей площади современного Кремля. Подобная активность в застройке Кремля приводила к разрушению более ранних напластований и включению в горизонты слоя значительного объема материкового грунта.

Исследования в центральной части Кремля были осуществлены раскопом I 1994-1995 гг.². Первые объекты в слое, накопленном в период ханства, начали выявляться на глубине 180-190 см от современной поверхности при общей мощности культурного слоя более 300 см. Вне объектов толщина самого III слоя достигала 80-100 см. Напластования слоя состояли из плотной буро-коричневой пестроцветной супеси с включениями угля, древесного тлена, известняковых камней, обломков кирпичей. Линзы желтого суглинка, имеющиеся в слое, – это выбросы из ямных сооружений и котлованов жилищ, а несколько углистых прослоек в разных горизонтах связаны с пожарами.

Один из интереснейших объектов на I раскопе – *следы настила мостовой улицы* шириной около 4-5 м дошли до нас в виде древесной трухи, выявленной на участках А-К/3-5 на глубине -200 см от 0 (рис. 2; 3). Зафиксировано четыре прослойки спрессованного древесного тлена, относящиеся к разным строительным горизонтам III слоя (рис. 2; 3). Пространство между прослойками обильно насыщено костями животных. Каждый из горизонтов состоит из темно-серого плотного супесчаного грунта с чередующимися тонкими прослойками древесного тлена, светло-серой массы мелкого речного песка. Следует заметить, что на некоторых участках такой характер грунта прослежен и в основании II слоя. Особенностью этих участков является полное отсутствие на них построек, хронологически связанных с периодом Казанского ханства, за исключением нескольких ямных сооружений раннего горизонта. Аналогичные наблюдения были сделаны в профиле стенки котлована фундамента столовой в 1995 г. Здесь выявлены плохо сохранившиеся следы мощеной деревянным настилом улицы, упомянутой в «Писцовой книге города Казани 1565-1568 гг.» под названием «Переулка против Благовещения», т.е.

Благовещенского собора³. В ходе раскопок 1995 г. были обнаружены остатки нескольких уличных мостовых периода Казанского ханства в раскопах IX, XIII, XX, XXXIV. В средневековье улицы с деревянной мостовой были нередким явлением. Они, например, обнаружены при раскопках Болгарского городища⁴, Чебоксар⁵ и многих древнерусских городов⁶.

В раскопе было обнаружено более трех десятков объектов, связанных с III слоем (рис. 2; 3). Выделяются четыре строительных горизонта, свидетельствующие о высокой интенсивности жизни в тот период. К самому завершению слоя (1 строительный период) относятся сооружения 2, 3, 9, 10, 15, 153. Все они были уничтожены пожаром 1552 г. К верхней части слоя (2 строительный период) восходят дневные уровни сооружений 9А, 13, 14, 15 А и др., часть которых перекрыта объектами более позднего периода. К 3 строительному периоду слоя можно отнести сооружения 15Б, 15Г, 15Е, 24А, 28. С основанием слоя (4 строительный период) связаны сооружения 30, 38 и яма 16, перекрытые более поздними объектами.

Остановимся более подробно на характеристике сооружений и определении их относительной хронологии. Ряд объектов *первого строительного периода* были зафиксированы в виде беспорядочно лежащих обугленных бревен и скопления древесного тлена, не связанных между собой конструктивно. Так, на глубине 280-290 см от современной поверхности в южной половине раскопа 1994 г. начали выявляться деревянные конструкции, стратиграфически связанные с III слоем (рис.2). На участках А-Д/4-5 они сохранились в виде древесного тлена толщиной 2-3 см от горизонтально лежавших досок, направленных с запада на восток, а между сооружениями 2 и 3 (уч. В/5-7) доски лежали по направлению север-юг. На участках Д/4, Г/5, Б/5-6 и Д/7 отмечались пятна прокала, в районе которого эти конструкции имели следы обугленности. Назначение этих конструкций трудно определить. Скорее всего, они связаны с разрушением наземных конструкций жилищ в 1552 г., в качестве подполий которых выступали сооружения 2, 3.

Сооружение 2 было выявлено после снятия слоя пожара 1552 г. в виде подпрямоугольного в плане пятна (360 x 240 см). Западной половиной сооружение уходит за пределы раскопа. После выборки оно имело вид ямы с отвесными стенками, укрепленными срубом из толстых горбылей шириной 18-22 см и ровным дном, углубленным на 85 см от выявленного уровня. Пространство между стенками ямы-котлована и срубом было забутовано почти стерильным желто-красным суглинком. На дне выявился деревянный пол из досок, положенных по направлению север-юг на двух поперечных брусках с расстоянием 140 см друг от друга. Деревянный пол покоился на материке. Перед нами, очевидно, подпольная часть жилого или хозяйственного сооружения. Возможно, вышеупомянутые деревянные конструкции на участках А, Б/4, В/4-7 связаны с верхними частями этой постройки.

В рыхлом супесчаном, сильно гумусированном заполнении обнаружены фрагменты красноглиняной посуды периода Казанского ханства, несколько обломков русской керамики, в том числе белоглиняной, и обломков лепного горшка из грубого теста с включениями известковой крошки (поволжско-финская керамика). Следует отметить также фрагменты поливной кашинной чаши сине-голубого цвета, сильно корродированные предметы из железа и меди. Интересны находки яичной скорлупы, обнаруженные в слое ближе ко дну постройки.

По данным стратиграфии время функционирования данного сооружения, уничтоженного пожаром 1552 г., можно датировать второй четвертью XVI в.

Сооружение 3, синхронное по времени вышеописанному, четко выявилось на глубине 280 см от современной поверхности в виде пятна размерами 340 x 300 см прямоугольной в плане формы. По периметру пятна отмечена суглинистая полоса с древесным тленом, в центре – небольшое скопление извести. В сохранившемся виде сооружение представляло собой яму-котлован с отвесными стенками и ровным дном на глубине 150 см, слегка наклоненным в юго-восточную сторону. В яме хорошо прослеживались остатки сруба (240 x 220 см) из толстых, до 10-15 см, горбылей шириной 20-25 см. Как и в предыдущем сооружении 2, пространство между срубом и земляными стенками котлована было забутовано стерильной материковой глиной.

В пестроцветном заполнении ямы, особенно ближе к дну, отмечены известняковые камни. Находки представлены фрагментами глиняных сосудов ханского времени. Имеются также более ранние образцы посуды, вероятно, даже домонгольского времени. Последние попали, несомненно, из объектов нижележащих слоев. Среди прочих находок имеются три диска каменных жерновов (один из них в обломках), кости животных и рыб.

Близким сооружению 3 по времени является *сооружение 9* – яма прямоугольной в плане формы (420 x 230 см) с отвесными стенками и ровным дном со следами деревянного настила на глубине 60 см. В яме были зафиксированы остатки сруба размерами 330 x 215 см (далее следы сруба уходили за пределы раскопа), сложенного из горбылей толщиной 5-6 см. Пространство между срубом и земляными стенками ямы утрамбовано светло-бурой пестроцветной супесью. Заполнение внутри сруба состояло из темно-серой пестроцветной супеси с обильным содержанием древесного угля (развал кровли?). При выборке были отмечены участки прокала и большое скопление обугленных зерен пшеницы (прослойка зерен толщиной до 10 см на всей площади). Найдены фрагменты шерстяной и льняной ткани, кусочки войлока. В коллекции находок имеются фрагменты красноглиняной керамики, железные кольцо, пряжка, шилообразный предмет, сильно корродированный топор, точильный камень. В числе редких предметов вооружения следует отметить глиняное

зажигательное ядро диаметром 9 см со сквозными отверстиями и полое внутри, в результате попадания которого постройка, видимо, и сгорела. Из предметов с невыясненным функциональным назначением представляют интерес два каменных изделия. Один из них имеет вид хорошо обработанного, тщательно отшлифованного диска диаметром 25,5 см и толщиной 14 см с небольшим углублением с обеих сторон; на одной стороне изображен знак в виде трезубца. Другой экземпляр также дискообразной формы размерами 25 см в диаметре и 18 см в высоту обработан небрежно. Вес каждого камня около 10 кг. Эти предметы могли использоваться в качестве своеобразных гирь при взвешивании товаров.

В сооружении 9 были обнаружены также немногочисленные обломки сероглиняной керамики более позднего происхождения, попавшие в результате значительного запада в центральную часть сооружения грунта II слоя. Обилие древесного угля в заполнении, несомненно, связано с пожаром 1552 г. В функциональном отношении сооружение, возможно, являлось житницей, о чем свидетельствует большое количество зерна в заполнении, или же жилищем наземного типа с подпольной хозяйственной частью.

Стратиграфически оно, как было уже отмечено, перекрывалось пожаром 1552 г. и, в свою очередь, разрушало более раннее сооружение 9 А, относящееся к второму строительному периоду (рис.3 – уч. К / 2, 3).

Сооружение 10 выявлено на уровне -184 от 0 в виде обугленных бревен, лежащих по линии восток-запад и уходящих далее в восточную стенку раскопа. 8 бревен диаметром 10-15 см располагались параллельно друг к другу и занимали площадь 100 x 130 см. Здесь отмечено большое количество древесного угля, золы, прокаленной глины с находками красноглиняной болгаро-татарской керамики, обнаружены железный пробой, медная пластина с заклепкой (возможно, от металлического сосуда) и кости животных.

Стратиграфически сооружение связано с завершением III (рис.3 – уч. К/5) и основанием II слоя, чем и объясняется наличие среди находок единичных фрагментов серой русской керамики. Функциональное назначение сооружения не установлено; не исключено, однако, что оно является остатками какой-то наземной бревенчатой постройки, погибшей в пожаре 1552 г.

В южной части раскопа на участках 3,И,К/5-8 изучена серия сооружений 15, 15А-З, относящихся к разным слоям болгаро-татарского времени, отложившимся до русской колонизации (рис.3; 2 – уч. К/5-8). Все они выявились в процессе разборки сооружения 15 и были определены первоначально как его подпольная часть. В результате тщательных наблюдений удалось разграничить последовательность выявленных объектов и определить время их функционирования относительно друг друга. Сооружения 15, 15А-Г, 15Е, 15З были отнесены к III слою, сооружение 15Д – к IV слою и сооружение 15В – к V слою. Большое количество

выявленных на небольшом участке объектов свидетельствует об интенсивности строительства и территориальной преемственности этих построек в продолжение длительного времени.

Сооружение 15, связанное с первым строительным периодом, было выявлено после зачистки на уровне -195 от 0 под слоем пожарища 1552 г. Первоначально оно фиксировалось в виде прямоугольного пятна размерами 350 x 375 см, уходящего восточной половиной за пределы раскопа. Выборка пятна обнаружила яму с отвесными стенками, укрепленными деревянным срубом из горбылей размерами 300 x 250 см (с продолжением в восточной стенке) и ровным дном. Пространство между земляными стенками ямы и срубом было утрамбовано темно-коричневым плотным пестроцветным грунтом с включениями культурных остатков (керамика, кости). Эта забутовка, как и в других сооружениях с подобной конструкцией, играла роль гидроизоляции деревянного сруба. На дне сооружения прослежены обугленные, или же в виде тлена, остатки деревянного настила-пола. Заполнение в нижней части и по краям представляло собой плотную коричневую супесь со значительными включениями угля, обгорелых зерен пшеницы, связанных с периодом разрушения сооружения в 1552 г. Подавляющее большинство керамического материала представлено фрагментами красноглиняной болгаро-татарской керамики. Верхние пласты заполнения в центральной части составила темно-серая менее плотная пестроцветная супесь с мелкими включениями угля и известковой крошки – запад грунта II слоя. Керамический материал из него включает обломки русской сероглиняной посуды.

В центральной части сооружения, ближе ко дну, были отмечены два больших прокаленных пятна с находками обломков кирпичей и кусков глиняной обмазки в виде «плиток». Возможно, это остатки разрушенной печи.

Время функционирования сооружения 15 синхронно с вышеописанным сооружением 9; они схожи и по конструкции и, стало быть, по назначению. Это – остатки либо хлебного амбара, либо подполья жилого дома.

Сооружение 15 З, стратиграфически относящееся к завершению III слоя, определилось на уровне -199 от 0 в виде обугленных бревен диаметром 20-25 см, расположенных вдоль южной и западной стенок сооружения 15.

Бревна у западной стенки сооружения лежат в основном по направлению север-юг, иногда в два слоя. Первый слой выявлен на участках З, И/7 в виде настила из 8 рядов бревен длиной около 100-105 см. С западного края посередине они перекрыты перпендикулярно положенным бревном. Второй слой на этом участке выявился на отметке -216 от 0; бревна длиной около 160 см были уложены в 6 рядов. Они были сильно обуглены и прерывались участками пепла и прокала. Северный конец конструкции перекрывает перпендикулярно положенное бревно длиной 100 см.

Бревна длиной до 210 см, расположенные по линии восток-запад, расчищены у южной стенки сооружения 15 на уровне -210, -239 от 0. Эта

часть конструкции включает в себя 8 параллельно уложенных, сильно обугленных бревен, не полностью попавших в раскоп.

При разборке этих конструкций было найдено всего несколько фрагментов «русско-татарской» (по определению Т.А.Хлебниковой) керамики и костей животных.

Назначение изученной конструкции не определено. Важно отметить то, что обугленные остатки сооружения перекрывали кирпичную часть сооружения 14 (третьего строительного периода). Возможно, описываемое сооружение является остатками наземных конструкций, связанных с сооружением 15.

С первым строительным горизонтом связано и *сооружение 13* (печь), хорошо оконтурившееся в виде пятна подпрямоугольной формы размерами 170 x 146 см, вытянутого по линии запад-восток (рис. 2). Удалось зафиксировать и остатки свода печки и ее под, выложенный из половинок кирпичей. Форму и размеры ее определить не удалось. Высота сооружения в сохранившемся виде не превышала 60 см. Основание печи покоилось на бревенчатой конструкции в виде деревянных брусьев диаметром 7-8 см, а также известняковых камней. Связь изученного объекта с какой-либо постройкой жилого характера не установлена.

Были обнаружены следующие находки: глиняное грузило, развал чугунного котла из 6 обломков, каменный оселок, железное ядро, сильно корродированный предмет из меди. Керамический материал представлен фрагментами красноглиняной болгаро-татарской и несколькими обломками серой русской посуды. Присутствие последних, также как и железного ядра, объясняется стратиграфическим положением объекта на границе III-II слоев и западом из II слоя.

Со *вторым строительным периодом* связано *сооружение 9 А*, выявленное при зачистке дна сооружения 9. Оно имело прямоугольную форму размерами 230 x 190 см (с дальнейшим продолжением в восточную стенку раскопа). Сооружение представляет собой яму с отвесными стенками и ровным дном, углубленным на 193 см от уровня фиксации. В ней прослежены следы сруба (180 x 155 см), не полностью попавшего в раскоп. Сруб был сложен из горбылей толщиной 3-5 см. Пространство между срубом и земляными стенками ямы по всему периметру забутовано светло-серым подзолом с небольшим содержанием культурных остатков.

Яма была заполнена бурой пестроцветной супесью с обильными включениями древесного угля. Ближе ко дну отмечено скопление глиняных обмазок в виде характерных для III слоя «плиток». Среди находок – красноглиняная керамика, плоская шестигранная сердоликовая бусина и обломок поливной чаши из кашинного теста.

Сооружение являлось, скорее всего, подпольной частью наземной постройки, возможно, жилища. Стратиграфически оно соотносится с сооружением 15 А, также перекрытого объектом первого строительного периода.

Сооружение 15 А оконтурилось при зачистке пола вышеописанной постройки в виде пестроцветного пятна с древесным тленом по краям. Ниже оно приняло прямоугольную форму (325 x 210 см), вытянутую по линии восток-запад, и после выборки определилась как яма с отвесными стенками и ровным дном на глубине 238 см от уровня выявления. В яму был встроен деревянный сруб из горбылей размерами 300 x 150 см. Доски были скреплены с внутренней стороны вертикальными столбами диаметром 15-20 см, заглубленными в дно сооружения на 15-20 см. Столбы располагались по углам и вдоль стенок на расстоянии 85-95 см друг от друга. Пространство между срубом и земляными стенками ямы было заполнено пестроцветным плотным грунтом с незначительными включениями культурных остатков в виде фрагментов керамики. Яма была засыпана бурой супесью с большим количеством древесного угля. При выборке зафиксированы участки прокаленной глины, где обнаружены и обломки кирпичей (следы печи?), а также скопления известняковых камней. Из заполнения извлечены: остатки соломенной циновки, фрагменты обугленной деревянной миски со спекшейся массой каши на стенке, красноглиняный кувшин, обмотанный берестой (плетушка), развал еще одного сосуда, железный наконечник стрелы, фрагмент селадонной чаши, железный пробой, поделка из кости, обломок поливной чаши из кашинного теста, образцы серой и белоглиняной посуды, нередко встречаемой в напластованиях ханского периода. Среди находок примечателен также каменное изделие дискообразной формы диаметром 27 см, толщиной 10 см, весом также около 10 кг. Оно напоминает находки из вышеописанного сооружения 9.

Данное сооружение, по-видимому, следует рассматривать как подпольную часть наземной, скорее всего, жилой постройки, функционировавшей в первой половине XVI в.

К этому строительному периоду относится также *сооружение 14*, представляющее исключительный интерес среди объектов III слоя. Оно выявлено на уровне -184 см от 0 в виде обширного пятна неправильной формы, вытянутого по линии ЮВ-СЗ. Грунт этого пятна представлял собою светло-бурю пестроцветную рыхлую супесь с большими включениями строительного мусора в виде кирпично-каменного щебня. В процессе расчистки сооружение приняло П-образную форму, срезанную в западной части сооружением 12 (I слоя). Дальнейшая выборка выявила плохо сохранившиеся остатки кирпично-каменной постройки (рис.2; 3).

Каменная конструкция сооружения первоначально была вскрыта при разборке заполнения углубления со строительным мусором. Северо-восточная стена, вытянутая по линии ССВ-ЮЮЗ длиной 410 см, определилась под мусором на глубине 18 см от уровня выявления, перпендикулярный ей северо-западный участок стены длиной 225 см (далее срезана сооружением 12 а) был обнаружен на глубине 59 см. Они имели ширину

80 см и были сложены в перевязку в один, иногда в два ряда высотой 50-60 см из неплотно подогнанных крупных известняковых камней без следов обработки, скрепленных известковым раствором толщиной до 10 см. Их кладка перекрывала в юго-восточной части перпендикулярно сложенную к ним стену из кирпичей и тесанных каменных блоков.

Юго-восточная стена, вытянутая по линии ЮЮЗ (аз. 235°) и длиной 225 см выложена кирпичом. С юго-западной стороны она разрушена сооружением 12А. До расчистки была перекрыта непо потревоженными культурными напластованиями, стратиграфически связанными с завершением III слоя. Кирпичная кладка стены покоилась на плотно подогнанных друг к другу тесаных известняковых камнях-квадрах (40 x 40 x 40 см), сложенных в котловане глубиной 40 см. Под белокаменной кладкой была зафиксирована строительная «подушка» толщиной 5-7 см из кирпичной крошки и тощего известкового раствора. Кирпичная кладка стены шириной 95 см поверх фундамента сохранилась на высоту в 8 рядов кирпичей, скрепленных между собой известковым раствором толщиной 2-3 см. Брусковые кирпичи имели размеры 29-30 x 16-17,5 x 8-8,5 см и были положены по ширине стены в три ряда.

Все выявленные участки конструкции перекрывали напластования III раннего, IV и V слоев. В то же время каменная часть стены без следов кирпичной кладки (например, на участке Ж/7) представляет собой, возможно, следы реконструкции ее в более позднее, не исключено в раннерусское, время. К сожалению, нам не удалось точно определить время функционирования этой части сооружения.

Существенным моментом в определении времени постройки здания является зафиксированный на участке Ж/9, вне сооружения, на отметке – 257 от 0 строительный горизонт его в виде линзы мелкого каменного щебня и известкового раствора. Этот горизонт стратиграфически относится к среднему горизонту III слоя. Отметим также находку наконечника стрелы, извлеченного из слоя, отложившегося над кирпичной кладкой. Он напоминает тип 67 по классификации А.Ф.Медведева («веслообразные»), занесенный в Восточную Европу монголо-татарами и широко распространенный в памятниках второй половины XIII-XIV вв.⁷ Такие формы наконечников могли быть в употреблении и в более позднее время. Изученный фрагмент в целом представляет большой интерес в качестве первого кирпично-каменного сооружения ханского времени.

Яма 13 зафиксирована на уровне – 330 в виде пятна овальной формой в плане (260 x 160 см) и была углублена на 90 см от уровня фиксации. Она была заполнена рыхлой темно-коричневой пестроцветной супесью, насыщенной древесной трухой. Обнаружены фрагменты красноглиняной керамики, обломки лепной посуды из грубого шамотно-известкового теста, кусочки глиняной обмазки – «плитки», характерные для материалов III слоя Кремля.

Эта яма прорезала яму 16 III слоя, связанную с четвертым строительным периодом, и имела запад более поздних напластований этого слоя.

Третий строительный период связан с сооружением 15 Б. Оно определилось как прямоугольная в плане яма (315 x 350 см) с отвесными стенками и ровным дном на глубине 193 см от уровня первоначальной фиксации. Сильно разрушена сооружением 15 А. Была заполнена плотной бурой супесью с включениями мелкого угля. При выборке обнаружены большое количество фрагментов болгаро-татарской красноглиняной посуды, обломок железного ножа, фрагмент кашинной облицовочной плитки с голубой поливой, железное кольцо и кости животных.

Данный объект мог быть подпольной частью какой-то наземной постройки, предшествовавшей строительству сооружения 15 А. Строительный горизонт ее лежит в нижних напластованиях III слоя.

Сооружение 15 Г выявилось на отметке -305 от 0 в виде пятна неправильной треугольной формы (205 x 50 см), вытянутого по линии север-юг и разрушенного западной стороной сооружения 15 А. Оно представляет собой хозяйственную яму с неровными стенками и чашевидным дном на глубине 275 см от верхнего края. В заполнении отмечены вкрапления угля и единичные зерна пшеницы. В числе находок – красноглиняная керамика, железная подковка для обуви, пробой и небольшое количество костей животных. Стратиграфически не удалось определить соотношение между вышеописанными сооружениями 15 Б и 15 Г.

Сооружение 15 Е выявлено на уровне - 305 от 0 в виде пятна неправильной треугольной в плане формы (50 x 205 см), вытянутой по линии север-юг вдоль восточной стенки сооружения 15 А. В результате выборки ямы сооружения определились крутые стенки и ровное дно с небольшим чашевидным углублением в виде неправильного овала (120 x 80 см), вытянутого по линии восток-запад и срезанная в западном секторе аналогичным углублением сооружения 15 А. Максимальная глубина ямы составила 275 см от уровня выявления. Она была заполнена плотной бурой сильно переработанной супесью с мелкими включениями древесного угля. Из заполнения происходят: фрагмент красноглиняной керамики, железная подкова и кости животных.

Для сооружений 15 Б, 15 Г, 15 Е не удалось установить их относительную хронологию. Важно отметить, что все они прорезаны сооружением 15 А второго строительного периода, что еще раз свидетельствует об активной застройке и преемственности планировки в описываемом районе.

Сооружение 24 было выявлено почти на уровне материка и первоначально представляло собой пятно (475 x 400 см) с продолжением под сооружением 14 и срезанное сооружением 15 Б. Заполнение состояло из бурой пестроцветной супеси с обильными включениями угля, древесного тлена, прокаленной глины, костей животных.

Разборка сооружения позволила выделить из общего пятна ряд объектов. На участках Ж, 3/8-9 оконтурилось сооружение 38, относящееся к III слою, которое прорезало сооружение 40 V слоя. Оба они перекрывались сооружением 14. На участках З, И/8-9 на уровне -302 см выявилось сооружение 27, связанное с IV слоем.

Выборка сооружения 24 на уровне -318 см показала разделение его на две части: южная была зафиксирована как сооружение 24 А (III слой), северная – как сооружение 24 Б (IV слой). Таким образом, на описываемом здесь сооружении, начиная с уровня его фиксации, было определено 5 разновременных объектов.

Сооружение 24 А имело овальную в плане форму (240 x 140 см), вытянутую по линии запад-восток и срезанную более поздним сооружением 14. В свою очередь, оно перекрывало в северо-восточной части более раннее сооружение 24 Б, а в юго-западной – сооружение 27. В ходе выборки заполнения (темно-бурая супесь с обильными включениями угля и древесного тлена) определилась яма с отвесными стенками и ровным дном со следами прокаленности на глубине 63 см. Были обнаружены несколько фрагментов красноглиняной керамики, обломки лепного горшка поволжско-финского типа, кусочки глиняной обмазки, а также большое количество костей животных.

Сооружение 28 хозяйственного назначения зафиксировано на уровне -310 см от 0 в виде пятна прямоугольной формы (275 x 280 см), срезанного в западной части сооружением 17 II слоя. Оно представляет собой яму с отвесными стенками и ровным дном на глубине 40 см от верхнего края и небольшим чашевидным углублением в центре. В ней были четко прослежены следы дощатого ящика (обкладки), сохранившегося в виде обугленных остатков, вплотную примыкавших к земляным стенкам ямы. В пестроцветном заполнении найдены фрагменты красноглиняной керамики времен Казанского ханства, небольшое скопление медной окиси, точильный камень, два железных предмета неопределенной формы, яичная скорлупа, кости животных и рыб.

Стратиграфически сооружение 28 связано с третьим слоем, перекрывало более ранние сооружения 30, 31, 32, 37.

Четвертый строительный период связан с основанием слоя. К этому периоду относится *сооружение 30*. Оно полностью оконтурилось в донной части сооружения 28 четвертого строительного периода на уровне -287 см от 0 в виде пятна овальной формы (165 x 120 см), перекрыто сооружением 14 второго строительного периода. Яма со слегка скошенными стенками и чашевидным дном на глубине 123 см от уровня выявления, была заполнена плотной гумусированной темно-серой супесью с вкраплениями угля. В яме были обнаружены фрагменты болгаро-татарской керамики, обломки лепной горшечной посуды поволжско-финского типа, обломок железного ножа, глиняное пряслице, железное кольцо, 3 фрагмента чаши

из кашинного теста с голубой поливой и столько же фрагментов с синей поливой. Встречены кусочки глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Кроме того, собрано большое количество костей животных и рыб.

Яма, скорее всего, хозяйственного назначения, относится к числу ранних объектов III слоя. Она перекрывала сооружение 31 V слоя.

Сооружение 38 отделилось от сооружения 24 на уровне -305 в виде пятна вдоль внутренней и внешней сторон юго-восточной стены кирпично-каменного сооружения 14. Первоначально представляло собой овальную в плане яму (180 x 100 см), вытянутую по линии запад-восток. Имеет скошенные стенки и чашевидное дно на глубине 59 см от уровня фиксации, но в центре, возможно, она более глубокая, но основная часть сооружения осталась под стеной кирпично-каменного здания. Яма была заполнена рыхлой коричневой пестроцветной супесью, насыщенной древесным тленом. При выборке были найдены фрагменты красноглиняной керамики, характерной для III слоя, и кости животных.

При зачистке дна определилось пятно сооружения 40, относящегося к V домонгольскому слою.

Яма 16 первоначально выявлена на уровне -330 см от 0 в виде пятна расплывчатых очертаний на площади 350 x 170 см, прорезанного ямой 13 (второго строительного периода). В процессе выборки яма приняла четырехугольную в плане форму (170 x 160 см) с отвесными стенками и ровным дном на глубине 78 см. В центре – чашевидное углубление (110 x 105 см). В пестроцветном заполнении отмечено большое количество древесного тлена, особенно вдоль стенок, что, вероятно, связано с деревянной конструкцией внутри ямы. Находки единичны: фрагмент лепной керамики поволжско-финского типа и кости животных.

Часть сооружений и ям не удалось стратиграфически четко привязать к тому или иному горизонту: *сооружение 7*, *ямы 8, 9, 5, 5 А, 5 Б, 5, 6, 7*. Некоторые из них (см. ямы 5, 5А, Б, 6 и 7) в сохранившемся виде представляют собой лишь нижние части более крупных сооружений ханского времени, разрушенных поздними объектами XVIII-XX вв.

Как видим, в материалах раскопа I имеются очень интересные сведения, свидетельствующие не только о застройке и планировке, но и о степени интенсивности освоения Кремля в период Казанского ханства.

Уникальная информация о каменном строительстве ханского времени была получена также в раскопах II и III⁸, XL, XIII, XLI. Исследованиями на раскопах II-III в течение нескольких сезонов изучалось около трех десятков сооружений периода ханства (рис.1).

Общим для обоих раскопов являются остатки конструкций монументальной постройки периода Казанского ханства. Возможность его существования в этом районе отмечали еще А.Х.Халиков и Л.С.Шавахин, зафиксировавшие строительный горизонт в III слое с большим количеством выброса материкового грунта в профиле раскопа 1975 г.⁹

В раскопах 1994-1997 гг. Ф.Ш.Хузиным и Р.Ф.Шарифуллиным были выявлены следы фундамента каменного здания, сохранившегося лишь в виде полосы дубовых свай-коротышей, вбитых в целях уплотнения грунта, и небольших фрагментов кладки из известняковых камней¹⁰. В раскопе II было расчищено сооружение 1 (II слой) на глубине 60-70 см от современной поверхности, под которым обнаружены остатки фундамента из известняковых камней (сооружение 2 слоя III). В ходе разборки сооружения 2 была обнаружена также типичная красноглиняная керамика, обугленные человеческие останки и каменное ядро. Параллельно с этим объектом чуть севернее в раскопе III 1995 г. был выявлен небольшой фрагмент каменного здания, сохранившегося, к сожалению, лишь в виде полосы свай-колышков на глубине 240 см от современной поверхности (сооружение 13 – северо-восточный угол здания). Реальные границы всей постройки удалось определить в результате соединения в 1996 г. раскопов II и III. В раскопе II 1996 г. ее остатки были обозначены как сооружение 8. Время строительства этого довольно крупного здания на основании исследований 1970-х годов, новых стратиграфических наблюдений и археологического материала было определено первой половиной XVI на основании двух кладов древнерусских монет, спрятанных под его фундаментом и датируемых не позднее начала 1530-ых годов. Сооружение было выявлено на уровне 150 см от современной поверхности, в виде остатков кирпичного пола, оконтуренного полосами ям-выборок стен. В основании ям-выборок исследователям удалось проследить углубления свай-коротышей на глубине 240 см от современной поверхности. Сами постройки были полностью разобраны в конце XVIII – начале XIX вв.

Опираясь на сведения письменных источников¹¹, можно предположить, что эти постройки представляли собой руины тех зданий, возле которых произошло в 1552 г. столкновение штурмующих и защитников города, возглавляемых Кул Шарифом. Важно отметить, что мечеть, связываемая с именем Кул Шарифа, включала в себя и медресе¹². Это позволяет говорить о довольно большом комплексе зданий, остатки которых были обнаружены и в раскопе XX 1998-1999 гг., располагавшемся с западной стороны раскопов II и III (рис. 1; 7).

Кроме крупных монументальных каменных конструкций ханского времени, на раскопе XX удалось проследить и дальнейшую судьбу ранних укреплений города¹³. Установлено, что к середине XV в. фортификационные сооружения здесь еще сохранялись, но вскоре, предположительно во второй половине XV в., укрепления перестали выполнять свою функцию. Это привело к разборке каменных пилонов ворот, что в свое время отмечал А.Х.Халиков¹⁴.

На месте разрушенного западного пилона домонгольских ворот была построена каменная конструкция (рис.5). Ее остатки (сооружение 12а) были выявлены в виде П-образной постройки, вытянутой по линии С-Ю

(аз. 341°). Сохранившаяся высота ее от основания 164 см (12-15 рядов кладки). На уровне материкового подзола по периметру описываемой постройки выявлены контуры котлована, имевшего отвесные стенки и ровное дно на глубине 138 от дневного уровня. Его заполнение состояло из желтого суглинка с включениями известкового раствора.

Сооружение имело панцирную кладку, скрепленную известковым раствором (рис.5). По ее периметру, с внешней стороны, регулярной горизонтальной кладкой были выложены крупные камни из тесаного известняка. Внутренняя кладка состояла из камней средних и мелких размеров без регулярной кладки. Функциональное назначение объекта установить не удалось.

Через короткий промежуток времени к нему с западной стороны было пристроено каменное здание (*сооружение 12 В*). Оно попало в раскоп не полностью (рис.5). В изученной части здание имело прямоугольную форму (11,5 x 5 м), вытянутую по линии С-Ю (аз. 346°). Продолжение постройки геофизическим методом (проф. З.М.Слепак) был прослежен на участке проезда Шейнкмана. Характер кладки аналогичен сооружению 12 А. С южной напольной стороны в завершении III слоя было найдено 8 наконечников стрел, в том числе и наконечник стрелы арбалета. У большинства наконечников были погнуты черешки и острие вследствие сильного удара о твердую каменную преграду, которой бесспорно являлась стена сооружения 12 В. Это, очевидно, демонстрирует яростный натиск штурмующих и упорное противостояние обороняющихся в сражениях 2 октября 1552 г. Очевидно, это было одно из последних мест отчаянного сопротивления казанцев войскам Ивана Грозного и сопоставимо по топографии размещения постройки с комплексом мечети Кул Шарифа, располагавшегося как раз у Тезицкого рва¹⁵. На основании более поздних письменных источников можно говорить, что здание уже было разобрано к моменту составления Писцовой книги 1565-1568 гг., где оно не упоминается¹⁶. Часть комплекса, в частности выявленная в раскопе II и III, использовалась по архивным и археологическим данным еще в начале XIX в.¹⁷

Ров был практически засыпан, сохранялось только углубление с максимальным понижением в центре до 1,5 м (рис.9). Вал был частично срезан. Продолжала использоваться уличная каменная мостовая. С периодом Казанского ханства связано два ремонтных горизонта этой мостовой.

Раскопами V, X, XV, XVIII, XIX по восточному склону Кремлевского холма, как уже отмечалось, были выявлены остатки каменной стены¹⁸. В этот период она выполняла функцию ограды ханского двора (рис.9). Укрепления этого двора упоминаются в описании Казани А.Курбским¹⁹. Предположение о принадлежности этой стены к ограде ханского двора было сделано Л.С.Шавохиным²⁰, хотя еще раньше Н.Ф.Калинин писал, что стены ханского двора были, скорее всего, каменными²¹. В русское время, очевидно, часть стены была разобрана и перенесена немного к

западу от склона холма, о чем говорят результаты исследований 1998-2000 гг. (раскопы XVIII, XIX, XXXIII). Северный конец стены, возможно, примыкал к Северной квадратной башне, выявленной под основанием круглой башни второй половины XVII в.* Время строительства Северной квадратной башни, как установлено раскопками А.М.Губайдуллина, относится к первой половине XVI столетия^{22**}.

Интересные результаты о характере культурных напластований в южной части кремля были получены при исследовании в районе строительства мечети Кул-Шариф (раскопы VI, VII, XVII, XVII А – общая площадь 1246 кв. м) (рис.1).

В раскопе VI 1996 г. ранних слоев не зафиксировано²³. Начало формирования культурных напластований связано с периодом Казанского ханства. Мощность слоя ханского времени достигает 85 см в северной части и 15 см в южной.

В ходе раскопок выявились особенности рельефа территории Кремля ханского времени. Так, удалось выявить древнюю ложбину, вытянутую по линии В-3 поперек Кремлевского холма с устьем на запад. Максимальное углубление ее в центре составило 4 м от современной поверхности. Она была практически уже засыпана и, как это установлено стратиграфическими наблюдениями, в период накопления верхних горизонтов III слоя над ней проходила улица. При этом стенки ложбины сохранили следы деятельности человека до ее засыпки, связанные, возможно, с ранним периодом освоения этого холма болгарами (рис.9). С южной, относительно покатой стороны наблюдались округлые ямы с подбоем под склон, представляющие собой места выборки глины для строительства. С северной стороны фиксировались аналогичные ямы с подбоем под склон, которые частично разрушены вертикальным искусственным срезом высотой 1 м. Дневные уровни этих объектов выходят на материковый подзол и не связаны с культурными слоями. Возможно, они отражают процесс освоения южной части Кремлевского холма до периода Казанского ханства, о чем свидетельствуют единичные находки из частично переработанной погребенной почвы, относящиеся к домонгольскому и золотоордынскому времени.

С III слоем в раскопе VI соотносится около 20 сооружений, в расположении которых прослеживается закономерность, связанная с функционированием улицы (рис.9). Они фиксируются вдоль участков, относящихся к улице. Характер залегания грунта на улице и его содержание идентично описанию деревянной мостовой в раскопах I, IX, XIII. Выде-

* Северная линия укреплений по результатам исследований 2003 г. после обрушения в середине XV в. была возведена на 6 м дальше от края склона. Сохранившееся основание стены со следами поздних подновлений фиксируется на всем протяжении северного склона.

** Северная квадратная башня на основании данных полученных в 2003 г. была перестроена в круглую после взятия Казани не позднее начала XVII в.

ляется от 3 до 4-х горизонтов древесного тлена. Среди сооружений, кроме хозяйственных ям, интерес вызывают остатки моста (сооружение 13) через ложбину, связанного с нижними горизонтами III слоя (рис.9), а также углубленные в землю срубы из горбылей (сооружения 9, 14), разрушенные при пожаре 1552 г.

Важные стратиграфические наблюдения получены в раскопах IX, XI 1997 г. с восточной стороны Благовещенского собора (рис.1)²⁴. С отложениями периода Казанского ханства в раскопе IX соотносятся более 20 срубных построек и хозяйственных ям, из которых 4 погибли при пожаре 1552 г. В их расположении также наблюдается определенная система – они образуют улицу шириной около 3,5 м и увязываются с тремя ремонтными горизонтами деревянной мостовой (рис.9). Улица продолжала функционировать в русское время, что нашло отражение в Писцовой книге 1565-1568 гг., где она упоминается как «переулок х Благовещенью», идущей от Воскресенской башни к Собору²⁵.

Привлекает внимание *сооружение 16*. Оно представляет собой срубную конструкцию размерами 380 x 270 см в плане, углубленную в землю всего на 54 см. Заполнение сооружения состояло из темно-бурой плотной пестроцветной супеси с мощными прослойками угля, золы, прокаленной земли. Прослойка пожара четко увязана с завершением III слоя и сопоставима с событиями 1552 г. Под сгоревшими деревянными конструкциями лежали обугленные человеческие останки, а также комплекс бытовых предметов – обломки керамики, комки шерсти, мотки шерстяных ниток, обломки обугленной прялки (рис.4), кусочки ткани, лапти, куски оплавленной меди, глиняная обмазка и пр. Постройка, очевидно, была жилищем-мастерской, хозяин которой занимался домашним ткачеством и прядением и погиб во время штурма города войсками Ивана Грозного.

В это же время была разрушена срубная конструкция – *сооружение 3* в раскопе XI 1997 г. Сруб размерами 230 x 98 см (объект не попал полностью в раскоп), был углублен в землю на 171 см. Его заполнение состояло из бурой пестроцветной рыхлой супеси с большим количеством включений угля, шлака, золы. В центре сруба фиксировалось большое пятно (120 x 50 см) прокала толщиной 20-30 см, возможно, на месте бывшей печи. Подтверждением гибели объекта в пожаре 1552 г. является обнаруженное в ее заполнении глиняное зажигательное ядро, расколотое пополам, полое внутри с отверстиями по бокам, а также развал белоглиняного кумгана с зеленой поливой (рис. 8). Изученный объект, скорее всего, представлял собой подполье наземной постройки.

Раскопы 2000-2001 гг. в центральной части двора современной резиденции Президента РТ позволили относительно полно исследовать территорию ханского двора. Общая площадь исследований (раскопы XXXII, XXXIV, XLI, XLII, XLVIII, XIX и наблюдения в ходе замены коммуникаций) приближается к 2000 тыс. кв. м.

В раскопе XXXIV, где отложения ханского времени сохранились фрагментарно (под современным слоем), удалось исследовать тем не менее более 10 сооружений²⁶. Большинство объектов Казанского ханства представляют собой остатки прямоугольных в плане ям (310-380 x 310-380 см) с опущенными в них срубами из горбылей, ориентированными по линии Ю-ЮЗ (аз. 205-210°). Заполнение сооружений представляет собой темно-бурюю пестроцветную супесь, насыщенную углем и прокалом. В размещении сооружений сектора 3 прослеживается определенный порядок. Они расположены в два ряда вдоль незастроенной полосы (аз. 205-210°) шириной 200-250 см со следами деревянного мощения, связанного, предположительно, с остатками небольшого переуллка. Важно при этом отметить, что ориентировка выявленных объектов соответствует региональному азимуту на Мекку. Подобная планировка, на наш взгляд, объясняется привязкой построек к находящимся вблизи мусульманским культовым постройкам, не попавшим в раскоп. Заметим кстати, что рядом с раскопом напротив северного придела Благовещенского собора, судя по данным Писцовой книги 1565-1568 гг., находилась мечеть.

Характеризуя вещевой материал из объектов III слоя, следует остановиться на «кладе», обнаруженном в сооружении 23²⁷. Последнее представляло собой яму с отвесными стенками и ровным дном на глубине 77 см от уровня выявления. По периметру дна фиксировалась небольшая канавка (пролежень бревна) шириной до 15-20 см и глубиной около 20-25 см от уровня дна. В яму был опущен сруб (440 x 418 см) из горбылей толщиной до 5 см, обугленных в пожар 1552 г. Заполнение внутри сруба состояло из темно-бурой пестроцветной плотной супеси с включениями угля сгоревших остатков верхних конструкций и пола наземной постройки. На полу обнаружены фрагменты трех разбитых чернолощенных кубышек и россыпь сильно окисленных серебряных монет первой половины XVI в. Из более чем трехсот монет, к сожалению, удалось зачистить и дать на определение только 160 штук. В этой же постройке обнаружены свинцовые пуговицы, смятые свинцовые пищальные пули, развал белоглиняного кумгана с зеленой поливой и другие находки.

Во всех объектах III слоя XXXIV раскопа встречены характерные для этого времени фрагменты неполивной и поливной керамики, обломки медных котлов, железные ножи и ножницы, кусочки тканей, детали ткацких станков, ожерелье из полудрагоценных камней, китайский фарфор, свинцовые деформированные пищальные пульки, костяные и железные наконечники стрел, ядра и др.

В ходе охранно-спасательных работ 2001 г. в центральной части двора перед резиденцией Президента были выявлены каменные конструкции, на месте которых был заложен раскоп XLVIII (рис. 6). Н.Г.Набиуллин здесь были изучены остатки подвальных помещений каменного здания (18 x 22 м) эпохи Казанского ханства²⁸.

Кирпично-каменное сооружение ханского времени обнаружено также в результате археологических исследований Р.Ф.Шарифуллина с северной стороны башни Сююмбеки (раскоп XLI). Его продолжение зафиксировано нами в ходе наблюдений в траншее для коммуникаций с восточной стороны упомянутого раскопа. Сооружение состояло из двух частей: белокаменной и кирпичной. Белокаменная часть здания стратиграфически связано с нижними горизонтами III слоя. Дневной уровень кирпичной части здания, обнаруженной в шурфе № 1, восходит к верхним горизонтам III слоя. На сегодня пока не удалось выявить весь периметр стен. Размеры сооружения, по нашим предварительным подсчетам, составляют около 15 x 30 м. Чрезвычайно важно отметить тот факт, что юго-западная часть его уходит под основание башни Сююмбеки. Это свидетельствует о более позднем времени строительства последней. Изученное сооружение ориентировано на З-ЮЗ (аз. 207°), т.е. в сторону Мекке, что дает нам некоторое основание видеть в нем плохо сохранившиеся остатки (Ханской?) мечети.

Судя по находкам из засыпи можно предположить, что данное сооружение каким-то образом использовалось еще в русское время и прекратило свое существование только в конце XVII, может быть, даже в начале XVIII в. На месте разрушенной мечети была построена башня, названная именем Сююмбеки.

Уникальный материал был получен в результате исследований в нижней северо-восточной части современного Кремля. В раскопе IV у Воскресенской (Елбугиной) башни были выявлены остатки бревенчатых конструкций, нескольких жилищ и хозяйственных ям²⁹. В числе находок имеется большое количество обломков поливных кашинных мозаичных вставок, которыми, возможно, были украшены постройки ханского двора, находившиеся на холме. Встречено также много наконечников стрел, что указывает на активные бои в этом районе, упомянутые в источниках при описании штурма города в 1552 г. Именно здесь последние защитники города в отчаянной схватке пытались выйти к р. Казанке. Однако предполагаемые в этом районе остатки Елбугиных ворот периода ханства найти не удалось.

Важным для изучения топографии ханской Казани в раскопе XIII являются остатки уличной мостовой шириной 360 см, проложенной между сооружениями³⁰. Следы мощения прослежены в длину на 880 см. Под мостовой лежал небольшой культурный слой мощностью 10-15 см, который покоился на погребенной почве. Относительно хорошая сохранность деревянной мостовой из коры дуба и липы позволяет реконструировать покрытие других улиц, на которых следы мощения фиксировались лишь в виде остатков древесного тлена.

В раскопе был выявлены срубные постройки очень хорошей сохранности с большим количеством кожаных изделий (несколько тысяч фраг-

ментов). В этом районе, несомненно, находились мастерские по изготовлению кожаной обуви.

Представления о характере жилых построек эпохи Казанского ханства были дополнены в ходе наблюдений на разрушаемом при строительстве северо-восточном склоне холма. В обнажении культурного слоя была зачищен участок длиной 24 м с мощностью культурного слоя 350 см вне сооружений. Выявленный в разрезе III слой состоял из бурой плотной пестроцветной супеси с включением прокала, угля. Его толщина достигала от 50 до 140 см. Интерес вызывает связанный с верхними горизонтами слоя сооружение 5 – остатки сгоревшего дома с подклетом и завалившейся глинобитной печью. Ширина наземной части дома в разрезе 5 м, подклета – 3 м. В разрезе выделяются следы провалившихся в подклет поперечных бревенчатых конструкций пола.

Следы ремесленного производства были выявлены в ходе исследований у Северо-Восточной башни³¹. Здесь П.Н.Старостиным выявлены остатки металлургического производства эпохи Казанского ханства³². Были изучены деревянные постройки с кирпичными печами и горн. Последний имеет круглую в плане форму диаметром около 1 метра с сужением в верхней части. Стенки толщиной 15 см выложены из кирпича. В кладке кирпич скреплен глиняным раствором, а с внутренней стороны покрыт огнеупором. С южной стороны к нему примыкала предгорноновая яма диаметром до 1,2 м. В заполнении найдено большое количество обломки кирпича, куски медного шлака, слитки металла. По мнению исследователя, выявленный комплекс объектов представляет собой остатки медеплавильных мастерских.

Одной из интересных, но слабо изученных проблем археологии Кремля ханского времени остается вопрос о его укреплениях. Нет четкой ясности, что они из себя представляли, из какого материала были сооружены? Где они проходили? Какие были укрепления крепости с южной стороны? Какие реальные границы имел Ханский двор? Решение всех перечисленных проблем, возможно, дело будущего. Однако частично ответить на некоторые из них уже возможно.

Некоторая информация была получена в ходе исследований 2001 г. между Преображенской (Тюменской) и Пятигранной башнями с внутренней стороны Кремля – в разрезе траншеи шириной около 2 м, глубиной более 2 м. У северного пилона Преображенских ворот, где глубина траншеи достигала 3 м, фиксировалась ложбина шириной 14 м. Ее склоны уходили ниже уровня прокопанности траншеи. Заполнение углубления состояло из темно-серой плотной супеси с включениями древесного тлена, нижние горизонты которого связаны с напластованиями дорусского времени. Граница ранних отложений в западе ограничивалась прослойкой известкового раствора и известняковых камней мощностью до 50 см. Выше ее выделялись слои, формирование которых связано с жиз-

недеятельностью русского населения. Не исключено, что в траншее зафиксирован участок рва, известного по описаниям Писцовой книги 1565-1568 гг. как остатки старых укреплений³³. На этой же линии находится и ров, зафиксированный в раскопе 1928 г.³⁴. По мнению Н.Ф.Калинина, данный ров следует рассматривать как остатки фортификационных сооружений Ханской крепости³⁵.

Обобщая стратиграфические наблюдения о характере залегания III слоя, надо сказать, что отложения времени Казанского ханства распространены по всей территории современного Кремля (рис.6). Слой представлен в целом желтовато-бурым пестроцветом относительно плотной консистенции. Для него характерно заметное содержание желто-красной глины. Обычны включения известнякового щебня, обломков кирпичей, угля и древесного тлена.

В северо-восточной части Кремля слой III состоит в основном из плотной желтовато-серой (местами буро-коричневой) пестроцветной супеси со значительными включениями угля, древесного тлена. Вне объектов мощность слоя колеблется в пределах 80-110 см. В нем встречаются известняковые камни, обломки кирпичей и кости домашних животных. Прослежены линзы желтого суглинка, являющиеся выбросами из ямных сооружений и котлованов жилищ, а также несколько углистых прослоек в разных горизонтах, связанных, по-видимому, с пожарами локального характера. Для этой части Кремля характерно активное строительство (до 5 строительных горизонтов на небольших участках), значительная переработка нижележащих слоев и наличие следов множества пожаров, что в совокупности и отразилось в специфике грунта.

В южной половине Кремлевского холма толщина слоя III вне объектов составляет не более 20-30 см. Он состоит из темно-бурой и бурой плотной супеси с включениями светло-серой супеси, угля и прокала. Верхний горизонт слоя на большинстве раскопов перекрывается тонкой прослойкой угля и золы. В этой части Кремля III слой лежит на материковой светло-серой подзолистой супеси. Нижние горизонты слоя на некоторых участках перекрыты стерильным материковым подзолом в направлении западного склона холма, что, возможно, объясняется смывами грунта или геологическими сдвигами земли у склона. В слое отразилась менее активная строительная деятельность (не более двух строительных горизонтов). Во многих местах, особенно в районе деревянных сооружений, между II и III слоями выделяется прослойка пожарища 1552 года.

С прослойкой пожарища 1552 г. увязывается ряд специфичных находок, представленных большим количеством каменных ядер, глиняными зажигательными ядрами, наконечниками стрел, ошлакованной под воздействием высокой температуры керамикой; в сгоревших постройках встречаются обугленные человеческие останки. Эта прослойка четко разграничивает слой Казанского ханства и слои, сформировавшиеся после

1552 г. С нее начинается кардинальные изменения в содержании материальной культуры, что особенно отчетливо видно в соотношении различных групп керамики и их типов.

Как видим, разграничение верхней границы III слоя, благодаря прослойке пожара 1552 г., очень четкое. Сложнее определить нижнюю границу, так как не наблюдается резкой смены вещевого, в частности, керамического материала. Основным критерием в ее установлении выступают стратиграфические наблюдения, изменения в общем облике материальной культуры. Важным показателем для слоя Казанского ханства является увеличение доли русской и татарско-русской керамики.

* * *

Материальная культура ханской Казани позволяет определить с большой долей вероятности хронологию III слоя. Накоплен выразительный комплекс неполивной гончарной керамики. Большую долю в ней – более 40% от общего количества – занимает керамика, условно названная Т.А.Хлебниковой «казанской». Ее особенности: окислительный обжиг, большое количество песка, многозонный тонкий орнамент в виде широкой волны. Изредка на изделиях встречается узкое лощение. Технологические истоки этой керамики увязываются с золотоордынскими традициями Нижнего Поволжья, хотя одновременно наблюдается ее близость к болгарской посуде³⁶.

Другую большую группу – более 20% от общего количества – составляет керамика в болгарских традициях, не встречавшаяся ранее. По формам она близка к общеполгарской керамике³⁷.

Как было уже отмечено, особенностью слоя является увеличение в нем содержания глиняной посуды татарско-русской и русской групп. Татарско-русская керамика в некоторых раскопах составляет до 30 % от общего числа фрагментов. Появление черной и серой лощеной керамики характерно для памятников не только Казанского ханства³⁸, но и синхронных русских памятников³⁹. Важно при этом отметить, что она появляется только в отложениях III слоя⁴⁰. В слое на 10% увеличилось количество русской керамики. Столько же часто встречаются фрагменты лепной поволжско-финской посуды.

В числе керамических изделий значительное место занимают глиняные пряслица, рыболовные грузила.

Качество продукции гончаров этого периода, как справедливо отмечают исследователи, несколько ухудшается по сравнению с болгарской. Это видно и по находкам в Казанском кремле и подтверждается исследованиями Русско-Урматского селища⁴¹ и Камаевского городища⁴². В местной керамике под воздействием инородных традиций появилась определенная специфика, началось сложение своеобразного «казанского» типа керамики, но процесс его формирования был прерван и не завершен.

Поливные изделия из III слоя составляют две группы находок: поливная посуда, облицовочные изразцы. Поливная керамика представлена смесью разнообразными видами. Значительную группу составляют фрагменты красноглиняных сосудов с рельефным орнаментом, покрытых двусторонней зеленой поливой на белом ангобе, причем снаружи полива очень жидкая, тонкая (рис.8). Аналогичные находки были обнаружены в соответствующих слоях Н.Ф.Калининым⁴³ и Л.С.Шавохиным⁴⁴. Заготовки подобных ангобированных сосудов были выявлены в гончарной мастерской Русско-Урматского селища⁴⁵. Со слоем казанского ханства связаны и фрагменты красноглиняной посуды с голубой поливой.

В раскопе 1 (1975) Л.С.Шавохина был найден обломок кашинного сосуда с поливой белого цвета, производившегося в Иране в XV-XVII вв., и фрагменты китайского белого фарфора с синей росписью, относящегося к эпохе династии «Мин» XV-XVI вв.⁴⁶ Аналогичные фрагменты кашинной керамики и китайского фарфора имеются также из раскопов 1994-2003 гг.

Большую группу находок составляют фрагменты кашинных мозаичных вставок и кирпичиков с глухой бирюзовой и ультрамариновой поливой. Аналогичные изделия присутствуют в материалах нижеволжских и среднеазиатских городов XIV-XV вв.⁴⁷

Помимо мозаичных кашинных вставок активно используется гери-хи, известные по материалам Н.Ф.Калинина⁴⁸ и А.Х.Халикова⁴⁹. Строительство монументальных зданий в период Казанского ханства приобретает большой размах, о чем свидетельствуют остатки самих построек и мощные напластования с включениями строительного мусора. При строительстве зданий использовался крупный брусковый кирпич размерами 7-7,5 x 15-14 x 28-30 см⁵⁰.

Специфичным строительным материалом, характерным только для слоев Казанского ханства, являются небольшие (20-16 x 20-16 x 2-3 см) обожженные глиняные плитки, которыми, вероятно, облицовывались печи⁵¹.

Большое развитие в этот период получила резьба по камню. Известно большое количество надгробных камней, связанных со временем существования Казанского ханства⁵². На территории кремля обнаружено несколько надгробных камней XV – первой половины XVI вв.: при изучении ханских мавзолеев у башни Сююмбике⁵³, в кладке Благовещенского собора.

За многие годы археологического изучения Кремля собрана большая коллекция разнообразных ядер. Они известны еще по находкам XIX в.⁵⁴ Ядра в основном изготовлены из известняка, гранита и железа (рис.7). Известняковые ядра делятся на две большие группы, отличающиеся друг от друга размерами. Одна из них имеет диаметр 50-60 см, а другая – 25-30 см. Диаметр гранитных ядер 13-15 см, железных – 8-12 см. Зажигательные ядра изготавливались из глины: они были полые внутри (туда заливалась горючая жидкость), с 5-6 небольшими (0,5 см в диаметре) отверстиями на

по верхности для фитилей. Диаметры этих ядер не превышают 9-12 см. Такие ядра были найдены на многих поселениях эпохи Золотой орды и Казанского ханства⁵⁵. Подавляющая часть ядер происходит из верхних горизонтов III слоя, связанных с событиями штурма города 1552 г.

Собрана значительная коллекция (более 20 экз.) железных и костяных наконечников стрел. Особенно их много в прослойке пожара 1552 г. По своим формам они очень близки к типам, распространенным в XII-XIV вв.⁵⁶ Учитывая условия их находок, в некоторых случаях не исключается вероятность их переотложенности из более ранних слоев. К сожалению, супесчаный грунт Казанского кремля приводит к значительному окислению предметов, что не дает возможности даже после реставрации четко определить их форму.

В слое собрано большое количество железных предметов конского снаряжения, представленных подковами и гвоздями к ним. Подковы в основном одношипные с четырьмя отверстиями. Подобные изделия имеют большой хронологический диапазон бытования – с XI по XVII вв.⁵⁷

Среди бытовых вещей из железа чаще всего встречаются скобяные изделия: гвозди, скобы, дверные петли, пробой. Имеется большое число обломков чугунных котлов, которые появляются, судя по материалам Болгарского городища, в XIV в.⁵⁸ Большим разнообразием, как по форме, так и назначению, выделяются ножи. Многочисленную группу железных изделий составляют также сапожные подковы и гвозди к ним. Среди подков выделяются типы А и Б по классификации Б.А.Колчина⁵⁹. В русских памятниках их появление связывают с XIV в.⁶⁰, но на Средней Волге у них более широкий диапазон бытования XI-XVI вв.⁶¹ Встречены ключи от замков, сопоставимые с ключами XV-XVI вв. из русских поселений⁶².

В числе находок, связанных с промысловой и сельскохозяйственной деятельностью населения, можно назвать обломок косы-горбуши, каменные жернова⁶³ и пр.

Большой пласт находок составляют предметы кожевенного производства, известные еще по исследованиям Н.Ф.Калинина⁶⁴, Л.С.Шавохина⁶⁵ и А.Х.Халикова⁶⁶. Найдено множество деталей кожаной обуви (более 10 тысяч экз.): подошвы, голенища со следами швов и орнамента, каблук. Значительная их часть происходит из раскопа XIII.

Многие жители края занимались изготовлением изделий из кости: различных накладок для рукоятей ножей и других бытовых предметов, игрушек, кочедыков, проколов, наконечников стрел и др.

Среди находок много бытовых предметов из камня. Наиболее часты находки пряслиц, оселков – точильных камней. Сохранились также вещи из дерева: обугленные миски, гребни, обломки прялок, ткацких станков. К редким находкам относятся лапти, а также изделия ткачей – кусочки тканей, клубки пряжи, комки свалывшейся шерсти.

Предметы украшения представлены тремя перстнями. Из раскопа XIII происходит два перстня: один из них из «оловянистой бронзы», а другой – серебряный, инкрустирован камнем бирюзового цвета. В раскопе XX был найден обломок сердоликового перстня, аналогии которого известны из нижеволжских памятников Золотой Орды⁶⁷.

Среди находок имеются бронзовые литые подвески-пуговицы шаровидной и грушевидной формы с круглым ушком. Аналогичные изделия датируются по новгородским материалам в пределах XI-XV вв., хотя, по наблюдениям М.В.Седовой, встречаются вплоть до XVIII в.⁶⁸

Произведением искусства являются изготовленные казанскими мастерами украшения саркофага одного из ханов, найденного в 1977 г.⁶⁹ Деревянная конструкция гроба была обита кожей с использованием серебряных накладок и гвоздей с рельефным растительным орнаментом. Представляет интерес медный гвоздик с изображением барса, обнаруженный в раскопе III 1994 г.

При определении хронологии III слоя Кремля важное значение имеют клады монет, известные еще по находкам XIX в.⁷⁰ При исследованиях Ф.Ш.Хузина на раскопе II под фундаментом каменного здания периода Казанского ханства в 1996 г. были обнаружены два больших клада монет⁷¹. Определение монет из кладов было сделано А.С.Мельниковой и Д.Г.Мухаметшиным.

Клад № 1 серебряных монет обнаружен под северо-восточным углом здания. Непосредственно в районе клада были зафиксированы кусочки берестяного тусеска (некоторые с прилипшими монетками). Клад содержал 556 монет – «чешуек» довольно хорошей сохранности. Клад № 2 был найден под северо-западным углом того же здания и состоял из 1449 монет – «чешуек». Монеты, видимо, находились в кожаном кошеле, от которого сохранились лишь мелкие обрывки.

Большой клад (№ 2) содержал по одной монете Ярославского и Можайского княжеств, 16 монет чеканены в Рязани. Города Тверь и Новгород представлены соответственно 32 и 42 монетами, Псков – 181 монетой. Остальные монеты чеканены в Москве. Самыми ранними, старшими, монетами следует считать, по заключению Д.Г.Мухаметшина, монеты Ивана Дмитриевича, Федора Васильевича и Александра Федоровича (до 1450 г.), а также монеты Новгорода и Пскова периода самостоятельности. Младшими являются монеты великого князя Василия III (1505-1533 гг.). Около 90 % монет клада чеканены в период правления великого князя московского Ивана III (1462-1505 гг.).

Малый клад (№ 1) по составу монет не сильно отличается от Большого. Это свидетельствует об одновременности их накопления. Однако в Малом нет именных монет Василия III (они считаются более поздними) и больше монет удельных княжеств. Таким образом, Малый клад формировался чуть раньше Большого. Следует подчеркнуть, что в обо-

их кладах отсутствуют монеты Ивана IV и обрезанные новгородские и псковские монеты, появившиеся в начале 30-х годов XVI в.

Найденные клады ярко иллюстрируют период зарождения общерусской денежной системы. В начале XV в. самостоятельно чеканили монеты Псков, Великий Новгород, Великие княжества Тверское, Рязанское, Ярославское, Москва и ее уделы (Можайск). Они и представлены в найденных кладах. Оба кремлевских клада относятся к Великокняжескому периоду.

С более поздним временем связан еще один клад монет. Он происходит из раскопа XXXIV⁷².

Что же представлял собой третий клад монет, найденный в постройке, погибшей в дни трагичных событий 1552 г.?

В 1533 году после смерти великого князя Василия III на русский престол был посажен Иван IV, а регентом была определена мать малолетнего Ивана – Елена Глинская. Социально-экономическое положение требовало проведения денежной реформы, которая должна была покончить с феодальной раздробленностью в денежной системе Руси. В Никоновской летописи под 7043 г. (1535) читаем: «Того же месяца марта князь великий Иван Васильевич всея Руси и его мать великая княгиня Елена велели переделывать старые деньги на новые»⁷³. В обращение выпускаются копейки, деньги и полушки нового образца. Полушки чеканились эпизодически и встречаются крайне редко, поэтому естественно, что в Казанском кладе имеется только 2 номинала – копейка, деньга. Для этих номиналов нового образца был выбран рисунок всадника, причем для копейки – с копьём, для деньга – с саблей. Деньги в основном чеканились в Москве, частично в Твери. Таких монет в кладе 138 шт. Копейки чеканились в Новгороде и Пскове, их в кладе 22 шт. Денежная реформа строго регламентировала монетное производство. Было ликвидировано право откупа монетного регалия частными лицами. Чеканить монеты разрешалось только на государственных монетных дворах. Все монетное производство сконцентрировалось на трех монетных дворах Москвы, Новгорода, Пскова.

В начальной период реформы чеканили мечевые копейки – монеты с новым рисунком (всадник с саблей), но с прежним весом, т.е. в два раза большим. Вскоре в 1538 г. все старые деньги были «заповеданы», т.е. запрещены и изъяты из обращения. Отсутствие в кладе дореформенных денег указывает на формирование Казанского клада после изъятия из обращения старых денег, т.е. после 1538 г. Основная масса клада состоит из монет Москвы, Твери, Новгорода начало 40-ых гг. XVI в. Эта копейка Новгорода с буквами ФС под копьём, чеканившаяся после 1542 г.; деньга Твери с буквой XV под копьём и деньги Москвы с надписью «князь великий Иван». К начальному периоду реформы относятся копейки Пскова, в количестве трех штук, с буквой А под копьём. В 1547 г. Иван IV получил царс-

кий титул, поэтому легенда на монетах размещалась в виде: «Царь и Князь великий Иван». В кладе имеются 6 таких монет чекана Москвы и Новгорода. В связи с принятием царского титула изменился головной убор всадника, теперь он имеет форму царской короны. В 1547 г. начался выпуск новых типов денег Москвы, с буквой ДЕ, таких в кладе не оказалось. Нет в кладе и копеек Новгорода и Пскова, выходящие за рамки 1547 г. Таким образом, можно говорить, что формирование этого комплекса монет завершается в 1547 г., в основном, из монет Москвы. Имеется всего одна монета, отчеканенная, по мнению А.И.Бульгина, в начале 50-х годов XVI в.⁷⁴

Казанский клад с учетом неопределенных монет и фрагментов составляет сумму приблизительно в 2 рубля. Принимая во внимание, что клад не является специально спрятанным и в объекте обнаружены разбитые кубышки крупных размеров, надо полагать, в данном случае это остатки большой суммы денег, которые находились в одной из построек ханского двора. В момент попытки забрать накопленные богатства часть монет, находившихся в кубышках, видимо, была рассыпана и была погребена под створешими конструкциями дома, что и было выявлено в ходе раскопок.

Ярким материалом, иллюстрирующим активность городской жизни, являются костные остатки. В общей сложности из III слоя раскопок Казанского кремля происходит более 130 тыс. костных фрагментов⁷⁵. Рацион питания населения ханской Казани несколько отличается от предшествующего периода. Например, возрастает количество костей свиньи, что, несомненно, связано с ростом числа русских поселенцев на территории Кремля. Много также лошадей. В числе домашних животных палеозологи отмечают кошку и собаку. Об активных торговых контактах Казани свидетельствует наличие костей верблюда. Заметное увеличение в слое доли охотничьей промысловой фауны (лось, косуля, кабан, медведь, заяц), обнаруженной в большинстве своем вблизи ханского двора, говорит об увлечении хана и его окружения охотой.

В слоях эпохи Казанского ханства было собрано большое количество образцов для карпоботанического анализа⁷⁶. Видовой состав сельскохозяйственных культур в значительной степени состоит из ржи. Показателем преобладания ржи является и слабая засоренность зернового материала, что объясняется ее способностью подавлять сильнее других культур рост сорняков и спецификой его посева после чистого пара. Среди выделенных культур большой процент пшеницы летней, присутствуют зерна ячменя, овса, гороха. В одной из проб отмечены зерна южной туранской пшеницы. Одна из проб целиком состояла из зерен малины.

Обобщая результаты исследования слоя Казанского ханства, нужно сказать, что уже накоплен значительный и уникальный комплекс вещевого материала, ярко иллюстрирующего особенности материальной культуры города этого времени. Массовый вещевой материал и отдельные предметы быта, монетные находки придают слою «свое лицо» и позво-

ляют определить хронологические рамки его отложения. Весь объем полученных сведений и находок представляет широкую базу для последующего детального изучения различных сторон жизни средневекового города и всего Казанского ханства.

Таким образом, ханская Казань представляла собой крупный торговый и ремесленный средневековый город с высоким уровнем развития культуры и просвещения. В городе уживались различные религии и народы, участвуя в активной международной торговле, проходящей у стен Казани.

В 1552 году в результате длительной осады и разрушительного штурма город был опустошен пожарами. Яркое отражение трагедии города можно увидеть и в археологических материалах. Слой пожара в культурных отложениях черной линией разграничивает жизнь ханской Казани от последующей. Следы штурма являются многочисленными каменными ядрами, находящимися до сих пор в напластованиях центральной части Казани. Внутри сгоревших во время пожара зданий встречаются глиняные зажигательные ядра. Об интенсивности боев свидетельствуют многочисленные пищальные пули и наконечники стрел из археологических раскопок.

Оставшиеся постройки со временем ветшали, разрушались и к сегодняшнему дню они, если и сохранились, то остались под толщей земли, нанесенной временем. Только продолжение археологических исследований позволяет нам заново открыть их и представить все величие прошлого этого уникального средневекового города.

Примечания

- ¹ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. / Отв. ред. В.И.Буганов. М.: Наука, 1985. – с. 63-68.
- ² Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп I, в Артиллерийском дворе // оп. 1, ед. хр. 462. 163 с.
- ³ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани. 1565-68 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – с.8.
- ⁴ Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. – с.70.
- ⁵ Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Средневековые Чебоксары. М., 1978. – с.63.
- ⁶ Артемьев А.Р. Города Псковской земли XIII – XV вв. Владивосток, 1998. – с.16; Даркевич В.П. О некоторых проблемах происхождения и развития древнерусских городов (X-XIII вв.) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. – с.94-95.
- ⁷ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII – XV вв. САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. – с.75.
- ⁸ Хузин Ф.Ш. Новые открытия в Казанском Кремле (предварительные сообщения о раскопках 1997 года) // *Tatarica*. 1997/98. № 1. С. 133-134; Хузин Ф.Ш. Археологическое изучение каменных сооружений средневековой Казани // *Древности московской земли. Проблемы современной археологии*. М., 2001. С. 20-22.
- ⁹ Шавахин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1975 г. // Р-1 № 5670;

- Халиков А.Х., Шавахин Л.С. Древнейшая Казань // Древняя Казань глазами современников и историков. Казань: Изд-во «Фест», 1996. С. 334-337
- ¹⁰ Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Продолжение исследований на раскопе II // оп. 1, ед. хр. 431; Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Раскоп II в сквере между Благовещенским собором и Министерством здравоохранения // оп. 1, ед. хр. 460.
- ¹¹ Древняя Казань глазами современников и историков / Составители и авторы комментариев Ф.Ш.Хузин и А.Г.Ситдииков. Казань: Изд-во «Фест», 1996. – с.255.
- ¹² Марджани Ш. Очерк истории Болгарского и Казанского царства (перевод В.В.Радлова) // Труды IV Археологического съезда в России. Т. 1, отд. 2. Казань, 1891. С.40-58.
- ¹³ Ситдииков А.Г. К вопросу о древнейших укреплениях Казани (по материалам раскопов Х. XX 1997-1998 гг.) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П.Смирнова. Тезисы научной конференции. Болгар, 1999. С.60-63.
- ¹⁴ Халиков А.Х. Исследование древнейшей крепостной стены Казани // АО – 1978. М., 1979. – с.96-99.
- ¹⁵ Древняя Казань глазами современников и историков ... с. 178-179.
- ¹⁶ Материалы по истории Татарской АССР ...
- ¹⁷ Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Продолжение исследований на раскопе II // оп. 1, ед. хр. 431; Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Раскоп II в сквере между Благовещенским собором и Министерством здравоохранения // оп. 1, ед. хр. 460; Комплекс кафедрального Благовещенского собора. Проект реставрации. Т. 1, книга 1 // оп. 1, ед. хр. 522; Комплекс кафедрального Благовещенского собора. Проект реставрации. Т. 1, книга 2 // оп. 1, ед. хр.523.
- ¹⁸ Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп X 1997 года // оп. 1, ед. хр. 589; Археологические открытия в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. с. 12-18; Мухамадиев А.Г. Казань – город каменный! // Заказанье: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов и материалы 1-ой Региональной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Заман», 1995. С.32-34.
- ¹⁹ Древняя Казань глазами современников и историков ... с. 131.
- ²⁰ Шавахин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1988. На правах рукописи // НБ МГУ, 8158. – с.126-127.
- ²¹ Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // Ф.8, оп.1, ед.хр.202. – с.276.
- ²² Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2002. – с. 24-26.
- ²³ Ситдииков А.Г. Раскоп VI. Во дворе Юнкерского училища. Книга 1 // оп. 1, ед. хр. 427. Ситдииков А.Г. Раскоп VI. Во дворе Юнкерского училища. Книга 2 // оп. 1, ед. хр. 428.
- ²⁴ Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп IX 1997 года // оп. 1, ед.хр. 588. Ситдииков А.Г., Шарифуллин Р.Ф. Раскоп XI 1997 года // оп. 1, ед. хр. 590.
- ²⁵ Материалы по истории Татарской АССР ... с. 11.
- ²⁶ Археологические открытия в Татарстане: 2001 год ... с. 8-11.
- ²⁷ Бульгин А. Типология монета из клада, обнаруженного в 2000 году на территории Казанского кремля // Великий волжский путь. Казань, 2001. С. 312-316; Мухаметшин Д., Ситдииков А. Клад монет, зарытый в 1552 году в Казанском кремле (предварительное сообщение) // Великий волжский путь. Казань, 2001. С. 308-311.
- ²⁸ Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные работы на территории бывшего Хан-

- ского двора (раскоп XLVIII) // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2002. С. 21-26.
- ²⁹ Хузин Ф.Ш. Исследования у Воскресенской башни. Раскоп IV // оп. 1, ед. хр. 432.; Хузин Ф.Ш. Археологическое изучение каменных сооружений средневековой Казани // Древности московской земли. Проблемы современной археологии. М., 2001. С. 20-22.
- ³⁰ Археологические открытия в Татарстане: 2001 год ... с. 20-23.
- ³¹ Археологические открытия в Татарстане: 2001 год ... с. 27-29.
- ³² Старостин П.Н. Итоги исследований у Северо-Восточной башни Казанского кремля (раскоп XXXVI) // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2002. С. 14-17.
- ³³ Материалы по истории Татарской АССР ... с. 12.
- ³⁴ Бороздин И.Н. Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановой церкви // МОРПП. 1929. Т. III. С. 37-40.
- ³⁵ Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. ... с. 245.
- ³⁶ Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995. – с.29-32; Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская Археология, 1999. № 1-2. – с.80-88; Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения / Отв. ред. С.А.Плетнева. М.: Наука, 1984 – с.225.
- ³⁷ Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища ... с.29-32; Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара ... с.80-88; Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии ... с.225.
- ³⁸ Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара ... с.80-88.
- ³⁹ Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV – XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. – С. 58.
- ⁴⁰ Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища ... с.29-32; Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара ... с.80-88; Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии ... с.225.
- ⁴¹ Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара ... С.77-102; Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // Татарская Археология, 1999. № 1-2. С.103-134.
- ⁴² Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища ... с.29-32.
- ⁴³ Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. ... с.135.
- ⁴⁴ Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1975 г. ... 9.
- ⁴⁵ Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара ... С.85.
- ⁴⁶ Шавохин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле // АО – 1975 года. М., 1976. с.207-208.
- ⁴⁷ Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С.89-131. – с.96, 105, 118.
- ⁴⁸ Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 1. Казань: Таткнигоиздат, 1955. – с.120.
- ⁴⁹ Халиков А.Х. Отчет о работах в Казанском кремле в 1977 г. // Р-1 № 6643. – с.65; Халиков А. Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле (по материалам раскопок 1977 года) // МКК. 1997. – с.27.
- ⁵⁰ Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп I, в Артиллерийском дворе ... с.29-31.
- ⁵¹ Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Известия КФАН

- СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 1. Казань: Таткнигоиздат, 1955. – с.135.
- ⁵² Калинин Н.Ф. Археология Казанского кремля за 30 лет Советской власти. Доклад на краеведческой конференции 34 октября 1949г. //Ф.8, оп.1, ед.хр.298. л.11; Марджани Ш. Очерк истории Болгарского и Казанского царства; Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С. 111-138.
- ⁵³ Халиков А. Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле ... рис.12.
- ⁵⁴ Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. ... с. 222.
- ⁵⁵ Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища ... с.84.
- ⁵⁶ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие ...
- ⁵⁷ Хузин Ф.Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. М.: Наука, 1985. – с. 211, рис. LXXI, 3.
- ⁵⁸ Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. – с.58-59.
- ⁵⁹ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого// МИА, 1959. № 65. – с.108-110.
- ⁶⁰ Артемьев А.Р. Города Псковской земли XIII – XV вв. Владивосток, 1998. – с.82.
- ⁶¹ Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология ... с.63-64.
- ⁶² Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого ... с.92-93 (тип 3 по Б.А.Колчину); Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология ... с.79, рис.32, 1.
- ⁶³ Халиков А. Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле ... с.29.
- ⁶⁴ Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году ... с.135-139.
- ⁶⁵ Шавахин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1972 г. // Р-1 № 4797. – с.19; Шавахин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1973 г. // Р-1 № 5099. 52 л. – с.67.
- ⁶⁶ Халиков А.Х. Археологические наблюдения на предбулачной части посада Казани XV-XVI веков // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 116-118.
- ⁶⁷ Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991. – с.70-73.
- ⁶⁸ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X-XV вв. М., 1981. – с.155.
- ⁶⁹ Халиков А. Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле ... рис.6-8.
- ⁷⁰ Калинин Н.Ф. Археология Казанского кремля за 30 лет Советской власти ... л. 3-11.
- ⁷¹ Хузин Ф.Ш. Новые открытия в Казанском Кремле ... с. 133.
- ⁷² Мухаметшин Д., Ситдииков А. Клад монет, зарытый в 1552 году в Казанском кремле (предварительное сообщение) // Великий волжский путь. Казань, 2001. С. 308-311.
- ⁷³ ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897. с. 85.
- ⁷⁴ Булыгин А. Типология монета из клада, обнаруженного в 2000 году на территории Казанского кремля // Великий волжский путь. Казань, 2001. – с. 312-316.
- ⁷⁵ Асылгараева Г.Ш. Морфологические особенности костей домашних сельскохозяйственных животных (по материалам археологических раскопок Казанского кремля). Автореф. дисс. ... канд. ветеринарных наук. Казань, 2003. 23 с.
- ⁷⁶ Николаева К., Кашапова Г. Спорово-пальцевой анализ образцов из раскопов Казанского Кремля (к датировке культурного слоя средневекового города) // СКВР. 2000. С.68-71.

Рис. 1. План археологической изученности Казанского Кремля.

Экспликация к плану археологической изученности Казанского Кремля.

- 1-Находки архитектурных деталей 60-х годов XIX в.
- 2-Клад русских монет 1861 г.
- 3-Клад монет 1878 г.
- 4-Обломок надгробного камня, найденный в 1935 г.
- 5-Шурфы за Благовещенским собором 1928-1929 гг.
- 6-Шурфы в саду Совмина 1928 г.
- 7-Шурфы у башни Сююмбеки 1929 г.
- 8-Шурф у бывшей Дворцовой церкви 1929 г.
- 9-Шурф у церкви Киприана и Устиньи 1928 г.
- 10-Раскоп 1935 г. 1954 г.
- 11-Траншея 1947 г.
- 12-Траншея 1948 г.
- 13-Наблюдения у Спасской башни.
- 14-Траншея 1925 г.
- 15-Траншея 1948 г.
- 16-Раскоп №1 1953 г.
- 17-Раскоп №2 1953 г.
- 18-Раскоп № 1. 1954 г.
- 19-Раскоп 1954 г. Тайницкая башня.
- 20-Шурф №1 1970 г.
- 21-Шурф №2 1970 г.
- 22-Раскоп №1 1971 г.
- 23-Раскоп №2 1971 г.
- 24-Раскоп №3 1971 г.
- 25-Раскоп №4 1971 г.
- 26-Раскоп №1 1972 г.
- 27-Раскоп №2 1972 г.
- 28-Раскоп №3 1972 г.
- 29-Раскоп №1 1973 г.
- 30-Раскоп №1 1974г.
- 31-Раскоп №2 1974г.
- 32-Шурф №1 1974г.
- 33-Шурф №2 1974г.
- 34-Шурф №3 1974г.
- 35-Шурф №4 1974г.
- 36-Раскоп №1 1975г.
- 37-Шурф №1 1975г.
- 38-Шурф №2 1975г.
- 39-Шурф №3 1975 г.
- 40-Шурф №4 1975 г.
- 41-Раскоп №1 1976 г.
- 42-Раскоп №2 1976 г.
- 43-Шурф №1 1976 г.
- 44-Шурф №2 1976 г.
- 45-Шурф №3 1976 г.
- 46-Шурф №4 1976 г.
- 47-Раскоп №1 1977 г.
- 48-Раскоп №2 1977 г.
- 49-Раскоп №3 1977 г.
- 50-Раскоп №4 1977 г.
- 51-Раскоп №5 1977 г.
- 52-Шурф №1 1977 г.
- 53-Шурф №2 1977 г.
- 54-Раскоп №1 1978 г.
- 55-Раскоп №2 1978 г.
- 56-Раскоп №3 1978-1979 гг.
- 57-Шурф №1 1978 г.
- 58-Шурф №2 1978 г.
- 59-Шурф №3 1978 г.
- 60-Котлован под кафе 1976 г.
- 61-Шурф 1, 2 1993 г.
- 62-Раскоп №1 1994-1995 гг.
- 63-Раскоп №2 1994-97 г.
- 64-Раскоп №3 1995 г.
- 65-Раскоп №4 1995-1996 гг.
- 66-Раскоп №5 1995 г.
- 67-Траншея 1996 г.
- 68-Раскоп №6 1996 г.
- 69-Раскоп №7 1996 г.
- 70-Раскоп №8 1995 г.
- 71-Раскоп №9 1997 г.
- 72-Раскоп №10 1997-1998 гг.
- 73-Раскоп №11 1999 г.
- 74-Шурф 1995г. в казармах Юнкерского училища.
- 75-Наблюдения котлована столовой.
- 76-Раскоп №12 1997 г.
- 77-Раскоп №13 1997-1998 гг.
- 78-Раскоп №14 1997 г.
- 79-Раскоп №15 1997-1998г.г.
- 80-Раскоп №16 1998г.
- 81-Раскоп №17А 1998г.
- 82-Раскоп №17Б 1998г.
- 83-Раскоп №18 1998 г.
- 84-Раскоп №19 1998 г.
- 85-Раскоп №20 1998 г.
- 86-Раскоп №21 1998 г.
- 87-Раскоп №22 1998 г.
- 88-Наблюдения за водопроводной траншеей
- 89- Раскоп № 24. 1999 г.
- 90-Раскоп № 31. 1999 г.
- 91-Раскоп № 30. 1999 г.
- 92-Раскоп № 33. 2000 г.
- 93-Раскоп № 34. 2000 г.
- 94-Раскоп № 35. 2000,2003 г.
- 95-Раскоп № 36. 2000-2001г.
- 96-Раскоп № 40. 2001 г.
- 97-Раскоп № 41. 2001 г.
- 98-Раскоп № 42. 2001 г.
- 99-Раскоп № 43. 2001 г.
- 100-Раскоп № 43А-В. 2001 г.
- 101-Раскоп № 45. 2001 г.
- 102-Раскоп № 46. 2001 г.
- 103-Раскоп № 47. 2001 г.
- 104-Раскоп № 48. 2001 г.
- 105-Раскоп № 49. 2001 г.
- 106-Раскоп № 50. 2001 г.
- 107-Раскоп № 51. 2001-2002 г.
- 108-Раскоп № 42. 2002 г.
- 109-Раскоп № 53. 2004 г.
- 110-Раскоп № 54. 2004 г.
- 111-Раскоп № 55. 2003 г.
- 112-Раскоп № 56. 2003 г.
- 113- Раскоп № 57. 2003 г.
- 114-Раскоп № 58. 2003 г.
- 115-Раскоп № 59. 2003.г.

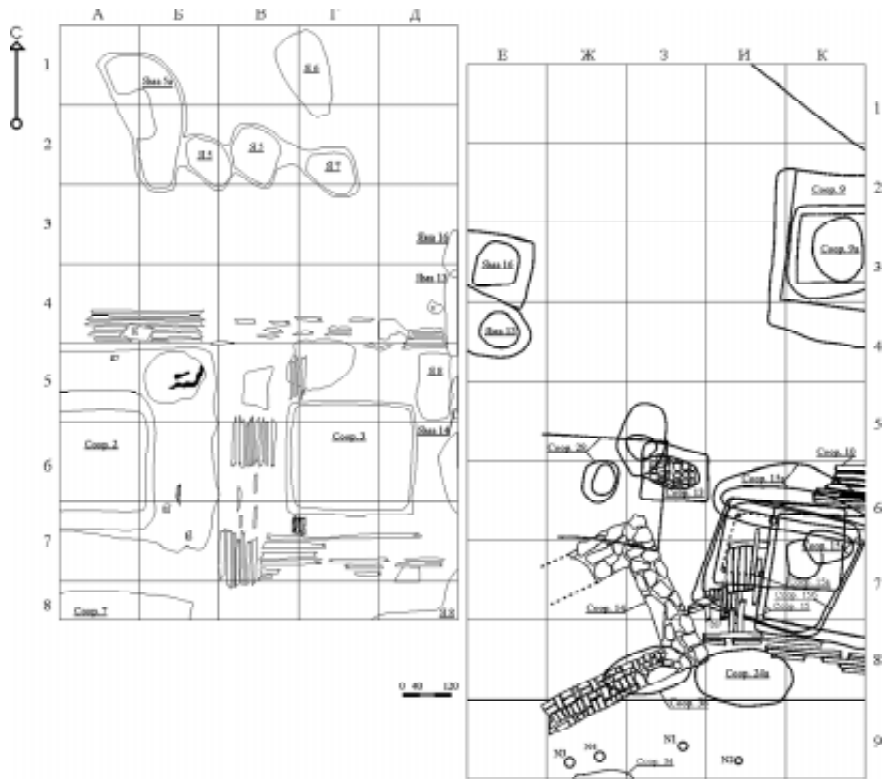

Рис. 2. Раскоп I. 1994-1995 гг. Общий план объектов III слоя.

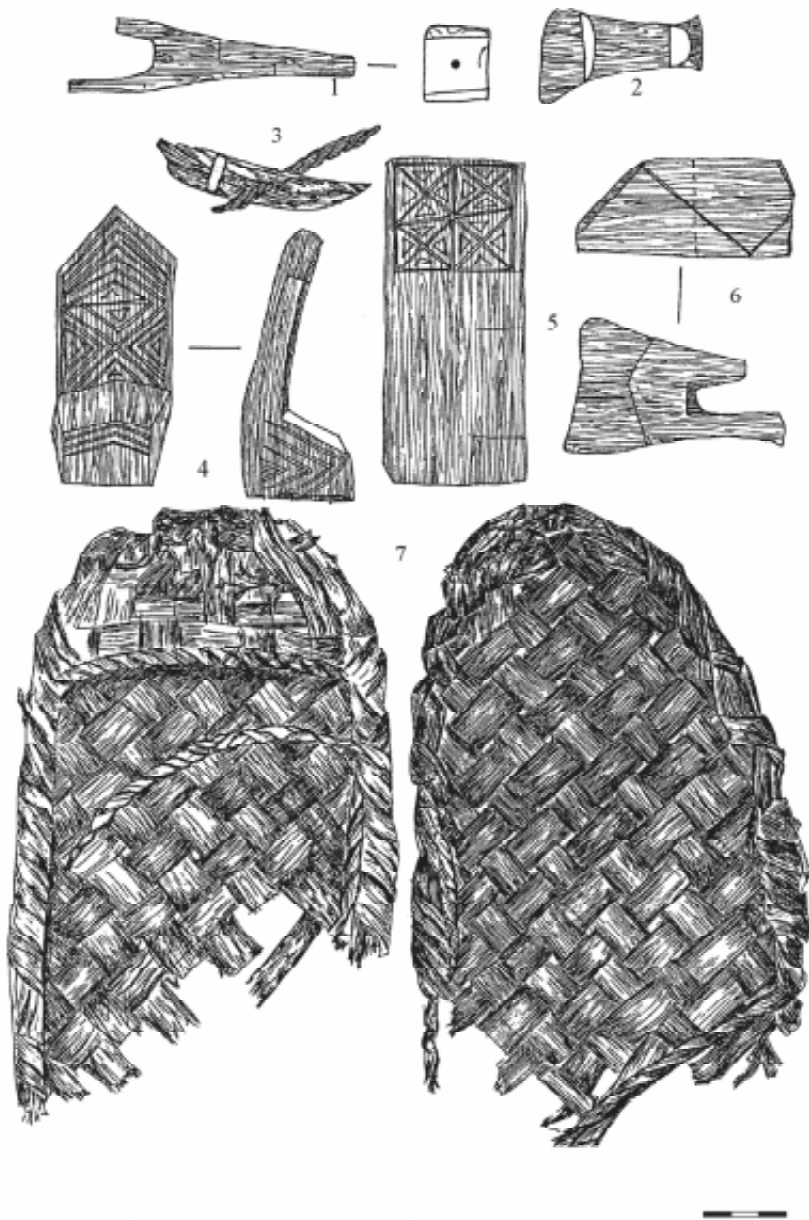

Рис. 4. Раскоп IX. 1997 г. Изделия из дерева из сооружения 16 (III слоя, выб. 4-5).

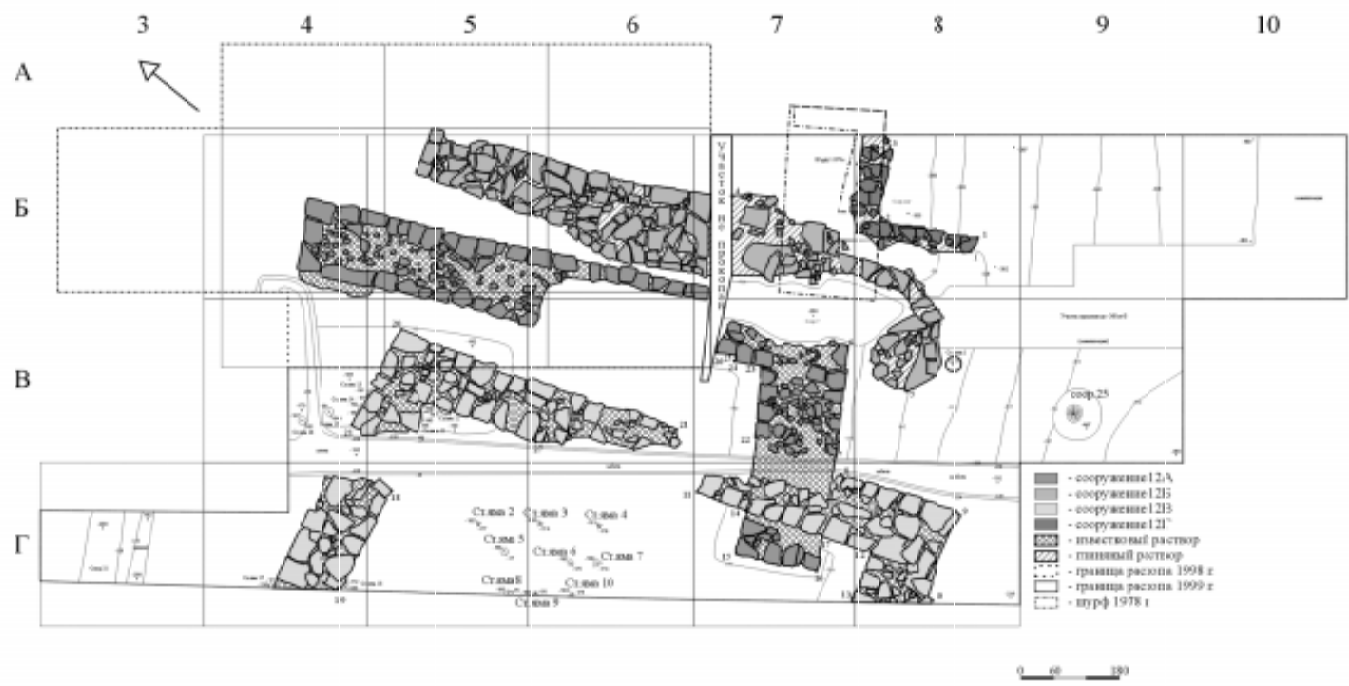

Рис. 5. Раскоп XX. 1999-2000 гг. Общий план.

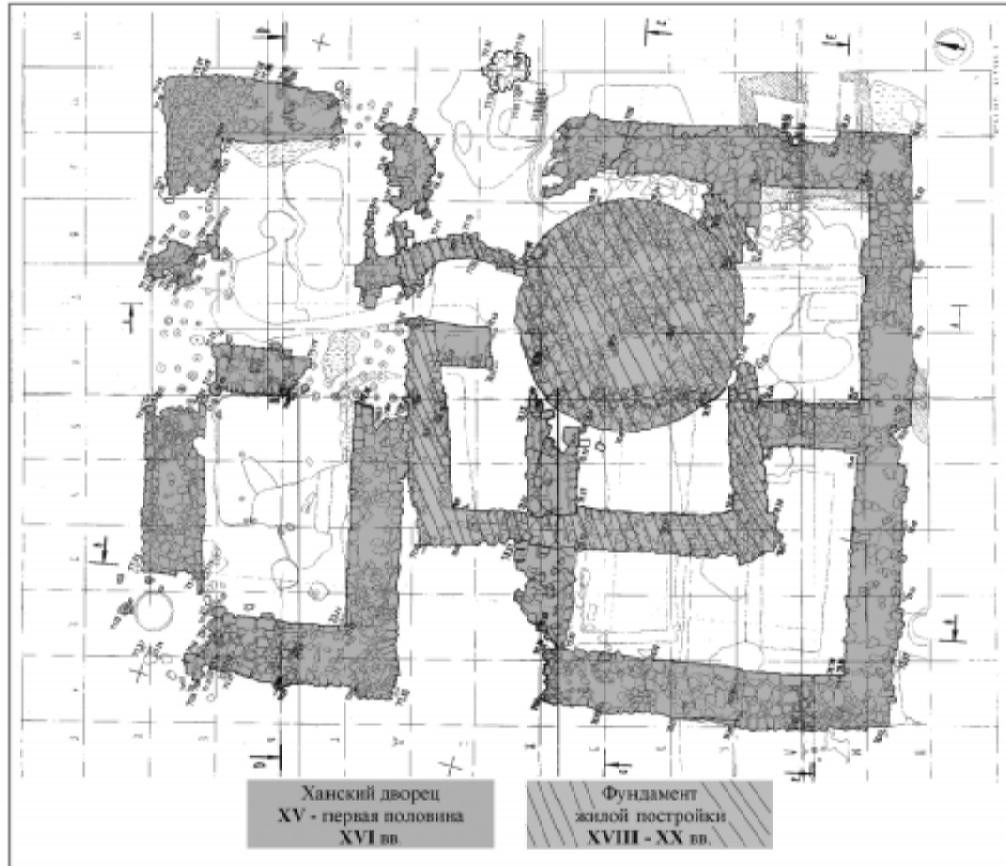

Рис. 6. План раскопа XLVIII. 2001 г. Ханский дворец.

Рис. 7. Раскоп VII. 1996 г. Каменные ядра из слоя пожара 1552 г.

Рис. 8. Раскоп XI. 1997 г. Сооружение 3. Кумган с зеленой поливой эпохи Казанского ханства.

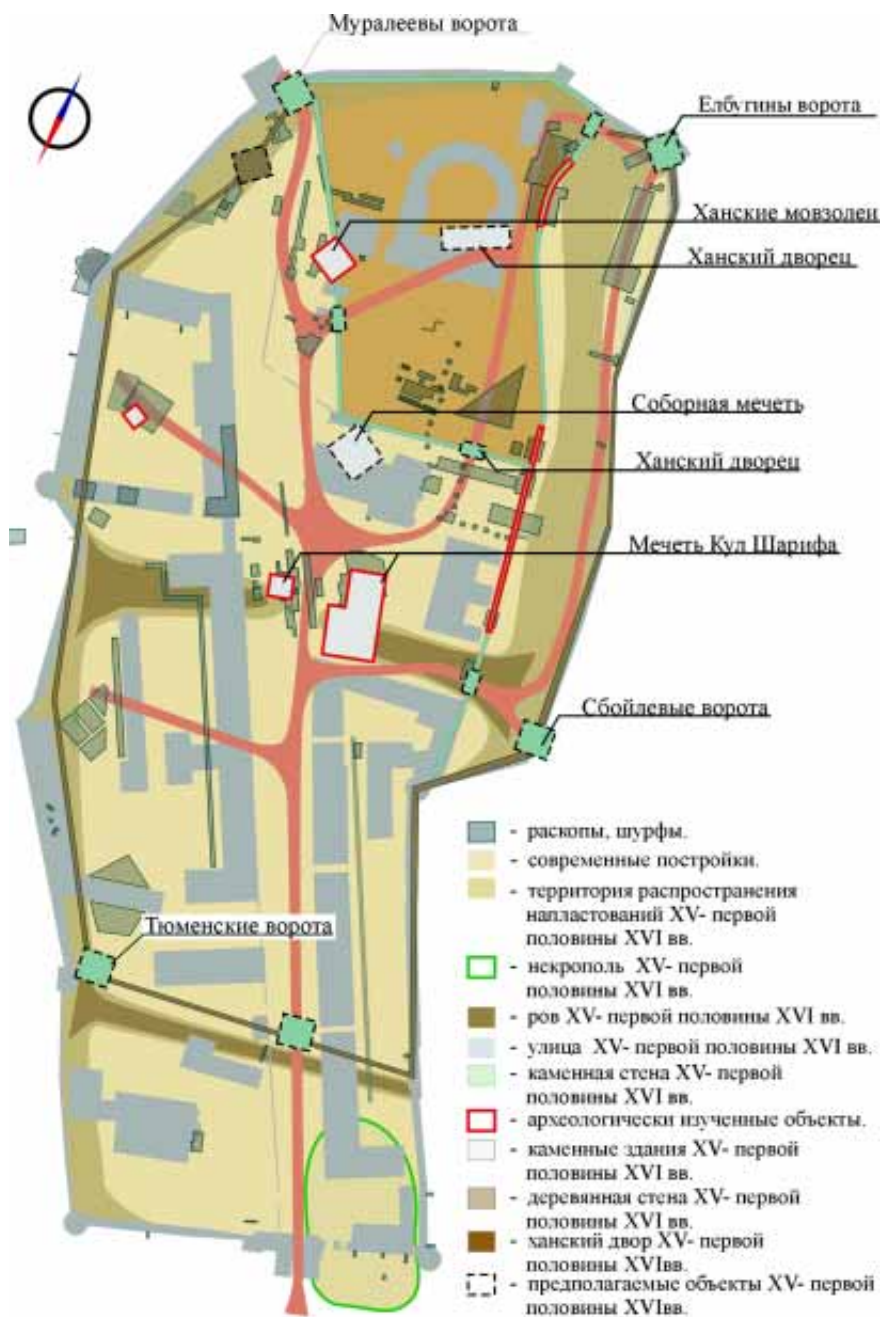

Рис. 9. Карта отложения культурных напластований и объектов XV – первой половины XVI вв. на территории Казанского Кремля.

Андрей Старков
**Деревянная застройка Казанского кремля XVI в.
(по материалам раскопа LIA)**

Изучение жилой и хозяйственной застройки средневековых поселений в археологии является одним из важных направлений, позволяющих проследить планиграфию поселения, его материальную культуру, динамику развития, своеобразие жилых и хозяйственных построек и др. Принимая во внимание, что в нашем регионе основным строительным материалом было дерево, подвергающееся со временем полному естественному разрушению, то в раскопах и анализе построек приходится мало рассчитывать на целые сохранившиеся конструкции. В редких случаях, благодаря большей влажности грунта, удается выявить сохранившиеся деревянные конструкции.

В последние годы в результате широкомасштабных археологических раскопок на территории Казанского кремля были выявлены многочисленные деревянные постройки. В ходе раскопок в 2002, 2004-х гг., с юго-восточной стороны мечети Кул Шариф, были обнаружены в засыпи углубления ложбины остатки деревянных срубов XVI в. Их изучение предоставило новые материалы о плохо изученном периоде в истории города.

Исследование подобных объектов требует привлечение письменных и археологических источников. В условиях крупного города с многовековой историей, такого как Казань, возможность выявления и изучения подобных объектов представляется уникальным. Это связано с тем, что с момента своего возникновения города деревянная застройка менялась и постепенно отступала из центральной части города, на смену которой приходила каменная и кирпичная застройка. Утрата своеобразной деревянной Казани происходило не только из-за общеисторических, урбанизационных процессов, но и частых пожаров, бичом всех средневековых городов.

Особенно сложно изучение ранних периодов топографии города его ранних этапов развития, что связано как со скудностью письменных источников, так и недостаточностью археологических исследований. В результате подобных исследований в 1990-х и 2000-х гг., появились новые материалы по средневековой истории города, особенно периода Казанского ханства.

Небольшое количество письменных источников ханского времени, связанных с русским летописанием, содержит лишь фрагментарные и общие описания структуры города. Оригинальных татарских источников, характеризующих ханскую Казань, к сожалению, пока неизвестно. Из дошедших до нас документов особое место занимает Писцовая книга 1565-1568 гг. Она содержит в себе сведения о дворовых постройках, часть которых продолжала существовать еще с ханского времени. Практичес-

ки для всех дворов сочетание дворовых строений идентично, в него входили жилая изба (горница, повалуши, сенники) на подклети, т.е. нижний этаж близкий современному подвалу, различного рода погребов и ледники, конюшни и чуланы. В писцовой книге при указании размеров постройки очень часто говорится, к примеру: «комната 3-ех саж меж углов», это может быть говорить о том, что дом был рублен в обло с остатком¹.

Археологические источники дают нередко воочию представить своеобразие деревянной застройки Казани XVI в. Но и археологические исследования не могут дать ответы на все вопросы. При раскопках встречаются много различных хозяйственных сооружений, но «хорошо» сохранившиеся деревянные постройки довольно редки.

Дворовые постройки в археологических раскопах представлены остатками срубов, дворовых настилов (особенно часто они встречаются в раскопах у подножия холма, ложбинах там, где они засыпались и не только естественным путем), хозяйственных ям различной формы и назначения. Часто в раскопах встречаются остатки печей. Так в раскопе XVII 1998 г. были выявлены две печи (140 x 138 см, 122 x 122 см), в виде пятен прокаленной глины. Постройки, в которых располагались печи, носили хозяйственное назначение². К сожалению, по объективным причинам, на территории кремля невозможно исследовать усадебную застройку.

Данные археологических раскопов показывают и о преемственности расположения построек. Так, зачастую под постройкой, датируемой русским временем, находится сооружение периода Казанского ханства. Например, в раскопе I-1972 г. у подножия кремлевского холма на одних и тех же участках фиксировались остатки 6 деревянных срубов. Четыре из шести были датированы II слоем (вторая половина XVI-XVIII вв.), а два оставшихся ханским временем³.

Исследователи отмечают, что застройка в кремле в раннерусское время была относительно плотной, но не достигала уровня периода Казанского ханства⁴. Иногда выявленные постройки имеют два периода своего существования, т.е. ее строительный горизонт и начальный период их существования относится к периоду до взятия Казани, а последующее их функционирование связано с периодом после 1552 г. Особенно часто это наблюдается у жилых построек и в хозяйственных ямах, имеющих несколько уровней засыпки.

Деревянная застройка продолжала сохраняться в кремле до конца XVII в., как это следует из кратких записей упоминаемых авторами XIX века и собранных И.П. Ермолаевым в единый сборник⁵. В большинстве случаев нам не известно полное содержание упоминаемых грамот. Так в 1656 г. сохраняется размещение Государева двора, тюрем и «митрополич» конюшенного двора⁶. Под 1663 г. упоминается грамота царя Алексея Михайловича, по которой «не велено в Казани в каменном

городе у соборных попов и у домовых детей боярских ломать дворов»⁷. А за 1690 г. у Никанора упоминается грамота Казанскому Спасо-Преображенскому монастырю об освобождении монастырских крестьян от привлечения «на поделку воеводских дворов и на всякое строение и на наем водоливов»⁸. Дворы в кремле начинают исчезать на рубеже XVII-XVIII вв., когда в нем возникает новый период крупного каменного строительства: строятся Пушечный двор, Консисто́рия и т.д.

Как уже было сказано выше, в раскопе ЛИА (2002, 2004 гг.) были выявлены остатки разновременных бревенчатых надворных построек (сооружения №2 и 3) (рис. 1). При их исследовании возникла возможность проследить динамику развития застройки небольшого участка средневековой Казани.

Сооружение №2 (рис. 2, 3) представляло собой сруб 340 x 340 см. Сруб был рублен в обло из дубовых (?) бревен диаметром 15–20 см. Максимальная сохранность сруба составляло 5 венцов в юго-восточном углу постройки. Со стороны южного фасада сооружения по центру фиксировались остатки дверного проема шириной 75 см, проем был устроен на уровне 3 венца сруба. Под венцами, где был организован дверной проем, зафиксирован ряд деревянных кольшков диаметром до 10 см.

В северо-западном углу были обнаружены остатки печи. Печь была сооружена на деревянном основании 110 x 120 см, устроенного из лаг и положенных на них досок и бревнышек диаметром 8 см. Это основание было обмазано глиной, на которую были уложены кирпичи 25 x 14 x 6 см. Основание печи располагалась на высоте 10 см от пола. Глиной также была обмазана внутренняя сторона бревен сруба, где располагалась печь. Пол постройки был устроен из горбылей шириной до 20 см, уложенных на лаги шириной 12 см. Под основанием печи пол устроен не был. На уровне входа в постройку по площади раскопа фиксировалось большое количество щепы и веток, возможно, так был «вымощен» двор.

Находки из постройки представляют собой фрагменты большого количества белоглиняной керамики, а также серой татарско-русской керамики, целый кувшин, деревянный ковш, ножи, изделия из кожи. Время прекращения функционирования сооружения можно датировать началом XVII в.

С южной стороны сруба была выявлена постройка (сооружение №4), которая представляла собой деревянную стенку из бревен диаметром до 20 см, ориентированную по линии восток-запад длиной 620 см и уходящую в западную стенку раскопа.

Максимально она сохранилась на высоту 5 рядов. В восточном конце стенки, с ее южной стороны, была устроена прямоугольная конструкция 170 x 100 см из бревен, досок и известняковых камней (возможно, вход во двор). Конструкция в плане состояла из 3 параллельно расположенных бревен и ряда неотесанных известняковых камней.

Бревенчатая стенка была укреплена вертикальными кольшками с северной стороны и короткими бревнышками и горбылями рубленных в обло, расположенными с южной стороны. Вероятно, стенка устроена для предохранения от подтопления жилой хозяйственной постройки расположенной в центре ложбины.

Сооружение №2 своим южным фасадом практически совпадало с южной стенкой сооружения №3, которое располагалось под постройкой. Строители сруба №2 использовали постройку №3 как некий фундамент.

Конструкция постройки №3 (рис. 2-5) состояла из сруба 380 x 380 см. Сруб был рублен в обло из бревен диаметром до 10 см. Максимально сруб сохранился на 15 венцов по западному фасаду постройки. В южном фасаде сруба по центру стены за рядом устроенных кольшков были зафиксированы остатки дверного проема, проем был устроен на уровне 5-го венца сруба, под входом в постройку №2. Сооружение №3 имело следы устройства котлована 420 x 420 см.

При прокопке внутреннего заполнения нижнего сруба были обнаружены довольно многочисленные находки из дерева: туески, тарелки-блюда; следует особо отметить, что фрагментов керамической посуды, представленной только красноглиняной керамикой эпохи Казанского ханства, было найдено очень мало.

Вдоль внутренней стороны восточной стенки сруба фиксировались остатки деревянной мебели. Она представляла собой вбитые в землю столбы с пазами, в которые вставлялись обточенные довольно широкие доски. Эти конструкции в момент прекращения функционирования постройки завалились внутрь сруба с рухнувшими вместе с ними домашней утварью. В постройке не обнаружены остатки печи, также не были найдены остатки пола, который вероятно, был земляной.

В восточном углу сруба, под завалившимися обугленными бревнами, опиравшихся на стенку, был обнаружен костяк младенца. Чуть западней младенца под рухнувшими досками был обнаружен костяк взрослого человека. Он располагался на спине, левая рука лежала в области таза, правая откинута. Ноги костяка были согнуты в коленях и опирались на восточную и южную стенку сруба. По-видимому, человек погиб при попытке спасти ребенка, когда на него рухнули верхние части постройки.

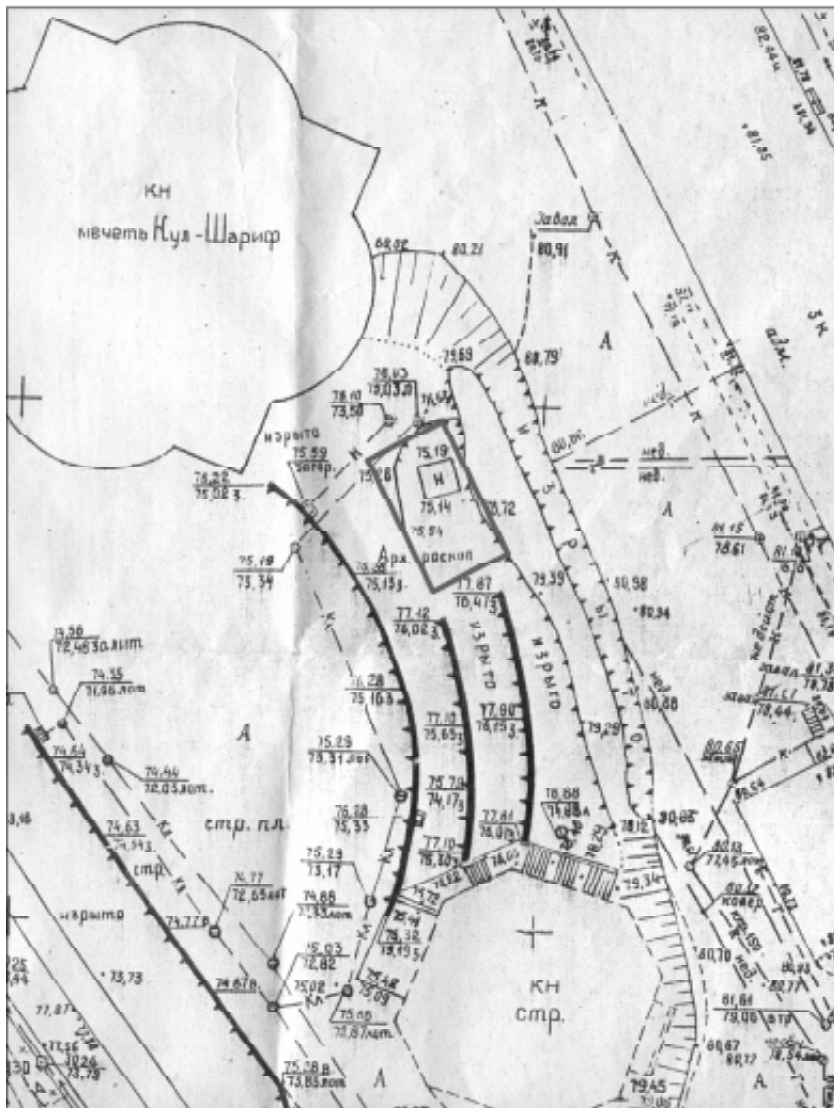
Время существования здания постройки, по выявленным находкам и стратиграфии, относится ко второй четверти XVI в. Прекращение функционирования этой постройки связано с пожаром, о чем свидетельствуют обугленные верхние венцы сруба (особенно вдоль восточной стенки, где располагалась домашняя утварь). Вероятно, пожар является следствием осады города в 1552 г., а выявленные останки людей связаны с погибшими жителями города.

Обнаруженные в ходе археологических раскопок объекты в раскопе LI A дают возможность исследовать один из наиболее мало изученных

проблем ханской и раннерусской Казани середины XVI в. Полученный нами материал дает представление о материальной культуре жителей ханского времени и приемах обработки дерева и его использовании. Прослеживается также преемственный характер освоения территории кремля после 1552 г. В целом собранный материал послужит для более подробного изучения как самих объектов, так и проблем средневековой Казани середины XVI в.

Примечания

- ¹ Калинин Н.Ф. О русском крестьянском зодчестве. – Казань, 1925. С. 99.
- ² Старков А.С. Исследования на территории Казанского Кремля в 1998 г. (во дворе Юнкерского училища) // XXXI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (УПАСК). Тезисы докладов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. С. 91-93.
- ³ Шавахин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1972 г. // Архив ОПИ ИА РАН. Р-1 №4797. л.15-20.
- ⁴ Ситдинов А.Г. Стратиграфия, хронология и топография Казанского Кремля (XI-XVII вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Казань, 2000. На правах рукописи // Личный архив автора. С.194.
- ⁵ Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI-XVII вв. (Хронологический перечень документов). – Казань: Изд-во КГУ, 1980. 262 с.
- ⁶ Малов Е. Древние грамоты и разные документы. (Материалы для истории Казанской епархии). Собранные протоиереем Ефимием Маловым. – Казань: Тип.-лит. Имп. Ун-та, 1902. №6. С.18
- ⁷ Покровский И. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое и экономическое исследование. (В память 350-летия существования Казанской епархии 1555-1905 гг.). – Казань.:Центр.Тип. 1906. С. 31.
- ⁸ Никанор. Казанский сборник статей архиепископа Никанора. Казань. 1909. №7. С. 356.

□ - границы раскопа

0 5 15 м

Рис. 1. Ситуационный план раскопа LIA.

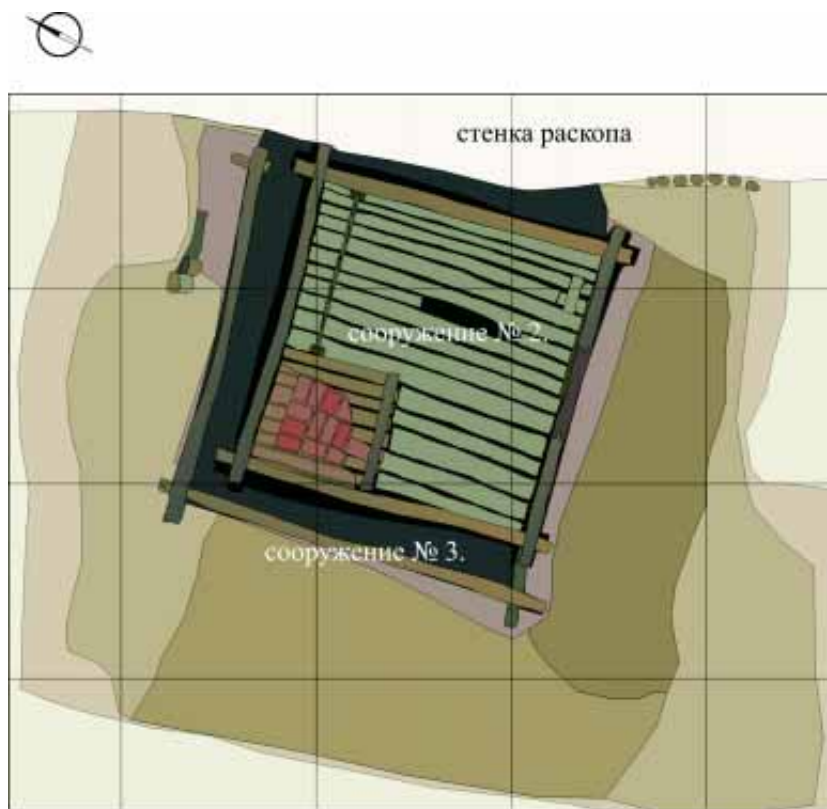

Рис. 2. План сооружения № 2.

0 1 м

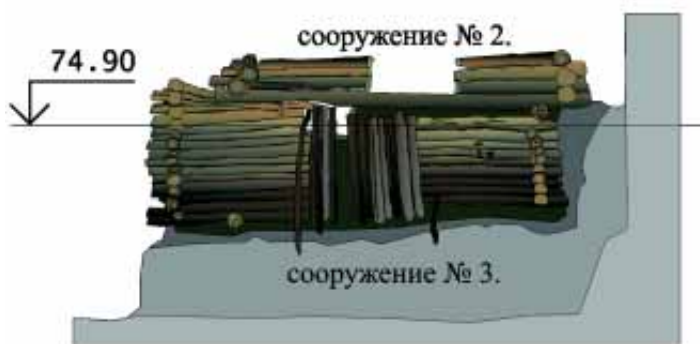

Рис. 3. Южный фасад сооружений № 2, 3.

0 1 м

Рис. 4. Общий вид с юга сооружения № 3.

Рис. 5. Общий вид с востока сооружения № 3.

Гарун Юсупов
**Эпиграфические памятники
Атнинского района Республики Татарстан***

Введение

Данная статья извлечена из работы крупного татарского эпиграфиста середины XX в. Гаруна Валиевича Юсупова (1914-1968) «Отчет об исследовании эпиграфических памятников в северо-западных районах Татарской АССР в 1959 году». Название отчета теперь несколько устарело, так как Тукаевский район был упразднен в 1959 г. и позже был учрежден Атнинский р-н, куда вошли и селения, упомянутые в статье.

Данный материал хранится среди его архивных материалов в Хранилище древних рукописей и личных фондов Института языка, литературы и искусства им. Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г.Казань). Шифр источника: Фонд №72. – Опись №1. – Ед.хр. №295. – Листы №40-57.

В Атнинском районе ученым обследовано 10 мусульманских татарских кладбищ девяти деревень. Было выявлено более 30 эпитафийных памятников XIV, XVI-XVIII вв. (Г.В.Юсупов не включил сведения об эпитафиях Старо Менгерского старинного, заброшенного кладбища. Поэтому мы не могли определить количество обследованных памятников у Ст.Менгера).

Большинство памятников (24 единицы) из Атнинского района датируются первой половиной XVI в. Лишь один памятник условно можно отнести к XIV в. XVII в. представлен двумя памятниками и один памятник концом XVIII в.

Из представленных 27 памятников ученым позже были опубликованы лишь два в его монографическом труде, изданном в 1960 г. (в выявленных на кладбище с.Верхн.Береске (памятник 1785 г.) и с.Ниж.Береске (памятник Ай-Бикача, умершей в 1539/40г.)).

Значение найденных и опубликованных Г.В.Юсуповым эпитафийных текстов в данной статье для исследователей татарской истории и культуры весьма ценно. Они являются не только историческими источниками, но и так же значимыми по части истории литературы, языка и культуры.

* * *

С.Ст.Кишит

В центре села в оградке надгробный памятник (130x60x15) расколотый на 3 части с рельефной арабско-татарской надписью (сульс) и резным орнаментом на бордюре и в верхней части. Начало надписи почти не сохранилось.

* Автор Введения и Примечаний – Марсель Ахметзянов, доктор филологических наук.

- (1) قال [الله...] و ماتهرى
 (2) سبجانه.....
(3)
 (4) قال النبى [عليه السلام الدنيا مزرعة...] لآخرة
 (5) تاريخ منكدآ اوتوز يتى دا
 (6) مبارك ريع الاول ايندا
 (7) جان صارى او على اق صارى
 (8) دار الفنادين دار البقاعا
 (9) رحلت قيلدى الله.....

- 1) сказал (бог) ... и не знает
 2) ... преблагой
 3) ...
 4) сказал пророк (да будет мир над ним, мир есть пашня конечной жизни);
 5) по летоисчислению в тысяча тридцать седьмом
 6) в благословенный месяц раби-1
 7) Ак-Сары сын Джан-Сари
 8) Из мира тленного в мир вечности
 9) переселился бог...

Дата памятника 1627 г.¹

Надгробия, находящиеся на старом кладбище села (в 1 км к северу от села)²:

Камень №1 (150x50x20) известняковая плита с полукруглым верхом, отколотым с одного края. Лицевая сторона камня сильно выветрилась, поэтому от надписи осталось очень немного и отрывочное. Однако эти оставшиеся дают возможность определить как болгарскую*.

-(1)
 لا (2)
 حاو.....(3)
 رح حساب حو.....(4)
(5)
 رحمه الله عليه رحمه وا (6)
 سعه (7)
(8)

- 1) ...
 2) ...

* Г.В.Юсупов. Булгарские эпиграфические памятники найденные летом. 1947 г. // Эпиграфика Востока, М.; Л., IV, 1951 г., стр.75.

- 3)
- 4) ... по летоисчислению в семьсот
- 5) ...
- 6) да будет милость бога, милостью об-
- 7) ширного...
- 8) ...

Обрывки слов даты дают основание отнести памятник к XIV в.

Камень №2 (150x45x17) с типичным для XVI оформлением рельефной надписью и резным орнаментом. Местами надпись отколота. Однако по уцелевшим элементам типологии можно смело датировать надгробие I пол. XVI в.

- (1) قال الله تبارك و تعالی
- (2) كل من عليها فان و يبقى وجه
- (3) ربك ذو الجلال [و الاكرام]
-(4)
-(5)
-(6)

- 1) Сказал бог преславный и всевышний:
- 2) Все, что на ней (на земле) – бременно, и останется вечно (лишь) лицо
- 3) господя твоего, обладателя величия (и почтения)
- 4) ...
- 5) ...
- 6) ...

Камень №3 (100x45x17) с целиком отбитой надписью. На обратной стороне штамп:

- (1) بولوح
- (2) نى والده
- (3) سى
- (4) بيكا
- (5) بنا قىلدى

- 1) этот памятник
- 2) жена
- 3) его...
- 4) Бикэ...
- 5) воздвигла

По некоторым элементам типологии памятник датируется I половиной XVI в.

Камень №4 (140x50x23) с целиком выветрившийся надписью. Датируется тем же временем I пол. XVI в.

Камень №5 (130x50). Надпись уцелела только на боках.

(1) قال النبي عليه السلام الدنيا مزرعة الاحرة

Сказал пророк, да будет мир над ним, мир есть пашня конечной жизни. Датируется по типологии I пол. XVI в.

Кроме того одно надгробие (85x50x18) типа только что описанных, имеется в 1 км к югу от с.Ст.Кишит на поле по правую сторону от дороги в с.Бахтияр. Надпись уцелела только на боковых сторонах. Его тоже можно отнести к I пол. XVI в.

Памятники Агнинского р-на с.Верхн. (Большая) Серда.

К северо-востоку от села за речкой старое кладбище с шестью надгробными камнями с очень плохой сохранности надписями.

Камень №1 (140x50x21) находится наполовину в земле, с рельефной надписью и резным орнаментом.

(1) قال الله تبارك و تعالی
 (2) كل من عليها و يبقى وجه
 (3)
 (4)

- 1) сказал бог прославный и всевышний,
- 2) все, что на ней (на земле) – бrenно, и останется вечно (лишь) лицо
- 3) ...
- 4) ...

По элементам типологии и палеографии камень датируется I пол. XVI в.

Камень №2 (105x40x16) с типичным для I пол. XVI в. оформлением.

(1) قال الله تبارك و تعالی
 (2) كل من عليها فن و يبقى وجه
 (3) ربك ذو الجلال و الاكرام
 (4) تاريخ توقوز يوز [قرق] اوچدا
 (5) مشاجز اوعلی مير حسن
 (6) دار البقاعا رحلت قیلدی

- 1) Сказал бог преславный и всевышний:
 - 2) все, что на ней (на земле) – брэнно, и останется (лишь) лицо
 - 3) господа, обладателя величия и почтения
 - 4) По летоисчислению в девятьсот (сорок) третьем
 - 5) Мушаджиза сын Мир-Хасан
 - 6) в мир вечности переселился
- Дата памятника 1536-1537 гг.

Камень №3 (100x55x20) с типичным для надгробий I пол. XVI в. оформлением и отбитой наполовину надписью.

- 1) قال الله تبارك [ك].....
- 2) كل من عليها و.....
- 3) ربك ذو الجلال و.....
- 4) تاريخ توقوز يوز
- 5)

- 1) Сказал бог преславный...
 - 2) все, что на ней...
 - 3) господа твоего обладателя величия и ...,
 - 4) по летоисчислению в девятьсот...
 - 5) ...
- Дата памятника, по типологии, I пол. XVI в.
На боковых сторонах надписи изречения

- 1) قال النبي عليه السلام الدنيا مزرعة الاحرة
- 2) قال النبي عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة

(Сказал пророк, да будет мир над ним, мир есть час, так используй его в богоугодных делах)

Камень №4 (120x43x23), по типологическим элементам относящийся к I пол. XVI в., находится наполовину в земле.

- 1) قال الله تبارك و تعالی
- 2) كل من عليها فان و يبقى وجه
- 3) ربك ذو الجلال و الاكرام
- 4) تاريخ.....

(см. перевод надписи камня №2, с которым совпадает этот текст)
На боковых сторонах известное суфическое двустишие:

- 1) ارى الدنيا حربا بعتبارى فلا يبقى
- 2) كورهر من دنيا ويران بارى

(Вижу мир развалиной, по преимуществу не останется он продолжительно в покое).

Камень №5 (80x47) надпись которого целиком выветрилась.

По типологическим элементам датируется I пол. XVI в.

Камень №6 (145x47x20) с рельефной надписью (но целиком сохранившейся) и резным орнаментом.

-(1)
 2).....باى ارض تموت
 3) قال النبى عليه السلام الدنيا
 4) ساعة فجعلها طاعة تاريخ توقوز
 5) يوز يكرمى توقوزدا محرم
 6) ايندا اردى بحش (محش ؟) او على ابلاى
 7).....رحلت قيلدى

- 1) ...
 2) ... в какой земле умрет
 3) сказал пророк, да будет мир над ним, мир
 4) есть час, так используй его в богоугодных делах. По летоисчислению в девятьсот
 5) сот двадцать девятом в Мухаррам
 6) месяце было, что Бахшия (Мухши) сын Аблай
 7) ... переселился
 Дата памятника 1522-1523 гг.

Камень №7 (120x45x22) с несохранившейся надписью. Типологически датируется I пол. XVI в.

С.Больш.Менгеры

На кладбище имеется надгробие (80x41x21) XVII в. с полукруглым верхом с некаллиграфической рельефной надписью и врезанным орнаментом. Это типичный памятник для II пол. XVII в.

- 1) هو الحى الذى لايموت كل نفس ذايقة الموت قال النبى عليه
 2) السلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة قال النبى
 3) عليه السلام الدنيا ... المومن و جنت الكافر
 4) تاريخ منكدا يوز يل ايردى باشيك بيكا قزى
 5) كشاك بيكا اوز واقتندا بو بيلكنى قويدى ايرларدين دعا

1) Он живой, который не умирает, всякая душа вкусит смерть. Сказал пророк, да будет над ним,

- 2) мир, мир есть час, так используй его в богоугодных делах, сказал пророк,
 3) да будет мир над ним, мир ... (для) мусульман и рай для неверных;
 4) по летоисчислению в тысяча сотом было, что Башик-бики дочь*
 5) Кашак-бика в свое время (при жизни) этот памятник воздвигла, от мужчин молитв ожидая.

Дата памятника 1688-1689 гг.

На боковых сторонах надпись – суфический стих

كوره رمن دنيانى ويران بارى
 هميشه باقى ايرمس يوق قرارى

(«Вижу мир развалиной по преимуществу не остается он в покое»).

Жителями села было рассказано об истории пребывания здесь в высылке крымских татар, о том как им сельское общество не разрешило проживать в селе, в силу чего они, прожив определенное время за селом, после только смогли приобщиться к сельской общине. О времени прихода их сюда никто не мог сказать, однако, найденные нами эпитафические памятники в с.Ср.Пашалым (Арский р-н) и на кладбище Б.Менгеры (датирован 1820 г.) совершенно отличные по своему стилю и материалом от местных надгробий и напоминают отдельными деталями (например, высеченный наверху чалмой) крымские памятники чем, кажется, подтверждают это событие. Очень возможно, что высылка их в эти края произошло после крымской войны конца XVIII в.

С. Ст.Менгеры

Исследования надгробий большого кладбища из-за метеорологических условий оставлены на другое время.

С. М.Атня

На западной окраине села старое заброшенное кладбище с 5-ю надгробиями XVI в. За исключением одного все они одного типа (стиль I пол. XVI в.) – с рельефной арабско-татарской надписью и резным орнаментом на бордюре и в верхней части.

Камень №1 (135x52x23)

- (1) قال الله تبارك و تعالى
 (2) كل من عليها فان و يبقى وجه
 (3) ربك ذو الجلال و الاكرام
 (4) تاريخ توقوز يوز ايليكد
(5)

* Интересно то, что генеалогия покойницы дается по линии матери.

Дата памятника 1543-1544 гг.

Боковые надписи сохранились очень плохо.

Камень № 2 (135x50x24) с неясными двумя последними строками надписи.

- (1) [قال الله تبارك و تعالی
 (2) كل [من عليها فان و يبقى وجهه]
 (3) ربك ذو الجلال و الاكرام
 (4) توقوز يوز فرق يتى دا
(5)
 (6) بولاد

- 1) Сказал бог преславный и всевышний:
 2) все, что на ней (на земле) – бременно, и
 останется (лишь) лицо
 3) господя твоего, обладателя величия и почтения
 4) по летоисчислению в девятьсот сорок седьмом
 5) ...
 6) Булад...

Дата памятника 1540-1541 гг.

Боковые надписи не прочитываются.

Камень №3 (150x50x23) с частично сохранившейся надписью.

- (1) قال الله تعالى و ما تدري نفس
 (2) باى ارض تموت قال الله سبحانه
 (3) و تعالى كل نفس ذايقة الموت
 (4) قال النبى عليه السلام.....
(5)
(6)
(7)

- 1) Сказал бог преславный и не знает душа
 2) в какой земле она умрет. Сказал бог преблагой
 3) и всевышний: всякая душа вкусит смерть;
 4) сказал пророк, да будет мир над ним...
 5) ...
 6) ...
 7) ...

Судя по типологическим элементам надгробия относится к I пол. XVI в. Боковые надписи не разборчивы.

Камень №4 (150x50x28), расколотый на 2 части, надпись сейчас не имеет (выветрилась). По типологии датируется I пол. XVI в.

Камень №5 (130x38x13) впервые найден на этом кладбище нами, ибо он, почти засыпанный землей, не привлекал внимание других, ранее бывших здесь исследователей. Надгробие типологически значительно отличается от стильных надгробных камней I пол. XVI в. Например, вместо рельефного растительного орнамента, верхняя часть занята 1-й строкой надписи. На бордюре вместо традиционной резной «виноградной лозы» – вырезана тройная плетенка, а надпись почерком насх выполнена одним и тем же резчиком, автором надписи надгробия конца XVIв. кладбища с.Ср.Аты Арского р-на. Наклонно высеченные стволы алифа и другие детали в надписи делают их палеографически идентичными.

- (1) [كل نفس] ذايقة
- (2) الموت ثم الينا [ترجعون]
- (3) قال الله.....
-(4)
-(5)
-(6)
-(7) تاريخ
- (8) توقوز يوز [اون] اوچدا
- (9) ايردى كيم سيد على مولا
- (10) اوعلى شيخ بولاد
- (11) دار و فنادين دار بقاعا
- (12) رحلت قيلدى حق تعالى
- (13) رحمت قيلسون امن

- 1) (всякая душа) вкусит
- 2) смерть и после вы (вернетесь) к нам.
- 3) сказал бог...
- 4) ...
- 5) ...
- 6) ...
- 7) ... по летоисчислению
- 8) в девятьсот три(над)цатом
- 9) то было, что Саид-Алия мавля
- 10) сын шайх Булад
- 11) из мира тленного в мир вечности
- 12) переселился, истинный бог
- 13) да помилует его. Аминь.

Дата памятника 1497-1508 гг. Надпись на боках пока не прочитана.

Верх.Вереска

На кладбище села два кирпичных мавзолея без крыши, с оконными и дверными проемами, заставленными железной решеткой. В одном из них огромное (180x75x22) надгробие с арабско-татарской рельефной надписью. Под полукруглой аркой и на бордюре – резной растительный орнамент.

- (1) بسم الله الرحمن الرحيم مبدى اسماً الحسنى القديم
- (2) و قال الله تعالى كل من عليها فان و يبقى
- (3) وجه ربك ذو الجلال و الاكرام و قال ا
- (4) لنبي صلى الله عليه و سلم ان اولياً الله
- (5) لا يموتون بل ينقلون من دار الى دار لا حول و لا
- (6) قوة الا با لله العلى العظيم فهذا مرقد
- (7) الشيخ ابراهيم بن يوسف براسكاي انار الله
- (8) مضجعه و عفر لمن داره الى يوم القيمة تاريخ
- (9) منكنده يوز دا توقسان سكيژنجي يل شوال
- (10) اى نك بشنجي كونندا دار فنادين دار بقايه نقل
- (11) اتندى رحم الله عليه رحمة واسعة

- 1) Именем бога милостивого, милосердного, начало красивых имен вечности,
 - 2) и сказал бог всевышний: все, что на ней (на земле) – бrenно, и останется вечно (лишь)
 - 3) лицо господа твоего, обладателя величия и почтения. И сказал
 - 4) пророк, да благословит его бог и будет над ним мир, по истине святые бога
 - 5) не умирают, а переселяются из мира (тленного) в мир (вечности). Все изменяется от бога
 - 6) и нет силы, кроме бога великого, высокого. Эта могила
 - 7) шейха Ибрагима сына Йусуфа Бараскави, да осветит бог
 - 8) обиталище (место лежания) его, да простит его до дня воскресения (мертвых). По летоисчислению
 - 9) в тысяча сто девяноста восьмом году, шауваля
 - 10) месяца пятого дня из мира тленного в мир вечности переселенный
 - 11) был. Милостивый бог да помилует его
- Дата памятника 1785 г.

С.Ниж.Верески

На кладбище села у окраины его в 1947 г. было нами зафиксировано 5-6 надгробий XVI в. Ныне же (как и в 1956 г.) осталось только 3. Все они одного типа (I пол. XVI в.) с рельефной надписью и резным растительным орнаментом.

Камень №1 (125x47x19) – хорошей сохранности известняковая плита.

- 1) قال الله تبارك و تعالی
- 2) كل من عليها فان و يبقى وجه
- 3) ربك ذو الجلال و الاكرام
- 4) تاريخ توقوز يوز قرق تورندا
- 5) عبدالله موسى [ى] او على دار فنادين
- 6) دار بقا [عا] رحلت قيلدى نورالله [قبر]

- 1) Сказал бог преславный и всевышний:
 - 2) все, что на ней (на земле) – бrenно, и останется вечно (лишь) лицо
 - 3) господя твоего, обладателя величия и почтения;
 - 4) по летоисчислению в девятьсот сорок четвертом
 - 5) Абдалла сын Мус(ы) из мира тленного
 - 6) в мир вечности переселился, да осветит бог могилу его.
- Дата памятника 1537-1538 гг.

Камень №2 (145x36x17).

- 1) هو الحى الذى لا يموت و كل حى سيموت
- 2) قال الله تبارك و تعالی
- 3) كل من عليها فان و يبقى وجه....
- 4) تاريخ توقوز يوز قرق التى دا
- 5) مبارك ربيع الاول ايندا ايرديكيم على
- 6) عيالى يعفر قزى اى بيكاج دار فنادين دار بقاعا [حلت]

(Последняя строка недописана, нет слова قيلدى)

- 1) Он, который не умирает и все живущее умрет;
 - 2) сказал бог прославный и всевышний:
 - 3) все, что на ней (на земле) – бrenно, и останется вечно....
 - 4) По летоисчислению в девятьсот сорок шестом
 - 5) в благословенный месяц раби то было, что Алия
 - 6) жена, дочь Ягфара, Ай-бикач, из мира тленного в мир вечности (переселилась)*, да осветит бог**.
- Дата памятника 1539-1540 гг.

* Это слово недописано.

** Фраза недописана, нет слова «переселилась».

На боковых строках (повторяющийся известный суфический стих).

Камень №3 (125x45x24)

- (1 قال الله تبارك و تعالى
 (2 كل من عليها فان و يبقى وجه
 (3 ربك ذو الجلال و الاكرام
 (4 تاريخ توقوز يوز ايليك
(5
(6)

- 1) Сказал бог преславный и всевышний:
 2) все, что на ней (на земле) – бременно, и
 останется вечно (лишь) лицо
 3) господя твоего, обладателя величия и почтения;
 4) по летоисчислению в девятьсот пятьдесятю
 5) ...
 6) ...

Дата памятника 1543-1544 гг.

На боковых сторонах надпись – изречение:

- (1 قال النبي عليه السلام الدنيا مزرعة الاحره
 (2 قال النبي عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة

(Сказал пророк, да будет мир над ним, мир есть час, так используй его в богоугодных делах)

С.Б.Березе

На кладбище села 3 надгробия (одно из них обломок) XVI в. с рельефной надписью и типичным растительным орнаментом.

Камень №1 (100x48x21) с своеобразным, в отличии от других стильных надгробий, оформлением – орнаментальным обрамлением в виде стрельчатой арочки сверху 1-й строки надписи.

- (1 قال الله [تبارك و تعالى]
 (2 كل من [عليها]...
 (3 قال الله سبحانه [و تعالى]
 (4 الدنيا ساعة فجعل[لها] طاعة]
 (5 تاريخ توقوز يوز يكرمي التيدا
(6)

- 1) Сказал бог (преславный и всевышний)
 2) все, что на (ней ...),

- 3) сказал бог преблагой (и всевышний):
 4) мир есть час, так исполь(зуй его в богоугодных делах);
 5) по летоисчислению в девятьсот двадцать шестом
 6) ...

Дата памятника 1519-1520 гг.

На боках надпись (известный суфический стих)

На обратной стороне надпись – «штамп».

1) بو لوحني او على

2) [توبلا... بنا قيلدى]

1) Этот памятник сын

2) ... воздвиг

Камень №2 представляет лишь основание надгробия с полустертой надписью.

Камень №3 (160x50x23) с очень плохой сохранности рельефной надписью.

1) قا.....

2) كل من.....

3)

4)

5) الدنيا مزرعة الاحرة [صدق]

6) تاريخ توقوز يوز ايليك [اوچدا]

7)

8)

9)

1) ...

2) все, что на...

3) ...

4) ...

5) мир есть пашня конечной жизни (истинно)

6) по летоисчислению в девятьсот пятьдесят (третьем)

7) ...

8) ...

9) ...

Дата памятника 1546-1547 гг.

На боковых сторонах надпись (известное изречение):

قال النبي عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها طاعة

(Сказал пророк, да будет мир над ним, мир есть час, так используй его в богоугодных делах).

В последнем населенном пункте Б.Березе, мне дали почитать одну татарскую рукопись покойного старожилы Загидуллина Галиуллы. В ней сообщается о местных исторических событиях конца XIX и начала XX в., в частности, говорится об употреблении в строительстве церкви в соседнем селе Рус.Алаты надгробных камней с мусульманской (куфической?) надписью числом до 15. Ими сложен фундамент церкви. Предполагается, что они были взяты с местного «кладбища мурз», существовавшего, якобы, до прихода сюда русского населения, и церковь построена на его территории. Кроме уже известных случаев употребления надгробных камней с мусульманской надписью для строительства церковей (Булгары, Ямбухтино), приведенный факт указывает на наличие здесь неизвестного до сего времени «кладбища мурз», по-видимому, связанного с древним поселением. В этом последнем можно подразумевать с. «Алат»* – поселение, название которого было употреблено в административном делении территории казанского ханства – «Алатская дорога», центр которого и был здесь. В этом свете не безынтересно сообщение в рукописи о Мустафа-хане, правившем здесь до взятия Казани русскими.

Добытый эпиграфический материал в определенной мере обогащает наши исторические сведения о прошлом края, о языке и искусстве его обитателей – казанских татар I пол. XVI в. – в пору их государственного образования – Казанского ханства до его присоединения к русскому государству.

Примечания:

Памятники с. Ст.Кишит

- ¹ Памятник XVII в. из с.Ст.Кишит. Обнаружен и обследован впервые Г.В.Юсуповым. Этот памятник над могилой Аксары сына Джансары-хафиза, умершего в 1037 г. в месяце рабигуль-аввал (по григорианскому стилю в ноябре 1627 г.). Образцов памятников начала XVII в. на территории бывшего Казанского ханства сохранилось мало. Данный образец по своему стилю и оформлению очень близок к татарским эпитафиям первой половины XVI в. Копия с этого памятника, снятая с плиты, хранится в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан, который демонстрировался на выставке осенью 1996 г.
- ² Эпитафийные памятники, обнаруженные Г.Юсуповым около с.Ст.Кишит, на расстоянии одного километра по реке Симет с северной стороны. Тут же рядом находится первоначальное поселение с.Шигалиево, часть селения, где-то в XVII-XVIII вв., провалилась под землю; место провала заметно, судя по состоянию рельефа. Такой случай провала в прошлом известен и в истории с.Уразлы, который находился в километрах 20-ти к западу от Ст.Кишета. От старого кладбища Шигалиево теперь сохранились шесть разрушенных надгробных плит. На лицевых сторонах эпитафий надписи почти исчезли. Лишь на некоторых памятниках имеются отдельные фрагменты арабского письма.

* Есть «Татарский Алат» и «Русский Алат».

Памятники с.Верх.Серда

Данную группу памятников в 1927-1928 гг. обследовал известный литературовед и историк литературы Али-Рахим в своей статье «Татарские эпитафические памятники XVI века // Труды Общества изучения Татарстана. – Т.І. – Казань, 1930. – С.157-160.

Али-Рахим в те годы обнаружил, зарегистрировал и прочел десять эпитафийных текстов. В 1959 г. Г.В.Юсупов обнаружил здесь уже всего семь памятников. Летом 1973 г. нами здесь насчитывалось 9 эпитафийных памятников.

При вторичном случае обследования памятников выяснилось, что многие тексты претерпевали значительные повреждения. Из семи текстов два совсем выветрились. Некоторые изменения на памятниках, обследованных в 1928 и 1959 гг., можно заметить по данным ниже приведенной таблицы:

Размеры эпитафий

По Али-Рахиму			У Г.В.Юсупова		
1	107x43x11	927 г.	1	140x50x21	? г.
2	137x48x23	9... г.	2	104x40x16	943 г.
3	160x49x20	929 г.	3	100x55x20	9... г.
4	94x49x16	9... г.	4	120x43x23	? г.
5	?	905 г.	5	80x47x?	9... г.
6	115x54x21	90... г.	6	145x47x20	929 г.
7	116x43x17	903 г.	7	120x45x22	9... г.
8	172x53x22	?			

Размеры памятников у исследователей одних и тех же камней довольно заметно отличаются.

При чтении текстов, особенно антропонимов, также видны разночтения. Например, в тексте памятника №3 имя покойника дано в виде «сын Бахтия», а этот же текст Г.В.Юсупова (№6) прочтен в форме «Бахшия (Мухши)» сын Аблай и т.д.

Кладбище с.Большие Менгеры

На кладбище этого села самый древний памятник относится к концу XVIII в. Этот памятник обследован впервые Г.В.Юсуповым в 1959 г. Второй раз в 1998г. памятник был изучен нами. Некоторая разница в обследованиях наблюдаются в размерах памятника:

У Г.В.Юсупова	80 x 41 x 21 см
У М.И.Ахметзянова:	85 x 42 x 16 см

* * *

В конце описания памятника XVII в. приводятся предания старожилов о пребывании в Больших Менгерах крымцев.

Данные предания подтверждаются также родословными из рукописного генеалогического сборника с Б.Менгеры. Поселение пленных крымцев в селе отмечено в конце XVII в. и в первой половине XVIII в.

Кладбище с.Малая Атна

Эпитафийные памятники кладбища впервые были обследованы в 1928 г. видным филологом Али-Рахимом. Тогда он обнаружил шесть памятников пер-

вой половины XVI в. Из них один памятник содержит полный интересными данными текст. Три памятника сохранились лишь с частичным текстом, у одного текст угас совсем и шестой памятник, покрытый лишаями, требовал больших усилий относительно подготовки к чтению.

Г.В.Юсупов, видимо, не знал об отчетной публикации по результатам эпиграфической экспедиции Али-Рахима, ибо он не упоминает о нем. Г.В.Юсуповым на данном кладбище обнаружено уже только пять памятников. Для сравнения текстов Али-Рахима и Г.В.Юсупова приводим некоторые данные о памятниках:

	А.Рахим (1928 г.)		Г.В.Юсупов (1959 г.)	
1	130x45x30 см	930 г.	135x52x23 см	950 г.
2	143x51x23 см	947 г.	135x50x24 см	947 г.
3	150x50x24 см	? г.	150x50x23 см	?
4	123x48x10 см	?	150x50x28 см	?
5	160x53x24 см	?	130x38x13 см	913 г.
6	128x40x? см	?		

Если сравнить эти данные, то получается, что часть памятников, обследованных Али-Рахимом, утеряны (№№ 1, 4, 5), а Г.В.Юсуповым обнаружены ранее неизвестные памятники (№1, 4, 5). Последний из них наиболее богат историческими фактами (например, религиозно-социальные термины *сеид*, *шейх*, *мулла*).

Во время осмотра кладбища в 1973 г. нами были зафиксированы уже лишь четыре могильные плиты. Народ связывал их с именами святых Башара, Газеля, Габдуллы и Баязита.

Памятники кладбища Верхняя Береске

В данной части статьи Г.В.Юсуповым впервые опубликован текст большого эпитафийного памятника, обнаруженного внутри кирпичного мавзолея, с датой 1198/1785 гг. по григорианскому календарю.

Памятник при осмотре в 2002 г. был еще цел и невредим, находился внутри кирпичного мавзолея. В Заказанье подобных памятников XVIII в. в количественном отношении очень немного.

Эпитафии с.Нижняя Береске

Эпитафийные памятники кладбища Ниж.Берески Г.В.Юсуповым открыты впервые. До него ни один из татарских эпиграфистов не пытались обследовать эти эпитафийные памятники. Памятники села Нижняя Береске по физическому состоянию более целые. Из известных трех эпитафийных текстов лишь один имеет некоторые дефекты.

Эпитафийные тексты с кладбища с.Большие Берези

Г.В.Юсуповым здесь впервые открыты и обследованы три эпиграфических памятника первой половины XVI в. При обследовании кладбища этого села в 2002 году нами были частично обследованы два памятника. При осмотре памятников мы установили, что обследованный Г.В.Юсуповым памятник №1 находится внутри железной ограды и есть надежда, что в ушедшей в землю части текста, видимо, при помощи раскопок было бы возможно обнаружить конец текста и дешифровать.

На обратной стороне памятника надпись на штампе нами прочитана полностью и звучит так:

«Этот памятник воздвигнут сыном его Тунлачи»

Основание надгробного памятника №2 нами не было обнаружено. Надписи на эпитафии №3 можно было бы дополнить за счет фрагментарных надписей. Из них наиболее значительным для полноты текста является слово «углы» в 7 строке.

* * *

В итоге можно прийти к заключению, что для исследования древних эпитафийных памятников на арабской графике остро необходима подготовка 2-3-х молодых специалистов.

Эпитафийные памятники XIII-XX вв. все являются уникальными первоисточниками по истории татарского народа. Кроме того, чувствуется необходимость повторного просмотра памятников татарской эпитафики XIII-XVIII вв.

В опубликованном выше отчете Г.В. Юсупова, к сожалению, отсутствуют фотографии исследованных им эпитафий XVI в. Этот пробел в определенной степени заполнен фотоснимками, сделанными М.И. Ахметзяновым и Р.Г. Фахрутдиновым в последнее десятилетие на тех же старых кладбищах Агнинского района. Некоторые из них приводим ниже (*ред.*).

Рис. 1. Один из памятников, сохранившихся на Верхне-Сердинском кладбище периода Казанского ханства. На заднем плане – село В. Серда. Фото Р.Г. Фахрутдинова 1995 г.

Рис. 2. Эпиграфический памятник на старом кладбище у села Малая Агня.
Фото Р.Г. Фахрутдинова 1995 г.

Рис. 3. Памятник на старом кладбище села Старый Кишит.
Фото М.И. Ахметзянова 1998 г.

Рис. 4. Памятник на старом кладбище села Большие Берези.
Фото М.И. Ахметзянова 2002 г.

Константин Руденко

Казанский дракон: образ и символ

Вопрос о гербе и символе Казани неоднократно привлекал внимание ученых: историков, археологов, искусствоведов и любителей-краеведов. Эта довольно обширная литература требует специального анализа. Отметим, только, что вопрос о времени бытования в регионе самого образа дракона и его символики специально в литературе не рассматривался. Краткие замечания по этому вопросу имеются в статье Н.А.Соболевой об истории герба Казанской губернии и Казани¹. Интересно замечание автора о различных трактовках образа дракона².

А.Х.Халиков, исследовавший сюжет о казанском змее³, пришел к выводу, что это был архаичный культ, возникший в глубокой древности, в среде ираноязычных племен. От них он и проник к булгарам. По мнению исследователя, у булгар мотив змеборчества стал своего рода «главной легендой» – маркером основания любого крупного болгарского города. Причем А.Х.Халиков считал, что «ни монгольская, ни золотоордынская традиции не знают культа змей, и не увязывают основание города с борьбой со змеями»⁴. В этом контексте идея о связи символа змеи и Казани, приобрела неожиданный оттенок, поскольку ассоциация борьбы со змеем, по мнению А.Х.Халикова, прямо связывалась еще с охраной некой границы. Исходя из этого название «Казань» трактовалось А.Х.Халиковым в значении «граница»⁵.

Тема, связанная с этим образом в контексте Казани и зафиксированная в письменных источниках, берет свое начало в XVI в. В «Казанской истории» при описании Казани фигурирует легенда о «великом змее». «И глаголют многие нецы, преже место бытии издавна гнездо змиево; во всем жителе земля тоя знаемо живящее ту вгнездехся змии велик, страшен, о двюю голуаву, едину имея Змиеву, а другую голову волову; единою пожираше человеки и скоты и звери, а другую главою траву ядыаше; а иные змия около его лежаша, живяху с ним, всяцами образы. Тем же не можаху человецы близ место того миновати, свистания ради змиина и точения их, но далече инеем путем опохожаху»⁶.

Далее следует рассказ о том, как с помощью волхва змеиное место было очищено, а на его месте Царь Саин «возгради на месте том Казань град». Образ змея как нельзя кстати пришелся к месту в замысле автора этого сочинения, поскольку он его тут же использовал, но уже в качестве аллегории (проводя кстати эту линию и далее в тексте), подчеркнув тем самым факт противостояния Москвы и Казани. О том, что фактологическая сторона «Истории» достаточно зыбка и больше напоминает литературное эссе, уже не раз писалось в исторической литературе, тем более, что это эмоционально написанное произведение отражает не общие так сказать летописные сведения, а личный, авторский взгляд на события и эпоху.

Отметим и тот факт, что уже в конце XVI в., практически тогда, когда и был создан «Казанский летописец», у казанских воевод была своя печать с изображением коронованного дракона или змея, которая официально представляла Казанское воеводство. Печати казанских воевод зафиксированы на документах 1596, 1637, 1693 гг.⁷

Появление этой печати было узаконенным актом: она была официально получена Казанью от Москвы как печати других воеводств и земель. «Города новые, выстроенные в XVI и XVII столетиях, равно как покоренные оружием русским, получили уже печати от правительства русского, например Астрахань, Казань, города сибирские, и с этих-то печатей изображение перешло в областные и городские гербы или без изменений, или с небольшими переменами, которых требовала, быть может геральдика»⁸. К таким инновациям следует отнести и оформленный в 1729 г. казанский герб в виде, как он описан в реестре гербов: «[Герб] Казанский, змей черный под короною золотою Казанскою, крылья красные, поле белое»⁹. Интересно, что и здесь разница между змеем и драконом практически отсутствует. Это исходит как из правил европейской геральдики, да и по той причине, что христианская традиция в это время собственно не делает большого различия между большим крылатым змеем и драконом, видя в нем синонимичные понятия (см. ниже).

Считается, что образы, ставшие затем земельными эмблемами, происходят от большой государственной печати московского царства, созданной в 1577 г. Но так ли это в отношении к казанскому дракону? Образ змея-дракона появляется на государственной печати Московского царства еще при Иване III (1497 г.). Здесь на лицевой стороне помещено изображение всадника, поражающего копьем крылатого змея или дракона¹⁰.

Стоит обратить внимание, что если ранее речь шла о змее, то далее везде начинает фигурировать образ дракона. Причем, если сама по себе фигура вооруженного всадника для государственной символики того времени явление достаточно типичное, то дополнительный сюжет с драконом является специфическим для московской сфрагистики XV в. и продолжает традицию, отраженную ранее в монетном чекане. Сам по себе этот сюжет связывается с иконографическим образом Святого Георгия-змееборца, ставшим в XV в. своего рода эмблемой московских князей¹¹. Объяснение этому довольно простое: «змей, орудие злого духа при грехопадении прародителя нашего, мог означать только злое. В какой бы форме оно ни проявлялось, в виде ли внешнего врага, в виде ли раздоров, разделяющих государства и приближающих их к гибели, в виде ли невежества: все равно»¹². Такова трактовка этого символа в русской геральдике. Но это не исключение, а скорее геральдический элемент, характерный для всей Европы.

Так, фантастические фигуры или чудовища (*monstra*), в том числе и драконы, типичны в целом для европейской средневековой геральдики.

Истоки этих образов связаны с Востоком. В печатном виде эти геральдические фигуры были оформлены в специальном труде под названием «Физиолог» (Physiologus) и получили широкое распространение сначала на христианском Востоке, а затем на Западе, в том числе и в России.

В европейской геральдике дракон (Drache, dragon) – «пресмыкающееся, но вместе с тем и крылатое животное, с большой заостренной головой и разверстой пастью, из которой, а равно и ноздрей, часто изображается выходящее пламя. Он имеет также выпущенный язык и большие зубы, крылья его подобны тому, как у летучей мыши, имеют на конце костей когти. Передние ноги его подобны львиным или орлиным, вместо задних он имеет толстый кольчатый хвост»¹³. Как правило, дракон изображался в профиль, иногда с короной. Близок к нему крылатый змей (Lindwurm), но у него четыре ноги, причем задние ноги львиные¹⁴. Этот геральдический символ выступал как «эмблема нечистой силы, язычества, невежества»¹⁵. Однако эта трактовка явно позднего происхождения, поскольку его значение в раннесредневековом искусстве Европы иное (см. ниже).

Змей в той ипостаси, которая характерна для казанского Зиланта, присутствует в клейноде и на гербе семьи Висконти, средневековых правителей Милана. По семейному преданию, этот символ был взят Оттоном Висконти, у Волюса, принца Сарасена, после убийства его Оттоном под стенами Иерусалима. На этом гербе был изображен дракон, глотающий ребенка. Кстати, на этом драконе имеется корона, хотя сам дракон имеет туловище льва (?)¹⁶.

Еще ближе к изображению на казанском гербе, но уже по общей композиции и позе дракона, существо с английского герба. До XV в. дракон здесь двухногий, выдыхающий огонь, с ушами, чешуйчатом туловом и крыльями как у летучей мыши. Хвост его имел шипы и был заострен. На голове были рога и хохолок (гребень). В английской геральдике двулапый дракон называется змеем или василиском, хотя в остальной Европе такого различия нет¹⁷.

Двулапый красный дракон, связанный с Королем Артуром, считался эмблемой Каваладера, валлийского принца VII в. Использовался этот символ в гербах династии Тюдоров. До сих пор он является эмблемой принца Уэльского¹⁸.

Не редкость изображения змеевидных существ и драконов в искусстве средневековых народов Европы; вспомним хотя бы известные корабли викингов – дракары-драконы (dreki, мн.ч.drakkar),¹⁹ носы которых украшали резные головы драконов. Стоит отметить, что по поверьям викингов резное изображение змея или дракона придавало магическую силу кораблю, защищало его от злых сил и устрашало врагов. После причаливания голова дракона снималась с носа корабля, чтобы не разгневать местных богов²⁰. Сам по себе образ змеи для населения

Европы с древнейших времен ассоциировался со смертоносной силой, усиливший силу оружия, и с оберегом против злых сил²¹.

Если с геральдической трактовкой образа дракона-змея и его эволюцией в этой области вопросов не возникает, но остается не ясным, откуда все же взялся сам этот образ в качестве символа Казани?

Если обратиться к более давним свидетельствам, то «змеиная тема» у булгар отмечена еще в начале X в. Ибн-Фадланом. Он писал: «Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева право же накрутился десяток из них и более. Они не убивают их, и они (змеи) им не вредят, так что, право же, как-то я увидел в одном месте длинное дерево, длина которого была более ста локтей. Оно уже упало, и вот я вижу, что ствол его огромный чрезвычайно. Я остановился, глядя на него, и тогда оно задвигалось, и меня испугало это. Я посмотрел на него внимательно и вот, (вижу) на нем змея, подобная ему по толщине и длине. Когда же она увидела меня, она спустилась с него (дерева) и скрылась между деревьями. Я же пришел (назад) испуганный. Итак, я рассказал (об этом) царю и тем, кто был у него на приеме. Они же не придали этому значения, а он (царь) сказал: «Не беспокойся, так как она не сделает тебе вреда»²².

Трудно сейчас понять, насколько соответствует рассказ Ибн-Фадлана действительности. Но то, что путешественник отмечает этот факт, само по себе примечательно и заслуживает внимания.

Таким образом, с одной стороны, мы видим четко обозначенное отношение к образу змея как бы в двух вариантах: обычные змеи и змей-гигант, в общем, положительные существа, и в варианте в «Казанском летописце» змей фантастический с двумя головами, причем одна из них была не змеиной, а воловьей и, безусловно, явление отрицательное. Змей в последнем случае не имел крыльев и ног – это явствует из контекста.

С другой стороны, перед нами на гербе казанских воевод изображен классический дракон – с огнедышащей пастью, крыльями, змеиным хвостом и парой когтистых ног²³. У него одна голова и присутствуют многие детали не характерные для первого случая.

Особенностью трактовки сюжета с изображением фантастического змея, является мотив змееборства. Суть сюжета, собственно и заключается в изгнании, вернее убийстве Большого змея и змеенышей с помощью наблюдательности и хитрости. Учитывая свидетельства более раннего времени и данные татарского фольклора, можно считать, что эта история не плод фантазии автора «Казанской истории», своего рода литературный прием, а легенда, бытовавшая в то время у казанцев. Причем, стоит предполагать, что этот сюжет мог иметь и более глубокие исторические корни.

Что касается самого образа змея, то он образ традиционный и универсальный в мифологии и фольклоре многих народов мира, как, впро-

чем, и сюжет змеборства. Как утверждают исследователи, мотив змеборства возникает только вместе с государственностью, хотя истоки его более древние.²⁴ Показательно и то, что змей в мифологии это не аналог обыкновенной змеи. Это существо с несколькими головами и летающее по воздуху, причем эта способность вовсе не связана с наличием у него крыльев²⁵.

Поэтому в приложении к рассматриваемой теме, можно предположить, что образ змея был характерен для мифологии в Волго-Камье в целом и символики власти²⁶ в частности еще с болгарских (и доболгарских) времен, и трансформировался в последующие эпохи.

В мелкой пластике в Прикамье с IX в. распространяется сюжет, условно названный «всадница на змее», вероятно имеющей в предшественниках здесь в V-VI вв. н.э.²⁷ изображения всадника, стоящего на многоголовом ящере²⁸. Это бронзовые или серебряные пластины, изображающие женщину верхом на крылатом коне, который в свою очередь попирает змея. Эти изделия распространены преимущественно в финно-угорской среде²⁹, но встречаются и в раннеболгарских древностях, где датированы первой половиной X в.³⁰

Сам сюжет объясняется по-разному. М.Г.Худяков считал, что здесь изображается сцена борьбы Солнца – Солнечного коня с преисподней (змеей); А.П.Смирнов предполагал, что здесь может быть изображен дух леса – Шурале³¹. В последнее время образ «всадница на змее» трактуется как изображение богини, связанной с культом Солнца и Земли³². В связи с рассматриваемой темой отметим, что как сам мотив, так и образ змея/змеи тесно связан с мифологией населения Прикамья, включая регион казанского Предкамья и Западного Закамья.

Как видно из сообщения Ибн-Фадлана, змеи почитались булгарами и, может быть, образ дракона является в некотором роде «продолжением» и «развитием» образа змея³³?

Но мотив «змеборчества» не получил сюжетного развития и в XI-XII вв. как у болгар, так и у их соседей. Он практически исчез в изобразительном ряде мелкой пластики. Поэтому, предположить прямую линию преемственности «змеборческого сюжета» с драконом будет не совсем корректно. В этом случае более обоснованной кажется точка зрения, согласно которой, несмотря на схожесть со змеей, дракон – образ самостоятельный и независимый, хотя «родственные» отношения и сохраняются как бы внешне³⁴.

Классического изображения дракона в искусстве первобытной эпохи Волго-Камья нет. Но своего рода «художественным» предшественником ему можно считать грифоновидных монстров в искусстве скифского времени (рис.1-7,8,10). Это орлиные и крылатые с рогами львиные грифоны³⁵. Мотив грифона в данной трактовке, очевидно, имеет перднеазиатские истоки³⁶.

Оригинальная трактовка хищных фантастических животных имеется на изделиях савроматского «звериного стиля». Здесь «при всей стилизации животного ... легко узнать волка с традиционно раскрытой пастью, в которой видны два острых клыка и по паре полукруглых коренных зубов на каждой челюсти, на голове – овальный глаз с острой слезницей и длинное острое ухо»³⁷. К.Ф.Смирнов отметил, что этот сюжет «не зависел от искусства скифов. Он был следствием конвергенции, либо был генетически связан с Востоком»³⁸. Самые близкие аналогии стилю изображения волчьих голов К.Ф.Смирнов видит в Южной Сибири и на Алтае³⁹.

Прикамские изображения, выполненные в этом стиле и трактуемые как «орлиные грифоны»⁴⁰ достаточно оригинальны. В качестве примера можно привести ананьинские ритуальные секиры VI-IV вв. до н.э. (цв.илл. 1). Одно из окончаний секиры выполнено в виде головы хищника, с оскаленной пастью, полной мощных зубов. По стилистике изображения это, скорее всего некое существо с чертами волка. Именно так трактуется изображение на бронзовой секире из Зуевского могильника в Прикамье⁴¹. Это можно считать особенностью ананьинского звериного стиля или рассматривать в более широком контексте.

В этой связи отметим интересную трактовку образа грифоподобных существ на золотых наконечниках гривен скифского времени из Ставропольского клада⁴². У этого изображения больше черт от львиного грифона, хотя и эту аналогию можно считать не совсем корректной: морда монстра существенно отличается от возможного прототипа⁴³. По мнению исследователей, такого рода трансформации могут быть результатом культурных импульсов из Южной Сибири во второй половине I тыс. до н.э.⁴⁴, где могло сказываться влияние и иных культурных традиций.

Наиболее близкий к рассматриваемому нами сюжету образ дракона имеет свои истоки в китайском искусстве. Канон изображения дракона, если брать во внимание начертание иероглифа «лун» (дракон), представляющего собой пиктограмму животного с длинным телом и головой, увенчанной рогами (или гребнем) сформировался в Китае еще в эпоху Инь (с XIV в. до н.э.).⁴⁵ Развитие он получил в период правления следующей династии – Чжоу (1100-722 гг. до н.э.)⁴⁶. Изначально дракон обозначал символ Ян и, в целом, благодать, ниспосылаемую людям. Впоследствии дракон символизирует могущество, власть, становясь императорским символом.

Изображался дракон по-разному, но, как правило, представляли его в следующем виде: «глаза похожи на кроличьи, а уши – на коровьи; над его пастью растут длинные усы; туловище походит на тело змеи, покрытое чешуей; четыре тигровые лапы имеют орлиные когти»⁴⁷. Он изображался практически везде: в металле в виде статуэток или специальных подставок,⁴⁸ в керамике, как декоративное оформление ручек,⁴⁹ в камне, прежде всего в нефрите (как на детали погребального убора,

сделанной в виде кольца с тремя драконами по его периметру или на ритуальном диске из могилы царя Чжао Мо из Наньюэ)⁵⁰. Роль дракона подчеркнута на знаменитом расписном шелковом полотнище из гробницы I (Мавандуй), где изображена сцена путешествия в страну бессмертных госпожи из Дая. Она изображена в центре композиции в окружении двух огромных драконов, которые являются посредниками при восхождении в небесные сферы⁵¹.

В мифологии Китая образы, связанные с драконом (Царь драконов – Лун-ван или Дракон со свечой – Чжунун) занимают почетное место⁵². Причем, в ряде случаев этот образ имеет человеческие черты (Чжунун), или является одним из образов волшебной собаки Паньгу⁵³.

В кочевую тюркскую среду образ дракона проникает со II в. до н.э., когда контакты кочевого мира и Китая становятся особенно тесными. По мнению В.А.Коренько, этот образ для тюркского мира не характерен, так как практически не встречается в скифо-сибирском зверином стиле⁵⁴. Тем не менее, многочисленные изображения дракона характерны для хуннского времени, несмотря на их различную интерпретацию⁵⁵.

Изображения дракона встречаются в тюркских древностях VII-VIII вв. Геральдическая (по М.Г.Крамаровскому) трактовка образа дракона имеется на стелах Бильге-хана и Кюль-Тегина⁵⁶. Выразительным в этом отношении примером являются костяные пластины из Шиловских курганов в Ульяновской области (рис.2). На одной из этих пластин изображены два атакующих друг друга крылатых дракона с парой когтистых ног и со змеиным туловом, заканчивающимся четырех конечным хвостом, покрытым короткой шерстью. Обращенные головами друг к другу с оскаленной пастью и прижатými ушами драконы в ярости переплетаются раздвоенными языками между собой. Между ними и под хвостом одного из существ расположены фигурки прижавшихся в страхе к земле зайцев⁵⁷. На других пластинах изображены воины. Р.С.Багаутдинов, рассмотрев сюжет изображений на пластинах, пришел к выводу, что они были изготовлены в тюрко-болгарской среде⁵⁸.

В.Е.Флерова придерживается иной точки зрения. Она считает, что эти пластины являются работой мастера среднеазиатской, скорее всего согдийской школы⁵⁹. Интересной деталью этих изображений является двуногость дракона, что отличает его от китайских и индийских прототипов и подтверждает выдвинутую ей версию⁶⁰. Несмотря на различие во мнениях, можно тем не менее констатировать, что данные сюжеты имели хождение в тюркской среде и отражают определенные воззрения, в числе которых свое место занимал и образ дракона.

В Среднем Поволжье и Прикамье, в болгарском искусстве XI-XII вв. изображения дракона практически не известны, хотя образ змеи в финно-пермском мире встречается достаточно часто.

Широкое распространение образ дракона получает в регионе в эпоху Золотой Орды. Изображения дракона в это время встречаются на самых различных предметах и вещах на огромной территории монгольской Империи, в том числе и в Поволжье и в Прикамье. Имеет ли это отношение к художественной традиции самих монголов?

В монгольском прикладном искусстве декоративные элементы с использованием изображений голов дракона не редкость и по сей день. Особенностью таких сюжетов является композиция размещения драконов: головы драконов, как правило, обращены друг к другу или же в противоположные стороны. В последнем случае драконы держат в зубах шарики различного размера, что отражает «канонический китайский образ дракона *лун*, нередко с «пламенеющей жемчужиной» *хочжосу* в зубах»⁶¹.

«Драконовы» мотивы встречаются в монгольском архитектурном декоре, на металлической посуде, на деталях бытовых предметов, но, по мнению В.А.Кореньяко, все эти мотивы являются поздними заимствованиями под влиянием китайского и тибетского буддийского искусства, ранние прототипы которых восходят к XII- XIV вв.⁶² В целом, этот образ в монгольском искусстве XIX- XX вв. заимствован из Восточной Азии⁶³. Таким образом, в монгольском искусстве этот образ также распространяется с XIII в.

Для предметов материальной культуры золотоордынского времени в Среднем Поволжье изображения дракона встречаются в мелкой пластике (накладки на пояс и т.п.), на тканях, на посуде и некоторых предметах вооружения.

Пояс с накладками. Можно выделять два вида поясов этого типа. *Первый вид* – воинские и «парадные» охотничьи раннемонгольские пояса, с золотыми и серебряными накладками, пряжками и наконечниками. Они подробно исследованы М.Г.Крамаровским. По его мнению, этот вид пояса сформировался в XIII в.; они маркируют принадлежность его владельца к высшим слоям монгольской Империи. Для таких поясов характерны золотые накладки с драконами⁶⁴. Выдержанная стилистика изображений на этих накладках трактуется М.Г.Крамаровским как форма «общеимперского геральдического символа»⁶⁵. Он рассматривает три варианта изображения дракона: драконы небесные; драконы с рыбьими хвостами и двумя рогами (драконы водные); змееобразные существа, характерные для мелких поделок⁶⁶.

Второй вид характеризуется поясом с накладными бронзовыми украшениями и деталями, где в числе прочих используются накладки с драконом или крылатым змеем. Они встречены на памятниках Среднего Поволжья и верхнего Прикамья⁶⁷. Здесь встречаются накладки, соответствующие поясам первого вида. На них изображены не только драконы, но и кошачьи хищники (лев?) как на накладках из Червленого Яра⁶⁸. Форма их не прямоугольно вытянутая как на накладках из Червленого Яра, а фигурная (с фестончатым краем) (рис.3-9).

Такую же форму имеет накладка с изображением дракона из Болгар (цв. илл. 2). Совершенно аналогичная ей происходит из погребения №131 Кокпомьягского могильника и датирована XIII-XIV вв.⁶⁹ Дракон здесь изображен с двумя когтистыми лапами, змеиным хвостом, крыльями и рогами или длинными ушами. Из рта изрыгается пламя или (что более вероятно) высовывается раздвоенный язык.

О времени формирования такого рода поясов можно судить по накладкам и наконечникам ремней, известных как в Среднем Поволжье, так и на верхней Каме. Это фигурные и фигурно-прорезные накладки⁷⁰. Судя по реконструкции пояса из погребения №24 Лоемского могильника, они встречаются в одном наборе и датируются XIII в.⁷¹

К XIV в. можно отнести X – видные накладки и их разновидности (рис. 3 -4, 6, 8). Этот набор по реконструкциям из погребения №20 Лоемского могильника⁷² обнаруживает явную связь с предшествующим, по накладкам с выпуклым декором в виде ромбов и с подвижными тренчиками. Кроме того, часть таких накладок (рис. 3-4) имеет достаточно близкие аналогии в Симферопольском кладе первой половины XIV в.⁷³

Таким образом, можно говорить, что пояса с изображением драконов были частью формирующегося комплекса ордынской периферийной моды у социальных верхов общества. В большей степени это относится к знаковым деталям костюма – наборным поясам⁷⁴.

Изображения дракона встречаются на металлических и на костяных изделиях в этот период не только в Поволжье, но и на Руси. Например, на костяной пластине от шкатулки (?), найденной в Новгороде в слое середины XIII в., изображен силуэт крылатого дракона с острыми ушами, открытой пастью, короткими лапами и хвостом в виде пальметки. М.В.Седова, по стилистике изображения, связывает этот рисунок с изображениями дракона на вратах суздальского собора Рождества Богородицы начала XIII в.⁷⁵

Интересно, что изображение на костяной пластине, найденной в Новгороде в слое конца XIV в., удивительно напоминает казанского дракона-змея⁷⁶, однако здесь присутствует и такая важная деталь сюжета, как изображение Солнца в виде колеса с девятью спицами. Нет, естественно, у дракона и короны.

По мнению В.П.Даркевича, здесь отражается индоевропейский миф о похищении жены Бога Грозы и вместе с ней Солнца, вод, и т.п. жадным Змеем. Все возвращается на свое место после победы рассерженного Громовержца над ним. Отсюда и христианизированный сюжет о борьбе с Сатаной в образе дракона и подвиги Георгия Победоносца и т.д. На наш взгляд вряд ли только стоит столь прямо интерпретировать образ дракона в данном случае с индоевропейской мифологией. Истоки этого сюжета, кстати, достаточно канонизированного, можно усмотреть в ином культурном круге.

Своего рода предшественниками «ордынскому дракону» на Руси были существа в виде «собакоголовых драконов», распространенные в средневековой Европе⁷⁷, и имевшие «художественную» популярность в ремесле Северо-восточной Руси с начала XIII в.

Другой массовой категорией, где присутствует образ дракона, являются бронзовые **зеркала** (тип Л)⁷⁸. Несмотря на явно заимствованный сюжет и оформление самого изделия – они достаточно четко сохраняют особенности китайских и чжурчженьских оригиналов⁷⁹, – они нашли свое место в материальной культуре населения Золотой Орды. Производились они как в крупных городах Золотой Орды, так и в периферийных ордынских центрах, например в Болгаре⁸⁰. Вместе с тем, стоит отметить и тот факт, что за пределы города и торговых центров изделия этого типа распространялись в очень небольшом количестве. Немного их в кочевнических захоронениях. В Булгарском улусе они редки и на сельских поселениях. Видимо, сюжет изображения в данном случае имел немаловажное значение и в силу этого ограничивал потребительскую сферу этой категории изделий.

Предметы вооружения. Встречается изображение дракона на *косяных колчаных накладках* золотоордынского времени⁸¹. Отмечается, что этот сюжет отражает представления, бытовавшие в среде тюркоязычных кочевников в средние века, согласно которым дракон выступал как покровитель, защитник. Интересно, что изображенный образ собирательный – туловище принадлежит кошачьему хищнику, а *голова – травоядному копытному*⁸² (курсив мой – К.Р.). Эта интересная особенность данных изображений перекликается с легендой о казанском «великом змее».

Посуда. Значительный символический статус изделий с драконом подтверждается и наличием парадных золотых чаш с ручкой в виде головы этого существа⁸³. Они специально исследованы М.Г.Крамаровским, который определяет их как один из характерных атрибутов монгольской всаднической культуры⁸⁴.

Ткани. Достаточно часто в погребениях золотоордынского времени встречаются шелковые ткани с изображениями драконов. Стиль этих изображений, по мнению специалистов, выдает их китайские истоки. На них дракон изображен с головой верблюда, гривой льва, рогами оленя, ушами быка, со змеиным телом, хвостом, покрытым рыбьей чешуей и с когтистыми лапами⁸⁵. Такие ткани в большом количестве производились в Северном Китае в период Юань (1279-1368), различаясь деталями трактовки образа дракона, в зависимости от отражаемых мифологических образов⁸⁶.

Особо стоит подчеркнуть значение, которое придавалось изображениям дракона в китайском императорском costume. Начиная с 1368 г в годы Хун-у (1368-1389) в ритуальном одеянии китайских императоров обязательно присутствует изображение дракона. Так же и на парадном

одеянии императрицы, особенно в оформлении головного убора, обязательно должен быть изображен дракон.⁸⁷ В первой половине XV в. даже в повседневном одеянии китайской императрицы головной убор сверху венчался золотым драконом, который поддерживался двумя фениксами из жемчуга и перьев зимородка⁸⁸.

Центральное место в оформлении императорского костюма дракон стал играть в годы Цзя-цзин (1521-1567). Он выглядел следующим образом: «на плечах [халата] были вышиты солнце и луна, на груди – свернувшийся в круг дракон, на спине – два свернувшихся дракона, вписанных в квадрат; по сторонам – 81 изображение дракона, на воротах и обоих рукавах халата тоже были вышиты драконы общим числом 59, и еще 49 драконов расположились на полах халата. Костюм дополняли темный нижний халат и белый пояс с красной подкладкой с девятью нефритовыми пластинами в форме драконов»⁸⁹.

Итак, очевидно, что широкое распространение образа дракона или крылатого змея в Восточной Европе (в первую очередь в Поволжье) относится к периоду Золотой Орды и отражало благожелательный смысл: долголетия, богатства, власти и знатности. Эта традиция закрепила и развила данный образ, сложившийся в тюркской среде, что и обусловило его широкое распространение в XIII-XV вв. в областях с тюркским населением. Кроме того, соотнесение образа дракона с высшей властью (императорской), видимо, было характерно для позднеордынских и постмонгольских государств – XV в., как правило, с преобладанием тюркского населения.

Вполне очевидно, что изделия с четко обозначенной драконьей символикой распространялись в элите золотоордынского общества, являясь отражением социального статуса владельца этого символа. С другой стороны, «драконья» символика в оформлении бронзовой поясной гарнитуры стала стилиобразующим элементом для среднего уровня потребителей и толчком для формирования «геометрического» стиля фигурно-прорезных и объемно-рельефных накладок волго-камского региона.

Таким образом, прослеживается несколько линий в развитии сюжета со змеей-драконом в казанском Поволжье. Распространение этого образа связано с мифологическим восприятием змеи в финно-угорской среде, особенно ярко проявившееся в контексте с мотивом «змееборства» («всадница на змее») в IX-XI вв. и с его предшественником – «сюжетом с ящером» (первая половина I тыс. н.э.). Более ранние сюжеты, имеющие отдаленные аналогии с мотивами фантастического хищного животного (грифона, волка) уходят в эпоху раннего железа и связаны со скифо-сибирским звериным стилем.

Видимо, с этого времени образ змеи-дракона получает распространение в тюркской среде, неся охранительную и благожелательную функции, что традиционно сохраняется в период Хазарского каганата и Волж-

ской Булгарии. В XIII-XIV вв. в Среднем Поволжье это собирательный образ стал менее зависимым от общеимперской золотоордынской традиции и от более далеких восточных (китайских) прототипов. Здесь фигурируют и элементы не характерные для типовых китайских образов: например, голова травоядного животного. Но увязку с социальной и государственной символикой он получает только в период Золотой Орды.

Вторая линия связана с трансформацией образа дракона в золотоордынской среде. В этом плане здесь он становится более «строгим»: исчезают усы, рога, пышная грива. Сам дракон «становится» на две лапы. При этом существенную роль играет государственная символика этого образа.

Последующая эволюция и трактовка этого образа как в народной традиции, и в государственной символике проходит определенные этапы уже в период Казанского ханства. Своего рода «новое содержание» данный образ, отразившийся, видимо, в казанской легенде, приобретает в первой половине XV в. Но, тем не менее, можно предполагать, что основное свое значение как символа связанного с символикой высшей власти он продолжает сохранять и в последующее время.

Примечания

- ¹ Соболева Н.А. Из истории казанской символики // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28-29 августа 2000 г. Казань. С.317-330.
- ² Там же. С.322.
- ³ А.Х.Халиков справедливо называл легендарное существо змеем, но символом Казани все же изображается дракон, а не змей.
- ⁴ Халиков А.Х. О времени, месте возникновения и названии города Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань. 1976. С.9-12.
- ⁵ Там же. С.12 и сл.
- ⁶ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. Том XIX. М.: Языки русской культуры. 2000. С.11.
- ⁷ Соболева Н.А. Русские печати. М.: Наука. 1991. С.213; Соболева Н.А. Из истории... С.319-321.
- ⁸ Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. С.102.
- ⁹ Лакиер А.Б. Ук. Соч. С.184.
- ¹⁰ Соболева Н.А. Русские печати. М.: Наука. 1991. С.204-205.
- ¹¹ Лакиер А.Б. Русская геральдика... 1990. С.81; Соболева Н.А. Русские печати... 1991. с.207; Соболева Н.А. Российская государственная символика. История и современности. М.: Владос. 2002. с.50-53.
- ¹² Лакиер А.Б. Русская геральдика... 1990. С.81.
- ¹³ Арсеньев Ю.В. Геральдика: Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907-1908 году. М.: Terra – Книжный клуб, 2001. С.248, рис.3.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. С.45.
- ¹⁶ Слейтер С. Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия / пер. И.Жилинской. М.: изд-во Эксмо. 2005. С.58, рис. в правом нижнем углу.

- ¹⁷ Слейтер С., 2005. С.90-91, рис. на с.90, справа, в крайней колонке посередине.
- ¹⁸ Слейтер С., 2005. С.187, рис. в правом нижнем углу. В этой связи стоит отметить, активный интерес Ивана IV к западноевропейской геральдике (См.: Соболева Н.А. Русские печати. М.: Наука. 1991. С.213).
- ¹⁹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С.123; Джонс Гвин Викинги. Потомки Одина и Тора. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. Вклейка: илл.2. мотив змеи: с.356-357.
- ²⁰ И. фон Фрикс Суда викингов. Л.: Судостроение, 1982. С.46, 96. прим.13 (А.А.Чебан).
- ²¹ Сухих В.В. Символы змеи на оружии древнего населения Европы // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф.Генинга. Часть 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999. С.80.
- ²² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу: перевод и комментарий / Под. ред. И.Ю.Крачковского. М.:Л., 1939.
- ²³ Лакиер А.Б. Русская, табл.XV, XVII; Соболева Н.А. Из истории... Рис.1-7.
- ²⁴ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт. 2000, с.190-191.
- ²⁵ Пропп В.Я., Ук. Соч., с.183-184.
- ²⁶ См.: Мифы народов мира. Энциклопедия. Том 1 (А-К). М.: Советская энциклопедия, 1991, с.468-471.
- ²⁷ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: изд-во ун-та, 1985. Табл. LV и др.
- ²⁸ Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. С. 150. Этот мотив тесно связан с мифологическим образом лося. Компоновка рисунка включает «единство» человека, рыб, птиц и «ящеров» (Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М.: Наука., 1975. С.57).
- ²⁹ Шутова Н.И. Ук. соч. С.149.
- ³⁰ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. Рис.70-15, с.288. Танкеевский могильник. Погр.№291.
- ³¹ Шутова Н.И. Ук. соч. С.150.
- ³² Там же.
- ³³ Мифы..., 1991, с.394-395.
- ³⁴ Даркевич В.П. Дракон и Солнце // Родина, №6, 2002. С.91.
- ³⁵ Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.: Л., 1960. С.291.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука., 1964. С.227, рис.80-8.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С.233.
- ⁴⁰ Белоцерковская И.В., Тухтина Н.В. Древности Прикамья в собрании Государственного Исторического музея. М. (буклет). Ср.: Руденко С.И. Ук. соч., рис.150-3.
- ⁴¹ Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: издательский дом «Удмуртский университет»,. 1999. С.200-201, цв. вклейка.

- ⁴² Королькова Е.Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Выпуск 35. СПб: изд-во ГЭ, 2001. С.103, рис.5-1.
- ⁴³ Например: Королькова Е.Ф. Ук. соч. Рис.5-6.
- ⁴⁴ Королькова Е.Ф. Ук. соч. С.110.
- ⁴⁵ Ежов В.В. Мифы древнего Китая. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО Издательство АСТ, 2004. С.73.
- ⁴⁶ Доде З.В. Уникальный шелк с «драконами» их могильника Джухта (Северный Кавказ) // Российская археология, №2, 2005. С.143.
- ⁴⁷ Ежов В.В. Мифы древнего Китая. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО Издательство АСТ, 2004. С.73.
- ⁴⁸ Древний Китай. Китайская цивилизация от неолита до эпохи Тан / Составитель М.Скарпари. М.: АСТ, Астрель, 2003. Илл..6-7; 194-195.
- ⁴⁹ Древний Китай. ..., илл.166.
- ⁵⁰ Там же, илл.181 (в центре) и 182 (вверху).
- ⁵¹ Там же, илл. 104-105.
- ⁵² Ежов В.В. Ук.соч. С.74-77.
- ⁵³ История Китая. Минск: Харвест, 2004. С.138-139, 143.
- ⁵⁴ Коренько В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль / Культура народов Востока. Материалы и исследования. М.: издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2002. С.136.
- ⁵⁵ Коренько В.А. Ук. соч. С.135.
- ⁵⁶ Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001, с. 52.
- ⁵⁷ Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара. 1998. Рис. на с.26, цветная вклейка.
- ⁵⁸ Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Ук. соч. С.26-31.
- ⁵⁹ Флерова В.Е. Согдийское ремесло и кочевники VII-VIII вв.: о происхождении накладок из Шиловского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15: Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001. С.84.
- ⁶⁰ Флерова В.Е. Ук. Соч. С.83.
- ⁶¹ Коренько В.А. Ук. соч. С.95.
- ⁶² Коренько В.А. Ук. соч. С.133-135.
- ⁶³ Коренько В.А. Ук.соч.С.96.
- ⁶⁴ Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. Л.; М., 2000. С.69,216, кат.№19.
- ⁶⁵ Крамаровский М.Г. Ук. Соч., с.44, 52.
- ⁶⁶ Крамаровский М.Г. Ук. Соч., с.52-53.
- ⁶⁷ Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI-XIV вв. Казань: Школа, 2001. С.71, тип. АIX-7; Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. Л., 1987. С.139, рис.36-31.
- ⁶⁸ Крамаровский М.Г. Золото.... С.39, рис.15.
- ⁶⁹ Савельева Э.А. Вымские..., с.137, тип.4, рис.36-23; 37.
- ⁷⁰ Руденко К.А. Материальная... С.71, тип.АVIII-3.
- ⁷¹ Савельева Э.А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Выпуск 13. Сыктывкар, 1995, рис.11-2.

- ⁷² Савельева Э.А. Лоемский..., рис.11-1.
- ⁷³ Крамаровский М.Г., Ук. соч.С.339, кат.№565-595.
- ⁷⁴ Захоронение №20 Лоемского могильника принадлежало человеку в возрасте 45-55 лет и предположительно женское, хотя, как отмечает Э.А.Савельева, набор вещей мужской: Савельева Э.А., Лоемский... С.98.
- ⁷⁵ Седова М.В. Изделия новгородских ремесленников-ювелиров X–XV вв. (по данным археологии) // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI-XV века / Центры художественной культуры средневековой Руси. М.: Наука, 1996. С.422, кат.№183.
- ⁷⁶ Даркевич В.П. Дракон и Солнце // Родина, №6, 2002, рис. на стр.91.
- ⁷⁷ Хорошев А.С. Седло начала XIII в. из Новгорода // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В.В.Седова. М.: Наука, 2004. С.339.
- ⁷⁸ Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. Золотая Орда: археология, нумизматика, искусство. Золотоордынский город и Дешт-и-Кипчак. №1-2 (12-13), 2004. С.117, рис.19-7-12.
- ⁷⁹ Там же, рис.19-7,10,12.
- ⁸⁰ Полякова Г.Ф. Зеркала с драконом из Болгар // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С.217.
- ⁸¹ Малиновская Н.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными накладками на территории Евразийских степей // Города Поволжья в Средние века. М.: Наука, 1974., 1974. С.132-175; Гаврилина Л.М. К вопросу о культурных традициях в искусстве поздних кочевников // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. С.127-128.
- ⁸² Гаврилина Л.М. К вопросу о культурных с.128.
- ⁸³ Крамаровский М.Г. Ук. соч. с.62-65. Сокровища..., кат.№№12,13,14,15.
- ⁸⁴ Там же. С.61.
- ⁸⁵ Доде З.В. Уникальный шелк с «драконами» их могильника Джухта (Северный Кавказ) // Российская археология, №2, 2005. С.143.
- ⁸⁶ Доде З.В. Ук. соч. С.145.
- ⁸⁷ Писцов К.М. Костюм и политика в империи Мин // Восточная коллекция, (весна), №1 (20), 2005. С.93,94.
- ⁸⁸ Там же. С.98.
- ⁸⁹ Там же. С.100.

Рис. 1. Изображения фантастических животных в искусстве Горного Алтая. По С.И.Руденко: (1960, с.289, рис.148).

Рис. 2. Изображение на костяной пластине из Шиловского кургана.
По Р.С.Багаутдинову, А.В.Богачеву, С.Э.Зубову: (1998. Рис. на с.26).

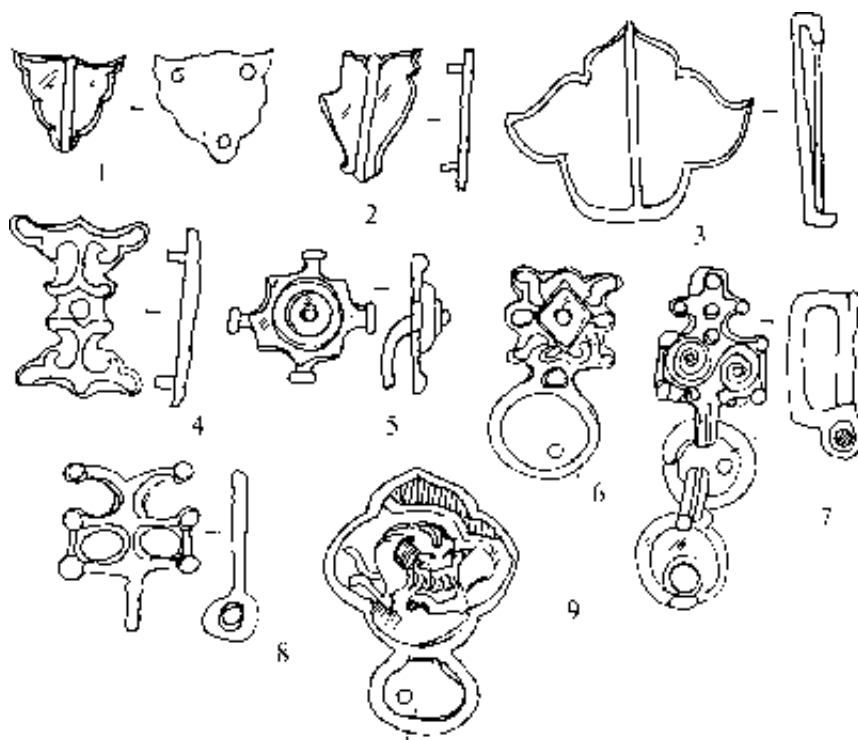

Рис.3. Бронзовые накладки. Болгарское городище. Коллекция НМ РТ.

Цв. илл. 1. Бронзовая секира. Ананьинская археологическая культура. VI-IV вв. до н.э. Вятская губерния. Коллекция НМ РТ.

Цв. илл. 2. Бронзовая литая накладка с изображением дракона.
Болгарское городище. XIV в. (?). Коллекция НМ РТ.

Светлана Сулова

**Вопросы формирования традиционных
костюмных комплексов казанских татар
(Заказанская зона Центрального
этнокультурного ареала)**

Формирование традиционного костюма волго-уральских татар до сих пор остается недостаточно изученным, что было связано с отсутствием серьезной историко-этнографической базы для подобного рода исследований. Ситуация изменилась с публикацией в 2000 г. типологических, картографических, иллюстративных материалов Историко-этнографического атласа татарского народа – тома, посвященного народному костюму середины XIX начала XX веков¹. Эти материалы показали, что множество рассматриваемых явлений (типов одежды, головных уборов, украшений, обуви) уходит своими корнями в глубь веков. Естественно, что для целостного показа истории формирования татарского костюма необходимо выявить пути формирования этих явлений задолго до того, как они стали объектом изучения этнографов, т.е. до начала XIX в.

Пределы достоверности этих явлений (имеются в виду реальные материалы этнокультурных напластований хронологически предшествующих эпох) при известном структурно-типологическом и ретроспективном анализе могут быть отодвинуты до XVI-XVII вв. – начального периода формирования волго-уральских татар как этнической общности². По отдельным же категориям костюма, в частности, металлическим украшениям, нижняя хронологическая отметка может быть отодвинута и к более ранним эпохам, периодам Волжской Булгарии, Золотой Орды и постзолотоордынских татарских ханств. Атлас открыл возможности создания исторически достоверных историко-этнографических реконструкций, т.е. возможности выхода на решение проблем, связанных с историей формирования татарского костюма и его связи с этнической историей этноса в целом.

Методологической основой историко-генетических построений в данном случае является этнокультурное районирование татарского народа по данным традиционного костюма. Оно позволило выделить в Волго-Уральском регионе три крупных этнокультурных ареала (Западный, Центральный и Восточный) каждый из которых включает в себя распространение территориальных костюмных комплексов (К.К.), имеющих по основным типологическим показателям общую основу³.

В статье предпринимается попытка проследить генезис ряда этноспецифических элементов Заказанского (основного) костюмного комплекса татар Центрального этнокультурного ареала, где функционировали К.К., связанные с культурными традициями казанских татар.

Казань и Заказанье (левобережье Волги: север Зеленодольского района, почти весь Арский, западная часть Сабинского районов Татарстана), как известно, являются выразителем наиболее ортодоксальных черт в костюме казанских татар. Именно здесь оформилось политическое, экономическое и культурное ядро этноса. Именно здесь наиболее компактно проживали казанские татары.

При выявлении путей формирования Заказанского К.К. важной методической посылкой является особое рассмотрение его городских и сельских вариаций, имеющих самостоятельные линии развития.

В плане генезиса городских вариаций казанско-татарского К.К. представляет интерес старинный высокий каркасный головной убор, который сохранился в памяти очень пожилых информаторов Заказанья под названием *тәкья бурек*. Историческую ценность представляют собой ранние изобразительные материалы – изображение знатной татарки начала XVIII в., приведенное в сочинении Корнелия д'Бруини «Путешествие через Московию»⁴ (рис. 1), зарисовки и гравюры русских и иностранных художников – Е. Корнеева, А. Мартынова (рис. 2, 3), И Лепренса (рис. 4), а также ранние письменные сведения И.Г. Георги⁵, И. Лепехина⁶, К. Фукса⁷ и др. Все эти источники указывают на головной убор казанских татарок в виде высокого конуса, поверхность которого покрыта многочисленными бляхами, гранёными камнями и бусами; сверху конус оканчивался золоченым навершием. О средневековых ханских традициях, лежащих в основе формирования этого убора, говорит ареал его бытования, ограниченный пределами Казани и Заказанья – территориального и этнического ядра Казанского ханства.

С точки зрения генезиса подобных «царственных» уборов ханского периода и аналогичных уборов городской знати (XVII – начало XIX вв.) определенный интерес представляют собой островерхие конические головные убory золотоордынской знати. Истоки их через степные традиции кипчакской аристократии уходят в глубокую древность. К примеру, головные убory скифских цариц и аристократок – островерхие конические каркасные, украшенные бляхами и надевавшиеся в комплексе с большим покрывалом – представляют собой практически полную аналогию головному убору знатной казанской татарки XVIII в.⁸ (рис. 5). Заметим, что в одеждах царствующих династий и их городского окружения у разных этнических общностей, как известно, нередко имелось много общего.

В плане генезиса представляют интерес и упомянутые выше золоченые навершия. В золотоордынских головных уборах они известны по материалам золотоордынских кладов⁹. Навершия находим и в декоре ранних головных уборов монгол¹⁰. Бляха – навершие до сих пор является практически обязательным элементом женского убора *фес* крымских татар¹¹, значительно дольше казанских сохраняющих архаические формы костюма, восходящие к культуре ханского времени.

Этноспецифическим элементом заказанского городского костюмного комплекса являются, как известно, серьги, основу которых составляет сканый щиток миндалевидной формы. Многочисленные варианты этих серёг широко бытовали у волго-уральских татар и крышен в XVIII-XIX вв. и ранее¹².

В коллекции Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника в качестве сибирско-татарских значится любопытная пара подобных миндалевидных серёг¹³, которая, по нашему мнению, может рассматриваться как поздний – золотоордынский прототип казанско-татарских, хотя и небесспорно. По форме основного щитка, характеру подвесок (в виде мелких монет) эти серьги идентичны казанско-татарским. По рисунку же скани (мотив многолепестковой розетки) и особенностям инкрустации самоцветами (отсутствии характерной для казанско-татарских серег розетки из самоцвета, осыпанного мелкой бирюзой) они сопоставимы с золотоордынскими изделиями¹⁴. Сопоставимы они в этом отношении и с ювелирными украшениями (бляхами), венчающими «Казанскую шапку» – ханскую корону XV-XVI вв. Некоторое сомнение вызывают русские монеты, прикрепленные к серьгам в качестве подвесок. Однако заметим, что подобного типа серег у русских не было.

Тобольские серьги крупные, их ушко дротовое, что говорит о том, что они использовались в качестве височных подвесок к каркасному головному убору знатной сибирской татарки. Подобный убор в 2002 г. обнаружен в средневековом татарском женском погребении в районе г. Томска профессором Л.А. Чиндиной. Крупные аналогичные серьги (до 15 см.) в период Казанского ханства были известны и казанским татарам. Их видим, в частности, на известном «Портрете последней царицы Казанского ханства Сююмбеки» (предположительно копия XVIII в. с картины XVII в.). Они крепились к каркасному головному убору и нередко соединялись между собой подбородочными цепочками. Так, в собраниях А.Ф. Лихачёва в Национальном музее РТ (Казань) хранится массивное позолоченное украшение из двух крупных миндалевидных подвесок, соединенных цепью. Совершенно очевидно, что центральные детали этого старинного украшения (сканые миндалевидные бляхи) аналогичны древним тобольским серьгам и серьгам казанско-татарским.

Старинной, этноспецифической женской рубахой казанских татар является рубаха с верхним воланом *өске итәкле күлмәк*. По покрою, она туникообразная с отрезным, чуть ниже талии остовом, широким подолом и пришитым несколько выше талии широким воланом. Рукав широкий прямой, ворот-стойка, спереди на груди имеется глубокий разрез. Рубаха, по конструкции, монументальна, что соответствует стилевому направлению в женском костюме средневековья в целом. Подобный тип рубахи видим на упомянутом выше изображении знатной казанской татарки начала XVIII в. из книги Корнелия д'Бруини (рис. 1).

Традиционно глубокий разрез на груди такой рубахи функционально предполагает наличие массивного украшения, прикрывающего этот разрез. У казанских татар существовали самые разнообразные типы таких украшений. Особый интерес представляет собой шейно-нагрудное матерчатое украшение *тамакса*, наподобие лунницы, украшенной кораллами и нередко чешуеобразно зашитой серебряными монетами (рис. 6). Позднесолотоордынским ханским прототипом этого украшения является металлическая серебряная лунница *айчык*, хранящаяся в фондах Российского этнографического музея¹⁵ (Санкт Петербург). Это украшение из чеканной гравированной пластины, обильно украшенной овальными сердоликами, осыпанными бирюзой. К нижнему краю лунницы подвешены двенадцать металлических бляшек, имитирующих монеты с арабскими письменами, и большая пальметовидная пластина, таким же образом украшенная сердоликом, бирюзой (рис. 7). Более поздним вариантом подобного украшения очевидно является матерчатая лунница, покрытая золотым позументом, сплошь ушитая драгоценными бляхами казанско-татарской работы из Особой кладовой того же музея¹⁶. Драгоценные аналоги этому казанско-татарскому украшению ханского периода известны и у других этноструктурных подразделений татар. Так, уникальным экспонатом сибирско-татарской коллекции Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ) является женское украшение *айчык*, представляющее собой металлическую лунницу с подвесками, инкрустированную самоцветами и сплошь покрытую чеканным орнаментом цветочно-растительного характера¹⁷. Мотивы орнамента – высокорельефные цветочные розетки – идентичны золотоордынским, казанско-татарским. Судя по ранним этнографическим материалам Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника, матерчатая с парчовым покрытием лунница, украшенная самоцветами, бытовала в донациональный период у астраханских татар. Шитая золотом имитация лунницы присутствовала очевидно и в женских нарядах ханского периода у крымских татар. В этом убеждает знакомство с ранними экспонатами ханского дворца в Бахчисарае. Двухсторонняя техника крымско-татарского золотого шитья *татар эшлеми* настолько плотна, монументальна и изыскана, что визуально напоминает чеканку на металлических лунницах. Очевидно, этот круг шейно-нагрудных драгоценностей принадлежал знати постзолотоордынских татарских ханств (рис. 8).

Формирование городского казанско-татарского костюма, как и ранних форм костюма ханской знати, очень тесно, по сравнению с периферийными, сельскими его вариациями, связано с традициями Ислама и восточными тюрко-исламскими традициями в целом¹⁸. Мы остановимся лишь на некоторых сюжетах. Так, в головных уборах эту традицию представляют собой, так называемые, нижние головные уборы: у мужчин – тубе-

тейка, поверх которой надевали войлочную шляпу, шапку или чалму, у женщин волосники, с обязательным покрытием их верхними уборами.

Обязательным верхним убором мусульманина, особенно в центрах восточных цивилизаций, являлась *чалма*. У татар этот убор получил распространение у духовенства и знати; у других социальных групп *чалма* использовалась лишь в ритуальных случаях, при совершении намаза, например.

Широко распространенными в мусульманских странах были женские накидки на голову, происходящие из халата, где они нередко превращались в специфический вид женской выходной одежды (типа турецкой *фериэзи*). Следы подобной традиции наблюдаем у городских казанских татарок, и в сельской среде. Например, прямоспинный халат *жылэн*, чаще с плеча мужа, использовали в качестве покрывала-накидки на голову казанские татарки в уездах Самарской и Оренбургской губерний (рис. 9).

Приверженность Исламу особенно ярко отразилась на женских украшениях казанских татарок, на декоративно-художественном оформлении их костюма. Многие ювелирные украшения наряду с декоративной функцией выполняли и роль мусульманского амулета, на которых в качестве орнамента выступает искусно выполненная гравировка арабской вязью с благожелательными выдержками из Корана.

Формирование сельских вариаций казанско-татарского комплекса в большей степени, по сравнению с городом, связаны с традициями местных финно-угорских народов Волго-Уральского региона и, в меньшей степени, с восточно-мусульманскими (за исключением сельской знати и духовенства). Так, например, наши исследования показали, что территорией наиболее раннего бытования женских калфаков, этноспецифического головного убора казанских татарок, является Заказанская часть Предкамья, где их изготовление получило характер массового промысла. Маленький калфачок с высоким околышем в этих районах фактически исполнял роль, так называемого, рогообразного налобника. Здесь эта традиция претендует на исконность бытования и, вероятно, восходит к волосникам с твердой налобной частью наподобие кряшенских *мәләнчек*, которые, как и калфаки, всегда носились в комплексе с покрывалами (рис. 10).

Рогообразные женские уборы хорошо известны среди финно-угорских народов Предкамья. В частности, подобным убором марийских женщин является *чурик*¹⁹ (рис. 11). Это дает основание высказать предположение о том, что калфаки с твердым околышем или налобником формировались в районе Заказанья на основе рогообразного убора в процессе тесной связи казанских татар с марийцами и другими народами края, у которых имелись аналогичные уборы. Этим же, вероятно, объясняются и общие черты в украшениях сельских вариаций казанско-татарского комплекса и украшениях финно-угорских народов края

(мордвы, мари, удмуртов). Общность заключается в близости, порою идентичности форм отдельных типов украшений, особенно монетных шейно-нагрудных, выполненных на матерчатой основе²⁰. Более того, происхождение такого мусульманского украшения-амулета как перевязь *хәситә* обусловлено синтезом восточных мусульманских традиций употребления *бәти* (охранной выписки из Корана) и местных нагрудных украшений типа перевязей, которые и у финно-угорских народов также зачастую играли роль оберега, но скорее языческого. Параллельно с такой перевязью у татар казанской зоны, как и у большинства финно-угорских народов волго-уральского региона, бытовала и «перевязь-украшение» без мусульманского амулета, со следами скорее языческого оберега. Вероятно, и у казанских татар первоначально существовала именно такая перевязь, которая лишь позднее под влиянием восточных мусульманских традиций трансформировалась в особый мусульманский «амулет-украшение». Не случайно материалы картографирования перевязей по назначению показывают, что перевязь-украшение преимущественно была распространена на периферии, в сельских районах, а перевязь в качестве мусульманского амулета-украшения – в городской среде, более тесно связанной с исламскими традициями²¹.

Как видим, формирование городских вариаций казанско-татарского К.К. в значительной степени связано с городскими традициями Золотой Орды, Казанского ханства и других постзолотоордынских тюрко-татарских государственных образований с достаточно развитой городской культурой²², а также с культурными традициями восточных тюрко-исламских цивилизаций в целом. Формирование средневековых тюрко-татарских государственных объединений XV-XVI веков (Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское ханства), как известно, в значительной степени было связано с распадом Золотой Орды – мощной средневековой этнополитической общности Евразии. Однако это обстоятельство, как отмечают многие исследователи, не означало взаимной изоляции этих родственных объединений. Они продолжали сохранять многочисленные этнополитические, этнокультурные связи²³. Это подтверждают и рассмотренные выше сюжеты.

Формирование же сельских вариаций в большей степени связано с этнокультурными традициями местных финно-угорских народов Поволжья. И это не случайно. Финно-угорский компонент был одним из основных в этнокультуре волжских булгар. Культурные связи с финно-угорскими народами поддерживались казанскими татарами на протяжении всей истории их формирования и во времена Казанского ханства, и в период вхождения народов края в состав централизованного Русского государства.

Примечания:

- ¹ Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX - начало XX вв.) Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань, 2000.
- ² Исахаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998, с.247.
- ³ Сулова С.В. Этнокультурное районирование татар Поволжья и Урала по данным народного костюма // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. – М.: Наука, 2003. – С. 178-208.
- ⁴ Корнелий де Бруини. Путешествие через Московию. Пер. П. Барсова. – М., 1873.
- ⁵ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – Ч. II. Спб., 1799. – С.12, рис. 112.
- ⁶ Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг., ч. 1. – Спб., 1771. – С. 160.
- ⁷ Фукс К.Ф.. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань, 1844. – С. 18.
- ⁸ Рикман Э.А. Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гето-даки (середина I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1986. С. 11, 17.
- ⁹ Крамаровский М.Г. Золото чингисидов. Культурное наследие Золотой Орды. – Санкт-Петербург, 2001.
- ¹⁰ Ядамсурэн Ү. БНМА улсын ардан хувсац. Хянагч Б. Содном . Улсын хэвлэл Уланбаатар, 1967 он 1967. – Рис. 6, 38, 87).
- ¹¹ Qirimtatar dekorativ-ameliy sanati (XIX – XX asir) – Simferopol: SONAT, 2001/ – Р.18; Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. – М: Наука, 2000. – С. 35.
- ¹² Сулова С.В., Кадырова Г.А. Миндалевидные серьги казанских татар и особенности их бытования в традиционной одежде волго-уральских кряшен // Ювелирное искусство и материальная культура. – Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2001, с.58-59; См. Примечание в кн: Ювелирное искусство и материальная культура. – Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2002, с. 206.
- ¹³ Сулова С.В. Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как историко-этнографический источник // Татарская археология. Казанское и другие татарские ханства: археология, эпиграфика. Искусство. – № 1–2 (10–11). – Казань: Институт истории АНТ, 2004. – С. 210–229.
- ¹⁴ Крамаровский М.Г. Золото чингисидов. Культурное наследие Золотой Орды. – Санкт-Петербург, 2001: Каталог: 409-410, 483-486.
- ¹⁵ РЭМ, инв. 25405.
- ¹⁶ РЭМ, инв. 787-Т, 430-ВС.
- ¹⁷ Сулова С.В. Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как историко-этнографический источник. ..., рис 13.
- ¹⁸ Suslova Svetlana V. The Turkic-Islamian tradition in the folk Tatar clothes (on the materials of the Tatar people’s ethnological atlas). The XIII-th Turkish Congress of History. – Ankara, 1999; Сулова С.В. Восточные тюрко-исламские тради-

- ции в народной одежде волго-уральских татар (по материалам этнографического атласа татарского народа) // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. – Москва-Нальчик, 2001. С. 129.
- ¹⁹ Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. – С. 34; Lehtinen Ildiko. Marien mekot. Volgansuomalaisten kansanpukujen muutoksista. – Helsinki, 1999. – P.75-77.
- ²⁰ Сулова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1980. – С. 42-47.
- ²¹ Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм... С. 309, карта 34.
- ²² Города Поволжья в средние века. Сб. статей под ред. А.П.Смирнова и Г.А.Федорова-Давыдова. – М.: Наука, 1974.
- ²³ Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – середины XVI вв.) // Панорама-форум. – Казань, 1995, №3. – С. 95-107. Он же. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах // Tatarica, 1997/98, №1 – С.42-95; Мухамедьяров Ш.Ф. Рец. на кн.: Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск, 1978. – 208 с. // Советская этнография, 1980, №3. – С.171.

Рис. 1. Знатная татарка начала XVIII в. Копия рисунка из книги Корнелия де Бруини. Худ. А.А. Мазанов.

Рис. 2. Молодая татарка. Копия с гравюры А. Мартынова. Худ. А.А. Мазанов.

Рис. 3. Женщина казанских татар. Копия картины А. Мартынова. Худ. Д. Залялетдинов.

Рис. 4. Казанская татарка. Середина XVIII в. Копия гравюры И.Б. Лепренса. Худ. А.А. Мазанов.

Рис. 5. Реконструкция скифского головного убора (по Г.И. Бровке).

Рис. 6. Шейно-нагрудное украшение тамакса. XIX – начало XX вв.

Рис. 7. Старинное шейно-на-грудное украшение казанских татарок *айчык*. РЭМ.

Рис. 8. Костюм знатной казанской татарки. Казанское ханство. Реконструкция С. Суловой. Худ. Т. Соловьева.

Рис. 9. Выходная одежда сельской женщины. Реконструкция С.Суловой по материалам Самарской губ. Худ. Д. Залялетдинов. Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье». Самара.

Рис. 10. Казанская татарка в «рогообразном» калфачке с покрывалом. Фото XIX в.

Рис. 11. Марийка из г. Уржума в «рогообразном» головном уборе. Из кн.: I. Lehtinen. Marien mekot... рис. 83.

Сведения об авторах

Калинин Николай Филиппович (1988-1957) – кандидат исторических наук, известный специалист по древней и средневековой археологии и истории Среднего Поволжья; долгое время исследовал историю г.Казани.

Ситдигов Айрат Габитович – кандидат исторических наук, заведующий Национальным центром археологических исследований Института истории им.Ш.Марджани АНТ, специалист по археологии эпохи Казанского ханства, позднего средневековья.

Старков Андрей Алексеевич – ведущий научный сотрудник Управления охраны памятников истории и культуры г.Казани. Проводит исследования археологии эпохи Казанского ханства, позднего средневековья.

Юсупов Гарун Валеевич (1914-1968) – известный специалист по археологии, болгарской и татарской эпиграфике, этнограф и знаток духовной культуры татарского и башкирского народов.

Руденко Константин Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Национального музея Республики Татарстан, специалист по средневековой археологии Среднего Поволжья.

Суслова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им.Ш.Марджани АНТ, специалист по этнографии татарского народа.

Список сокращений

- ГЭ – Государственный Эрмитаж (г. С.-Петербург)
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
КГУ – Казанский государственный университет
им. В.И.Ульянова (Ленина)
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МКК – Мавзолеи Казанского Кремля
МОРПТ – Материалы по охране, ремонту и реставрации
памятников ТССР
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СКВР – Средневековая Казань: возникновение и развитие
ТА – Татарская археология

✉ Адрес редакции: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 9

Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана,

☎ Телефон: (8432) 292-92-64, 292-84-82

✉ E-mail: history@ih.kazan.ru, history@tataroved.ru

Дизайн обложки – Миляуша Хасанова. Оригинал-макет – Л.М.Зигангареева.

Объем 8,0 п.л. Подписано к печати 18.07.2005 Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО Полиграфическо-издательский комплекс «Дом печати». Заказ № А5/9

Электронная версия журнала <http://www.tataroved.ru/publication/journals/3/>